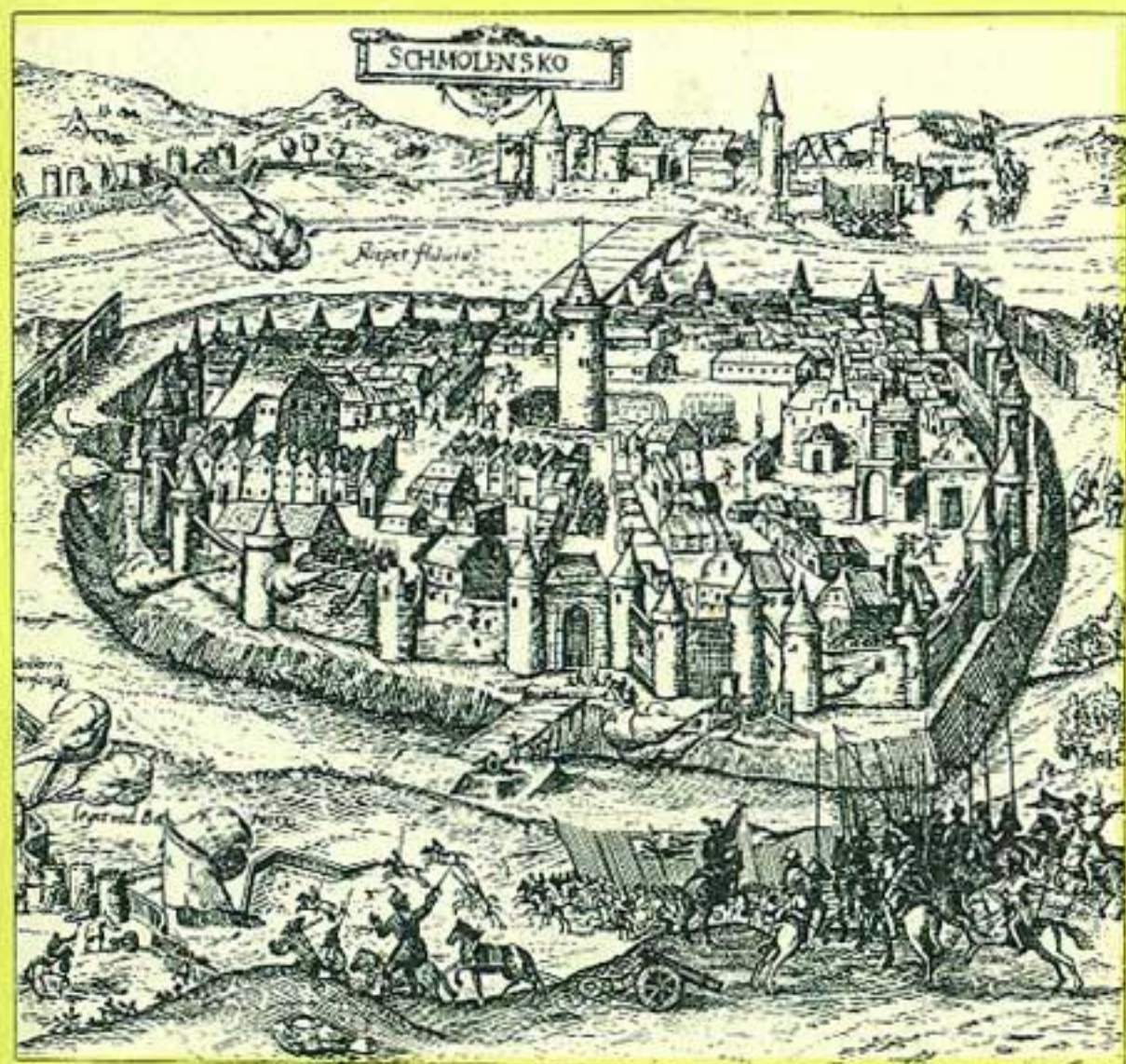
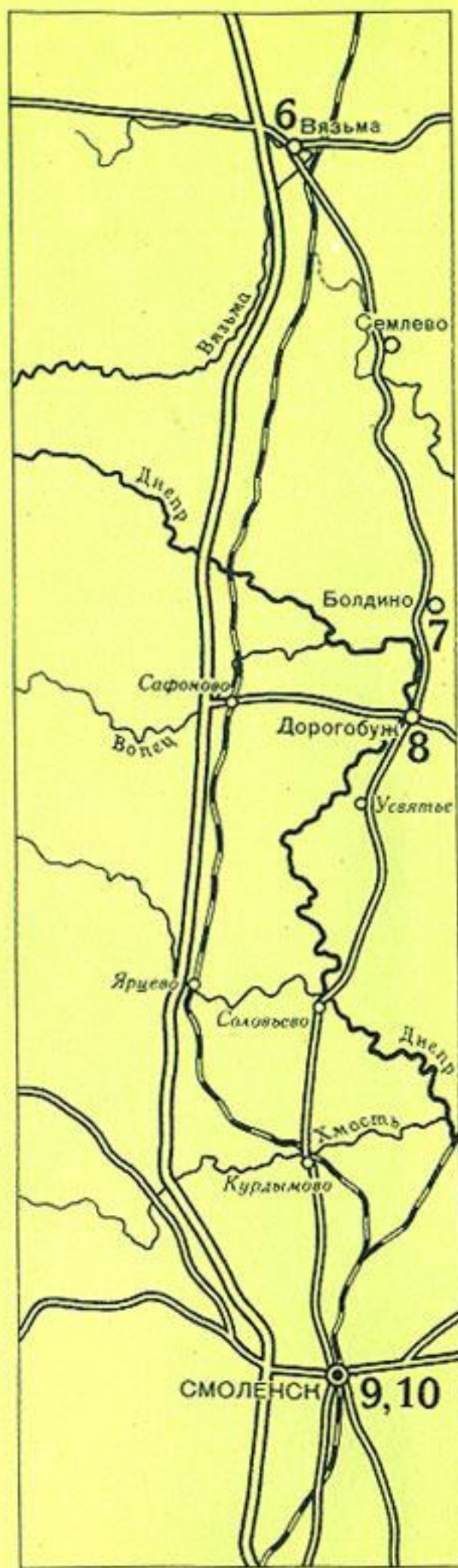
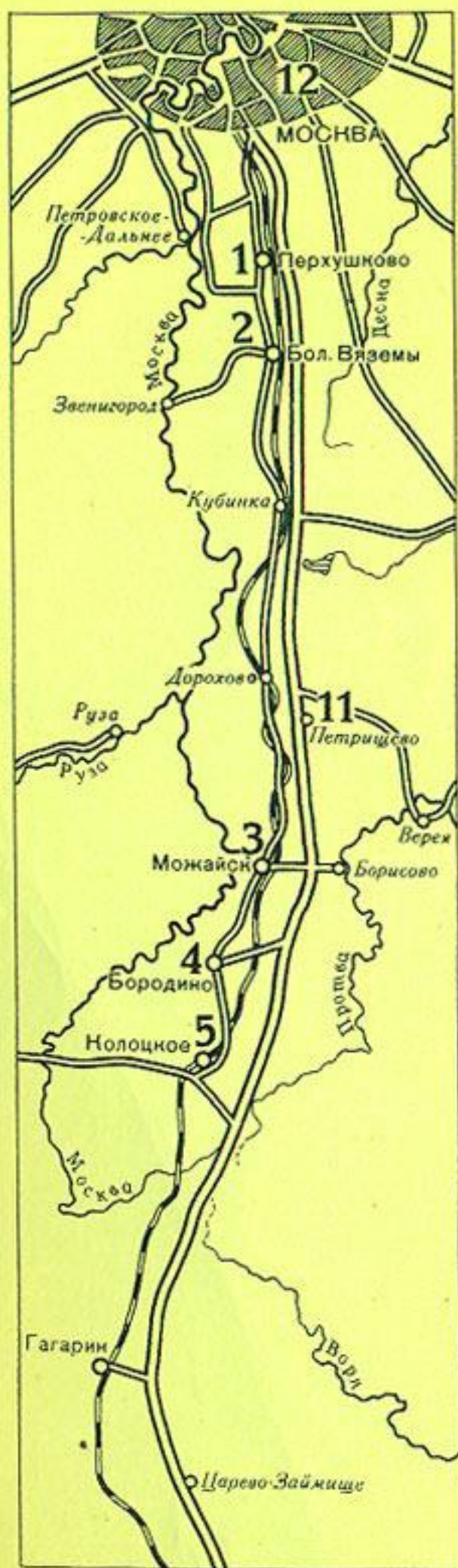

СТАРЫМ СМОЛЕНСКИМ ТРАКТОМ

1. Перхушково.
Покровская церковь.
2. Вяземы.
Троицкая церковь.

3. Можайск.
Петропавловская церковь.
4. Бородинское поле.
Памятник
М. И. Кутузову.

5. Колоцкое.
Колокольня Колоцкого монастыря.
6. Вязьма. Ивановский монастырь.
Одигитриевская церковь.

7. Болдино.
Троицкий монастырь.
Колокольня.
8. Дорогобуж.
Церковь Петра и Павла.

9. Смоленск.
Церковь Михаила Архангела (Свирская).
10. Смоленск. Крепость.
Многогранная башня.

11. Минское шоссе.
Памятник Зое
Космодемьянской.
12. Москва.
Триумфальные ворота.

СТАРЫМ СМОЛЕНСКИМ ТРАКТОМ

В. В. КОСТОЧКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

МОСКВА

1972

СОДЕРЖАНИЕ

Ваша дорога	6
1. Большие Вяземы	11
Кутузовский проспект (11). Поклонная гора (11). Минское шоссе (13). Кунцево (13). Можайское шоссе (13). Перхушково (15). Покровская церковь (16). Большие Вяземы (17). Годуновская усадьба (17). Троицкая церковь (20). Звонница (22). Церковная ограда (23).	
2. Можайск и Бородино	24
Далее на запад (24). Можайск (25). Первооснова города (25). Его история (25). Панорама Можайска (28). Деревянный кремль (29). Никола Можайский (30). Каменный кремль (30). Никольский собор (35). Петропавловская церковь (39). Ее первооснова (41). Убранство древнего белокаменного собора (42). Время его постройки (43). Церковь Иоакима и Анны (46). Лужецкий монастырь (47). Рождественский собор (49). Колокольня (51). Вид с нее (52). Ограда монастыря (52). Бородинская битва (54). Бородинское шоссе (57). Памятник М. И. Кутузову (60). Бородинское поле (61). Его монументы (62). Панорама Ф. А. Рубо (63). Рельефы Ф. П. Толстого (64). Могила П. И. Багратиона (65). Французский обелиск (65). Бородинский музей (66). Спасо-Бородинский монастырь (69). Усыпальница Тучковых (69). Рождественская церковь (70).	
3. Гагарин и Вязьма	72
В сторону Гагарина (72). Село Колоцкое (72). Колокольня церкви (72). Гагарин (73). Его история (73). Казанская церковь (73). Успенская церковь (75). Путь до Вязьмы (75). История города (76). Его панорама (76). Каменные храмы (79). Троицкий собор (82). Богородицкая церковь (84). Памятники 1812 года (84). Спасская башня (86). Сведения о крепости (86). Вид на реку (89). Спасо-Преображенская церковь (90). Введенская церковь (90). Старые жилые дома (91). Ивановский монастырь (94). Надвратная церковь (95). Трапезная и колокольня (95). Одигитриевская церковь (97).	
4. Болдино и Дорогобуж	101
Участок дороги (101). Семлево (101). «Московская добыча» (102). Стоячее озеро (103). Его тайна (103).	

Болдино (105). Троицкий монастырь (106). Постройка в нем каменных зданий (108). Судьба монастыря (110). Трапезная церковь (112). Остатки собора (112). Звонница (112). Ограда монастыря (113). Монастырский пруд (114). На пути к Дорогобужу (114). Древность города (116). Борьба за него (116). Деревянная крепость (117). «Замок» (119). Городище (119). Панорама города (119). «Магистрат» (119). Заднепровье (120). Церковь Петра и Павла (120).

5. Смоленск

121

Лесной массив (121). Смоленск (122). Его история (122). Панорама города (126). Церковь Петра и Павла (130). Церковь Ивана Богослова (133). Свирская церковь (134). Крепостная стена (136). Ее неприступность (137). История укрепления города (138). Восточный участок крепости (144). Его стены (144). Многогранные башни (146). Воротные башни (147). Фроловская башня (148). Днепровские ворота (149). Памятник М. И. Кутузову (150). Соборная гора (150). Успенский собор (150). Иконостас (155). Колокольня (156). Богоявлений собор (157). Соборная лестница (157). Троицкий монастырь (158). Вознесенская церковь (159). Дворянское собрание (159). Преображенский собор Авраамиева монастыря (159). Памятник М. И. Глинке (160). Монументы двенадцатого года (160). Художественный музей (161).

Минская магистраль	165
Примечания	171
Библиография	173

Ваша дорога

Я видел, может быть,
полсвета
И вслед за веком жить
спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил.

А. Твардовский

Дорогой путешественник! Вам хорошо известно, что Москва — самый крупный транспортный узел нашей страны, где воедино сплелись все ее железнодорожные и автомобильные магистрали. Словно артерии и вены живого организма разошлись они веером от советской столицы. Их много, даже очень много, но больше всего среди них шоссейных дорог. Все они известны издавна. Подобно руслам рек, они не раз спрямляли свою трассу, но ни разу не меняли своего направления. Некоторые из них названы даже в Книге Большому Чертежу, которая составлялась при царе Михаиле Федоровиче (1613—1645) на основе какого-то более древнего, весьма ветхого чертежа, изготовленного значительно раньше.

Каждая из этих дорог связывает Москву с удаленными, в том числе и с окраинными пунктами государства. Улица Горького, например, переходит в Ленинградское шоссе, соединяющее столицу с городом великого Ленина. В прошлом это Тверская дорога, которая через Тверь шла на Великий Новгород. Дмитровская улица, продолжающаяся Дмитровским шоссе, отмечает начало древней сухопутной трассы на Дмитров и Кимры на Волге. Улица Сретенка, переходящая в проспект Мира, шла раньше через село Ростокينو на север к Переславлю-Залесскому и далее на Ярославль; она продолжалась Переславской или Слободской дорогой, которую после учреждения опричнины (1565) стали называть Ярославской, так как она через Ярославль вела в Вологду и Великий Устюг, откуда открывался речной путь по Северной Двине к Архангель-

скому «городу» и в Белое море. В основе же шоссе Энтузиастов, идущего от заставы Ильича на город Горький, лежит старая Владимирская дорога на Владимир, а из него и в Нижний Новгород, где начинался судовой путь по Волге. В прошлом эту дорогу иногда называли еще и Великой, настолько важным было ее экономическое значение.

Среди большого количества шоссейных дорог, тонкими нитями расходящихся от Москвы или же стягивающихся к ней, есть одна, на которую мне хочется обратить особое внимание. Это современная, хорошо благоустроенная магистраль, которая в «Атласе автомобильных дорог СССР» значится как автомагистраль Москва — Минск — Брест. Ее знает каждый. Одним своим концом она упирается в Троицкие ворота Московского Кремля, а другим — в знаменитую, навеки прославившую себя Брестскую крепость.

Подобно серой ленте конвейера, легла автомагистраль Москва — Минск — Брест на землю, протянувшись на сотни километров от столицы государства к его западной окраине. Москвичи называют эту магистраль Минским шоссе. Десятки тысяч машин всевозможных отечественных и зарубежных марок проносятся по нему только за одни сутки. Преодолевая сопротивление ветра и воздуха, они либо стремятся скорее попасть в Москву, либо достичь Минска, а то и пограничного Бреста. Бесконечным потоком, днем и ночью, в любую погоду идет по ровному покрытию этого широкого асфальтированного шоссе в том и другом направлении автомобильный транспорт. Едут пассажиры, везутся грузы. Сквозь стекла стремительно движущихся машин мелькают просторы возделанных полей и густые смешанные леса; тут и там показываются вдали трубы фабричных поселков, виднеются разбросанные поодаль села и деревни. Шоссе то ныряет под железнодорожное полотно, то пересекает его сверху, оставляя позади горбящиеся путепроводы и мосты через реки. И только стрелочные указатели, стоящие на его обочине, обозначают уходящие в стороны подъезды к расположенным вдали городам.

Более тридцати лет назад, в самом начале Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, по Минскому шоссе, скрипя подошвами сапог, ревя моторами бронетранспортеров и скрежеща гусеницами танков, стремительно рвались к Москве до зубов вооруженные фашистские полчища. Они двигались уверенно, предвкушая близость победного триумфа. Однако по этому же шоссе, изу-

*Москва.
Триумфальные ворота.
Архитектор В. О. Бове.
1829—1834.*

родованному взрывами мин, артиллерийских снарядов и авиационных бомб, гитлеровцам в панике пришлось откатываться от Москвы обратно. Это дорога славы, дорога боевой доблести, героизма и беспредельного мужества советского человека, сумевшего с честью перенести все невзгоды четырехлетней войны с гитлеровской Германией и водрузить красное знамя победы над взятым Берлином и поверженным рейхстагом. Памятник Зое Космодемьянской, а вместе с ним и другие мемориальные сооружения, поставленные на Минском шоссе в послевоенные годы, отмечают места крупных решающих сражений и героических подвигов советских людей, грудью ставших на защиту Родины. Обелисками бессмертия стоят они на пути следования машин, воскрешая в памяти пассажиров героические страницы недавнего прошлого.

А вдоль Минского шоссе, чуть в стороне от него, словно лента карнавального серпантина, невидимой змейкой вьется другая, более старая, но не менее известная доро-

га. Она идет то справа, то слева от шоссе, то пересекает его, то сливается с ним воедино, оставляя за собой бесконечные переезды через стальные нити черных железнодорожных рельсов. На современных картах эта дорога обозначается участками. Местами она так же давно спрямлена, как и другие наши дороги. Движение на ней местное и менее интенсивное. Ее покрытие поизносилось, асфальт и булыга кое-где отсутствуют, иногда она переходит даже в пыльный проселок с рытвинами и выбоинами. Проехать ее целиком дождливой осенью на легковом автомобиле просто невыносимо. Но не в том дело. Дорога эта хотя и менее удобна для колесного транспорта, но она не забыта, о ней также знают многие. Это знаменитый Смоленский тракт, начинающийся столь же знаменитым трактом на Можайск.

Уходя на запад от государственной столицы, Смоленский тракт в прошлом упирался в «край земли русской». На одном его конце была Москва, на другом — порубежный Смоленск. По нему из Москвы в пограничный город и из него обратно в столицу скакали когда-то с донесениями гонцы Ивана Грозного (1533—1584). Они либо везли царские указы смоленским воеводам, либо доставляли в центр тревожные сведения о положении дел на далекой западной окраине. По этому же тракту ехали в Москву послы и торговые люди зарубежных европейских стран и по нему же тянулись на запад караваны русских купцов.

Позднее, в начале XVII века, по Смоленскому тракту двигались на восток конные отряды польского короля Сигизмунда III, возглавляемые его гетманами, и по нему же в начале XIX века в том же направлении шла огромная армия французского императора Наполеона. Тогда польско-литовским интервентам и французским завоевателям сопутствовала мнимая удача, они стали все-таки временными хозяевами многоглавой Москвы. Однако и им пришлось уносить из нее ноги по тому же самому Смоленскому тракту. Одни из них мчались на лошадях, в страхе и панике загоняя их до смерти, другие отходили медленно, разбитые и обмороженные, бросая по пути оружие, боеприпасы и награбленное имущество.

Старый Смоленский тракт — это тоже дорога войны, это тоже дорога славы и героического прошлого русского народа. Великолепный памятник гражданину К. Минину и князю Д. М. Пожарскому, которые в 1612 году встали во главе народного ополчения, освободившего столицу от польско-литовских интервентов, торжественные Триум-

фальные ворота, созданные в честь победы русского оружия над «двунадесятиязычной» наполеоновской армией в Отечественной войне 1812 года, широкий Бородинский мост, перекинутый через Москву-реку в ознаменование столетия со дня Бородинского сражения, и монументальное здание панорамы этого сражения, выстроенное ко дню его столетия, отмечают начало этой дороги в Москве. На другом же конце, в Смоленске, она закреплена грандиозным Успенским собором, воздвигнутым как монумент героической обороны порубежного «ключа-города» от польско-литовских панов в 1609—1611 годах, большим количеством всевозможных памятников, поставленных в честь подвигов русских людей в Отечественной войне 1812 года, и прекрасным скульптурным изваянием фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, который во время наполеоновского нашествия стал главным российским героем.

По старому Смоленскому тракту с возвращением обратно в Москву по дублирующему его Минскому шоссе я и хочу предложить вам, милостивый государь, совершить в этом году летнее путешествие. Следуя моей рекомендации, вы побываете в Можайске, Гагарине, Вязьме, Дорогобуже и Смоленске, осмотрите бывшую годуновскую вотчину в Больших Вяземах и Троицкий монастырь в Болдине, познакомитесь со всемирно известным Бородинским полем, где русские одержали над французами полную стратегическую и тактическую победу. Одновременно вы увидите и скромные монументы, поставленные в память о ратных подвигах русских людей в великих битвах нашей страны за свободу и национальную независимость. Поэтому воспользуйтесь хорошей погодой и отправляйтесь в путь незамедлительно. Ваше новое путешествие будет не менее интересным, чем предыдущие. Вы увидите многое и многое узнаете. Я же гарантирую, что по возвращении домой вы наверняка сможете рассказать друзьям много нового и весьма увлекательного о своей огромной стране.

1. Большие Вяземы

Москва. Раннее утро. Город только просыпается. Редкие прохожие да поливающие асфальт машины попадают навстречу. Ваш сверкающий полировкой автомобиль, мягко шурша шинами, движется по широкому проспекту Калинина с высокими современными зданиями из стекла и бетона, пересекает Садовое кольцо, по Ново-Арбатскому мосту «пролетает» над уходящей в стороны серебристой лентой Москвы-реки и мимо Киевского вокзала с его высокой башней устремляется далее по проспекту Кутузова. Сбоку остается огромный, задрапированный стеклом цилиндр музейного здания панорамы Бородинского сражения, за которым, укутавшись кроной деревьев небольшого скверика, стоит знаменитая изба крестьянина А. С. Фролова, где под председательством М. И. Кутузова состоялся исторический военный совет русских генералов (1 сентября 1812)¹, затем вы объезжаете величественные Триумфальные ворота с несущейся вскачь победоносной квадригой над их широкой аркой и оказываетесь у подножия Поклонной горы. Пусть это место будет начальным этапом предпринятого вами путешествия, как бы исходным пунктом вашей поездки по старому Смоленскому тракту.

Поклонная гора — место примечательное. Здесь в древности москвичи, уезжавшие или приезжавшие в великокняжескую столицу, отвешивали ей земные поклоны. Таков был обычай. Город хорошо просматривался с горы. Теперь она почти совсем затерялась среди громадных, обступивших ее жилых корпусов, стала малоприметной.

Не кладут на ней и земных поклонов. Однако о Поклонной горе знают многие, о ней хорошо помнят с 1812 года. Ранней осенью, 2 сентября, в пять часов вечера, когда багряный диск уставшего солнца клонился к горизонту, на эту гору прибыл со свитой Наполеон. Медленно, не спеша поднялся он по склону. Москва, с которой с самого начала войны были связаны все его помыслы, простиралась перед ним. Панорама города была великолепной. Внимательно рассматривал французский император в зрительную трубу красовавшийся вдали златоглавый Кремль. «От одного солнечного луча этот великолепный город сверкал тысячей переливающихся цветов. При виде его путешественник, точно зачарованный, останавливался в ослеплении». Так писал о Москве адъютант Наполеона генерал Ф. Сегюр, стоявший тогда рядом с ним на Поклонной горе. Именно отсюда, с Поклонной горы, Бонапарт и рассчитывал продиктовать России жесткие условия. Он привез даже свой мраморный бюст, собираясь установить его на центральной площади Москвы, которую французы, в том числе и Мари-Анри Бейль (впоследствии прославленный писатель Стендаль), находившийся в рядах наполеоновской армии², считали одним из красивейших и богатейших городов мира.

Невооруженным глазом была видна Наполеону с Поклонной горы и Дорогомиловская слобода с ее редкими избами, журавлями колодцев и выгонами для скота. Она не закрывала вида на Москву. Здесь, у Дорогомиловской заставы, на границе московского предместья, в самом начале Смоленского тракта, Наполеон и рассчитывал принять ключи от прославленного города. Так было в Риме и в Берлине, Вене и Мадриде, Амстердаме и Каире, словом, в любой столице, в которую до этого входили его победоносные войска. Правда, древняя Москва не была тогда столицей. Петербург — вот царствующий центр страны в начале XIX века. Но Москва была сердцем России, ее первопрестольным градом. Войти в Москву победителем, быть встреченным ее депутацией означало для Бонапарта стать властелином земли русской. Но, как писал А. С. Пушкин:

«Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою».

Правда, скульптурное изваяние французского императора все же оказалось на Красной площади Москвы, но не в виде победного монумента, а в качестве экспоната Исторического музея. Рядом с коляской, в которой Наполеон бежал из России, стоит его бюст в одном из музейных залов.

А за Поклонной горой начинается Минское шоссе. Не думайте, однако, что, выбравшись на него, вы окажетесь за пределами Москвы, что перед вами во всю ширь развернутся какие-то необозримые просторы. Так было лишь во время наполеоновского нашествия. Теперь идущая строго на запад автомагистраль вновь поведет вас сквозь кварталы многоэтажных кирпичных, блочных и панельных домов; перед вами снова замелькают здания плотной городской застройки. Москва выросла вширь, границы ее определяются сейчас условно. И лишь за широким путепроводом, нависшим над кольцевой автострадой, проложенной вокруг столицы для освобождения ее от транзитного транспорта, вы выедете к когда-то далекому Кунцеву, являвшемуся любимым местом соколиной охоты царя Алексея Михайловича (1645—1676). Это уже не Москва, это уже не столица, но это и не лес, где можно поохотиться. Кунцево — это тесно связанный со столицей областной город, почти слившийся с ней воедино.

В августе 1918 года, когда Кунцево было еще подмосковным поселком, в него для беседы с рабочими приезжал В. И. Ленин. Его сопровождали Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. Весной 1919 года В. И. Ленин вновь побывал в Кунцеве; на собрании рабочих он рассказывал о положении дел на фронтах гражданской войны, призывал к защите молодой, первой в мире Советской страны от стремившихся задушить ее иностранных интервентов.

За Кунцевом, на восемнадцатом километре Минской магистрали, развилка. Сверните вправо — и вы на Можайском шоссе.

В XVI веке, когда Москва стала основным центром всех сухопутных путей европейской части Русского государства, это было не шоссе, а плохая грунтовая дорога — можайский участок старого Смоленского тракта, покрытый глубокими колдобинами. В 1560 году Иван Грозный не смог выехать по этой дороге из Можайска в Москву с больной царицей Анастасией, так как двигаться по ней было невозможно не только каретам царского поезда, но даже верхом и в санях. «Беспута была, кроме обычая на много время», — поясняет невозможность проезда по

*Перхушково.
Покровская церковь.
1783 г.*

Можайской дороге в ту пору внимательный ко всему летописец. Вам, однако, нечего бояться беспутницы. Правда, Можайское шоссе не Минская автомагистраль. По нему нельзя ехать с большой скоростью многие километры. Шоссе относительно узкое, проходит сквозь села и деревни, постройки которых как бы теснятся к его обочине. На нем всюду расставлены дорожные знаки, предупреждающие о перекрестках, пешеходах и детях, запрещающие обгон и ограничивающие скорость движения. Между тем покрытие Можайского шоссе тоже асфальтовое и ваш автомобиль может беспрепятственно двигаться к намеченной цели в общем потоке идущего транспорта. Медленно ползет он иногда вперед, позволяя осмотреться вокруг, подумать о том, что ждет путешественника на пути в Большие Вяземы. Ведь Можайский тракт вам мало известен. О расположенных на нем селах и деревнях вы знаете лишь понаслышке, но многие из них влекут вас малоизвестными памятниками зодчества, изображений кото-

рых не найдешь подчас и в многотомной «Истории русского искусства».

Проехав Одинцово, вы минуете Акулово с его прекрасной ампирной Покровской церковью (1807), редкую особенность которой составляют две колокольни на ее западном фасаде, и, проскочив сорок пятый километр, попадаете в Перхушково. Это один из интереснейших населенных пунктов на вашем пути в Большие Вяземы. Его дома с треугольными фронтонами и мансардными крышами утопают в зелени садов. Яркими пятнами выступают на их фоне грозди краснеющей рябины. В XVIII—XIX веках в Перхушкове находилась перекладная почтовая станция, где отъезжающие из Москвы на запад прощались обыкновенно с провожающими. Здесь у своих родственников часто бывал проездом А. И. Герцен. «Запущенный барский дом, — писал он о их усадьбе, — стоял на большой дороге, окруженный плоскими безотрадными полями; но мне и эта пыльная даль очень нравилась пос-

*Вяземы. Ансамбль
годуновской усадьбы.
Рисунок Т. П. Шереметева.
1913 г.*

ле городской тесноты. В доме покоробленные полы, и ступени лестницы качались; шаги и звуки раздавались резко; стены вторили им, будто с удивлением. Старинная мебель из кунсткамеры прежнего владельца доживала свой век в этой ссылке». Существует предание, что в 1812 году в Перхушкове в барском усадебном доме останавливался Наполеон. Внимание здесь привлекает Покровская церковь, стоящая рядом с остатками усадьбы, чуть в удалении от зарастающего пруда. По оси асфальтовой ленты шоссе выросла она, когда вы приближались к селу, а затем как бы отступила немного в сторону, чтобы не мешать ее стремительному бегу. Яркими пятнами выступили тогда на фоне окружающей природы ее маленькие голубые главки. Сооружена церковь в классических формах в 1783 году, вроде бы на месте храма XVI века. Ее композиция и архитектурные формы обычны для конца XVIII века. Традиционный четверик с восьмериком, широкой трапезной и высокой колокольней —

все как и у многих других одновременных московских церквей. С такими вы встречались, видимо, не раз. Но все же что-то привлекательное есть в этой скромной, снабженной рустованными пилястрами постройке. Тишиной и уютом мелких барских подмосковных усадеб прошлого столетия веет от нее даже сейчас, уже в наши дни. Времена А. И. Герцена представились мне как-то особенно отчетливо, когда я осматривал эту церковь, укрывшуюся за железной оградой и стволами высоких, обступивших ее деревьев.

За Перхушковым Можайское шоссе идет сквозь смешанный лес, то спускаясь, то поднимаясь в гору. Впереди разворачиваются величественные, манящие к себе средне-русские просторы. Любуясь белоствольными трепетными березами, раскидистыми кряжистыми дубами, стройными пирамидальными елями и загорелыми корабельными соснами, вы проскочите Жаворонки и окажетесь в селе Большие Вяземы. В середине XVI века здесь был стан пе-

Вяземы. Троицкая церковь.
1585—1586 гг. Фрагмент

ред Москвой на Смоленском тракте. О нем неоднократно упоминают донесения польско-литовских послов, приезжавших в русскую столицу при Иване Грозном.

В начале царствования слабоумного и набожного Федора Ивановича (1584—1589) царский конюший Борис Федорович Годунов выстроил в Вяземах стройную белокаменную Троицкую церковь, поставил рядом двухъярусную шестипролетную кирпичную звонницу и сделал плотину у пруда, превратив его в обширный водоем. Одновременно в Вяземах был построен дом Бориса Годунова, вокруг которого тогда же разбили прекрасный сад. Благодаря этому Вяземы превратились в пышную подмосковную усадьбу царского правителя, занявшего вскоре и русский престол (1598—1605). Как в зеркале отражались в ровной поверхности пруда ее постройки и окружавшие их деревья. Каждая из них была великолепной иллюстрацией строительной деятельности государственного правителя Бориса Годунова в годы царствования Федора Ивановича.

*Вязьма. Троицкая церковь.
Фрагмент фресковой
росписи. Конец XVI в.*

Энергичный, властный и самолюбивый боярин создавал эту усадьбу для себя, для своей семьи, вместе с возведением церквей в Хорошове, Михневе и Беседах — тоже собственных подмосковных вотчинах. И все это тогда, когда царь Федор, пренебрегая государственными делами, ездил на богомолья и в пояс кланялся иконам, бормоча скороговоркой длинные молитвы.

«Дворец» Годунова в Вязьмах не сохранился. Не ищите даже места его расположения: оно неизвестно, история его забыла. Но обширный искусственный пруд с традиционными утками вы сразу заметите слева от шоссе. Легкий ветер настойчиво гонит по нему мелкую рябь. Упорно тянут к воде свои раскидистые ветви подбирающиеся к ней деревья. Оставьте машину на обочине и войдите в прохладную тень густого парка. Здесь вы увидите и Троицкую церковь, переименованную впоследствии в Спасо-Преображенскую, и стоящую рядом с ней звонницу.

*Вяземы. Звонница
Троицкой церкви.
Конец XVI в.*

Церковь четырехстолпная, пятиглавая, с двумя симметричными приделами и соединяющим их открытым обходным гульбищем. Радостная и приветливая, как невеста, стоит она перед вами, сверкая белизной стен. В прошлом купол центральной главы храма венчала белокаменная корона. Вы увидите ее внутри, смонтированной на кирпичном постаменте. Отличительная особенность Троицкой церкви — величественность, подчеркнутая изысканность и совершенство декоративного убранства. Правда, формы храма несколько суховаты и графичны, но это несколько не снижает его высоких художественных качеств. Он снабжен выложенными из кирпича профилированными закомарами, тщательно прорисованными горизонтальными тягами и как бы накладными лопатками с тонко обработанными филенками. Ярким колоритным пятном воспринимается этот прекрасный храм на фоне раскидистых деревьев парка. Мягко, словно кружево, ложатся на его стены легкие прозрачные тени от ветвей и листьев.

Пирамидами устремляются вверх ряды кокошников его приделов. Еще заметными ступенями располагаются на столбах гульбища профилированные белокаменные пояски, подчиненные чуть приметной покатости простирающейся перед храмом изумрудной лужайки. Весьма интересен и цоколь подклета Троицкой церкви. Его рисунок покажется вам знакомым. Вы сразу почувствуете, что такой вы где-то уже видели и, напрягши память, быстро вспомните. Он сходен с рисунком цоколя знаменитого собора Василия Блаженного (1555—1561) на Красной площади в Москве. Безусловно, известными будут вам и квадратные ширинки высокого гульбища вяземского храма. Это характерный элемент многих русских церквей. Охватывая храм широким поясом, они как бы жмутся друг к другу. «Да при царе Федоре всеа Русии, а по челобитью боярина Бориса Федоровича Годунова, в селе его на Вяземе зделан храм камен о пяти верхах», — сообщает летопись о постройке этой красивой церкви в 1585—1586 годах³.

Фресковая роспись, которую вы увидите, войдя внутрь Троицкой церкви, создана вскоре после ее постройки. Внимания заслуживает Пантократор в куполе барабана центральной главы. Он представлен как строитель, с циркулем в руке. До сих пор видны на фресках следы надписей, сделанных поляками, побывавшими в Вяземах в период интервенции начала XVII века. Разгульную жизнь вели они тогда в усадьбе. Им нечего было стесняться. На царский трон в ту беспокойную пору претендовал Лжедмитрий I; ему было важно утвердиться на московском престоле. Вяземы мало интересовали самозванца. Это была его временная «резиденция», где он устроил даже показательные военные маневры. Тогда же шляхтичами было разграблено и церковное имущество храма. В его составе были великолепные иконы и богатые подсвечники «прекрасной работы».

Та же стройность характерна и для вяземской звонницы. Стоит она на высоком и более широком арочном постаменте. Сплошная лента квадратных ширинок, перекликающихся с поясом ширинок на гульбище церкви, украшает ее парапет. Ряды полукруглых и треугольных кокошников венчают эту своеобразную постройку. Вместе с небольшими дощатыми шатриками они придают ей еще большую стройность и нарядность. Таких звонниц нет больше ни в Москве, ни в Московской области. Она не знает себе подобных. Лишь отдаленно напоминающая псковские, звонница в Вяземах обладает такими же высо-

кими архитектурно-художественными качествами, как и стоящая рядом Троицкая церковь. И нет сомнения, что строил звонницу тот же мастер, который возвел и сам храм. Взятые вместе, они прекрасно характеризуют русскую архитектуру конца XVI века.

Интерес вызывает и кирпичная ограда Троицкой церкви. Выстроена она во второй половине XVIII века. Ее широкие, как бы бегущие друг за другом арки, забранные красивыми железными решетками, расположены между массивными, с нависающими карнизами столбами. Словно участники веселого хоровода, окружили они церковь и звонницу. Их ритм кажется непрерываемым. Только ворота позволяют попасть внутрь образованного ими «круга». Около ограды, за апсидами Троицкой церкви, — могила Н. С. Пушкина — младшего брата великого русского поэта. Надпись на небольшой колонке гласит, что он умер в 1807 году в расположенном неподалеку селе Захарове. Известно, что А. С. Пушкин сам неоднократно бывал в Вяземах. В период работы над «Борисом Годуновым» он не раз вспоминал об этой подмосковной, вдохновлявшей его старинной боярской вотчине.

В сторону на север от Больших Вязем идет дорога на древний Звенигород с его белокаменным Успенским собором «на городке» (1399) и удивительным ансамблем Саввино-Сторожевского монастыря, созданным по единому художественному замыслу (1650—1654) на основе более древнего белокаменного Рождественского собора (1405) зодчими Андреем Шаховым и Иваном Шарутиным. Туда вы тоже можете совершить интересную поездку. Но это в следующий раз. Теперь же двинемся далее по Можайскому шоссе.

2. Можайск и Бородино

Большие Вяземы оставлены позади. Вы снова двигаетесь на запад, преодолевая километр за километром. Бегущий вперед асфальт то спускается, то поднимается по отлогим склонам холмов, пересекая еле заметные мостики через небольшие овраги и речушки, пронизывает насквозь сосновые и еловые леса и оставляет по сторонам просторы лугов со стогами сена и сухой, приятно пахнущей скошенной травой. Перед глазами мелькают бесконечные телеграфные столбы, вы минуете Петелинскую птицефабрику, пересекаете Кубинку, славившуюся в прошлом кустарными промыслами, проскакиваете то место, где Можайское шоссе касается Минской автомагистрали, и сквозь Дорохово, названное в честь известного героя Отечественной войны 1812 года генерала И. С. Дорохова (его войска освобождали расположенную в стороне Верею от наполеоновских войск), стремительно влетаете в Моденово.

Здесь в районе Моденова в 1920 году побывал В. И. Ленин, здесь он выступал перед крестьянами. Плоская, прямоугольная, вертикально поставленная полированная плита из темно-красного гранита с барельефом отмечает факт пребывания В. И. Ленина в деревне Моденове более пятидесяти лет назад.

Далее Можайское шоссе становится немного уже, но затем оно вновь расширяется и вы невольно увеличиваете скорость. Кругом сплошной лес. Мелькают заросшие густой травой лужайки, виднеются небольшие, покрытые зеленым мхом прогалины. Нет да нет и вы увидите выхо-

дящих из лесу людей с корзинами грибов. И это несмотря на середину июля, несмотря на жаркие дни и отсутствие дождей. Но вот впереди показалось Кожухово. За ним Можайск — один из древнейших городов Московской области.

Вы въезжаете в Можайск неожиданно. Он встречает путешественника кранами больших возводящихся зданий и крышами маленьких, расположенных под горой домиков старой застройки. В гуще прямоугольных кварталов, размеченных частично еще в XVIII веке, вы не заметите древних храмов, составляющих важную достопримечательность города. Их очень немного, но каждый из них интересен, каждый притягивает к себе внимание. Много неясного и загадочного таили они в себе. Но наступило время, и пыливый глаз исследователя раскрыл их тайны, сделал их достоянием науки.

Первоосновой Можайска, его ядром и самой древней частью является высокий, с крутыми склонами холм, окаймленный глубокими оврагами. Соборной горой именуют его старожилы. Вы подойдете к ней по небольшому, круто спускающемуся вниз проулку, составляющему часть древнего Смоленского тракта. Слово тонкая нить прошивает он насквозь современный Можайск. Холм притягивает внимание величественной громадой Никольского собора, далеко видимого с оставленного вами шоссе. Острый, упирающийся в небо шпиль его колокольни вы наверняка заметили в тот момент, когда подъезжали к городу.

Обширная, немного покатая площадка холма, где стоит Никольский собор, довольно пустынна. Сюда больше приходят туристы, нежели местные жители. Кто и когда освоил ее впервые — неизвестно. История города вообще не богата фактами. Но он помнит себя очень рано. Многочисленные курганы, разбросанные в окрестностях, а вместе с ними былины, народные песни и сказания, упоминающие вскользь о Можайске, говорят о его большой древности. В летописях город первый раз упомянут под 1231 годом в связи с осадой его новгородской ратью. В них же рассказывается о сожжении Можайска в 1293 году татарами. В то далекое время это был удельный центр обширного Смоленского княжества, располагавшегося на западном побережье феодальной Руси.

Площадка, на которой вы находитесь, — место расположения Можайска XIII века. Величественный вид открывается с нее на всю прилегающую местность. Распаханные склоны близлежащих возвышенностей и расположен-

ные вокруг балки и овраги, узкая, когда-то судоходная, но уже давным-давно сильно обмелевшая речка Можайка, еле журчащая внизу среди кустов, и свободно разбросанные вдали дома городской застройки — все это у вас как на ладони. Передовой пограничной крепостью небольшого московского княжества стал расположившийся на этой площадке город в 1303 году, когда князь Юрий Данилович присоединил его к Москве. Известное выражение «загнали за Можай», то есть за границу московских земель, восходит, возможно, к тому времени. Прекрасно характеризует оно окраинное положение города в ту далекую пору.

Позднее, во второй половине XIV века, Можайск принадлежал Дмитрию Донскому (1359—1389), а затем, по завещанию, перешел к его сыну Андрею. Во время его княжения (1389—1432) город был превращен в столицу удельного княжества и чеканил даже свою монету с именем князя. Подумать только: маленький городок, соб-

ственная монета и претензия на независимость при общей неспособности к какой-либо самостоятельности. И московский герб в виде всадника с мечом и копьем, отбивавшийся на одной стороне можайских монет, всецело уличает князя Андрея. Он великолепно подтверждает его экономическую и политическую близость московским князьям. Но окончательно московским Можайск стал только во второй половине XV века, когда процесс объединения русских земель близился уже к завершению. К тому времени город вышел за пределы Соборной горы и далеко распространился по уходящим в стороны оврагам. Рассматривая его с этой горы, вы наверняка увидите вдали и храмы двух древних можайских монастырей. Один из них возник при князе Андрее, другой, видимо, позднее. Храм первого монастырского комплекса привлекает внимание белоснежной чистотой будто бы светящихся стен; одна из церквей второго монастыря притягивает взор пестрой, поистине ярмарочной раскраской.

Можайск. Соборная гора

*Можайск. Герб города
1781 г.*

Четыреста лет назад, когда Можайск вошел в состав Русского централизованного государства, монастырей в городе было больше. Их храмы как бы парили тогда над не столь уж частыми деревянными жилыми домами и хозяйственными строениями его посада. Более двадцати деревянных клетских рубленых вверх церквей поднималось в разных местах над их крышами. Ближе всего к Соборной горе размещалась торговая площадь и государев двор с деревянной Никольской церковью. Где-то рядом стояла и деревянная церковь Успения. При большом стечении народа освящалась она в 1564 году. Сам Иван Грозный присутствовал на столь торжественной церемонии. Не исключено, что и строилась Успенская церковь по его инициативе. Это была брусчатая постройка, рубленая из дуба «на каменное дело». В те времена такие храмы были хорошо известны в русском зодчестве. С точки зрения стоимости и сроков строительства они были более выгодными, нежели каменные, которым они подражали.

Но холм, с высоты которого вы пытаетесь определить бывшее расположение старинных деревянных храмов, местные жители называют не только Соборной горой. «Можайский кремль» — вот второе, более горделивое наименование этого красивого места. Однако кремля здесь так же давно нет, как и рубленых церквей в городе. В 1797 году по распоряжению Павла I городские власти попытались продать его на слом, но покупателей не нашлось, и в 1802—1814 годах он был попросту разобран «за ненадобностью». Только герб, присвоенный Можайску в 1781 году, сохраняет о нем память.

Впрочем, нет, это не совсем так. Память о Можайском кремле XVII века сохраняет не только старый городской герб, где на щите изображен каменный «замок» с воротами и башнями. Судить об этом сооружении мы можем также на основе описей и других более точных графических изображений. В сохранившихся исторических документах есть сведения и о более раннем кремле Можайска, то есть о кремле XVI века.

В то время Можайский кремль был неоднородным — частично каменным, частично деревянным, с рубленными городнями стенами, четырьмя башнями и двумя воротами. Он, видимо, сменил более ранние военно-оборонительные сооружения Можайска, также стоявшие на Соборной горе. В 1341 году эти укрепления осаждались князем Ольгердом, но безуспешно. Потерпели около них поражение непрошеные литовские пришельцы и в 1368 году. Крепость, стоявшая на вершине окруженного оврагами холма, не поддавалась вражескому натиску и в XIV веке прекрасно выполняла роль военного стража Московской Руси. Полукаменный, полудеревянный кремль XVI века стал ее преемником. В 1541 году «делали паперть, да и город делали» — отмечала время его создания надпись на камне, вложенном в стену пристройки стоявшего тогда на кремлевском холме белокаменного собора⁴. В 1559 году, в начале Ливонской войны (1558—1583), Иван Грозный сам проверял готовность Можайского кремля к обороне. Важная роль отводилась, очевидно, ему в ту тревожную пору. Городни стен кремля имели засыпку из земли и камней. Намного повышала она их прочность. Глиняная обмазка предохраняла стены от поджога. Главные ворота кремля были не деревянными, а каменными. Бревенчатый мост «на взрубех», перекинутый через ров, соединял их с торговой площадью. «Боевые часы» на воротах отбивали время. Башню венчала надвратная Воздвиженская церковь, где в обложенном се-

ребром и вызолоченном по краям киоте стояла резная, всеми почитавшаяся деревянная скульптура Николы Можайского. Она воспроизводит верного защитника города с мечом в правой руке и условным изображением крепости — в левой. Как бы символом древнего Можайска является теперь это прекрасное изваяние, сделанное искусным русским резчиком XIV века.

Но Можайский кремль 1541 года просуществовал не столь уж долго. В начале XVII века, в годы крестьянской войны и борьбы с иностранными интервентами, Можайск стал важным опорным пунктом Москвы, сдерживавшим движение польско-шляхетских отрядов. В то время были разрушены его башни и стены с приступа. Захват Вязьмы поляками и последовавшая потеря Смоленска (1611) вообще превратили Можайск в пограничный город. В связи с этим в 1624 году была предпринята полная перестройка можайских укреплений. В течение каких-нибудь трех последующих лет на вершине Можайского холма

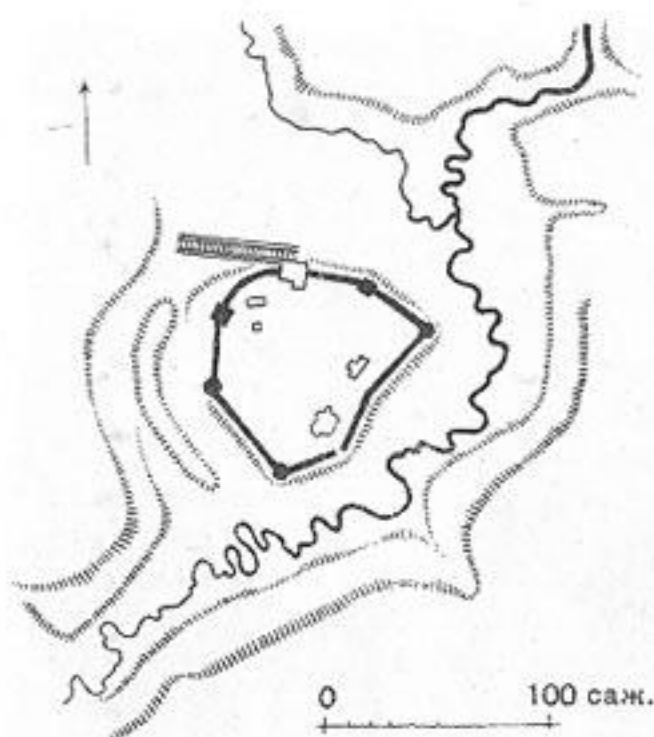
*Можайск. Скульптура
Николы Можайского.
XIV в. (ГТГ)*

—>

(того самого, на котором вы находитесь) вырос новый, теперь уже целиком каменный кремль, отвечавший всем требованиям военно-инженерного и архитектурно-строительного искусства своего времени. «И во всем город сделан хорош, с башен и со стен и из подошевных и из средних и из верхних боев битца мочно всякими бои, и стены в верху не узки — ходить многим людем мочно», — писал об этом кремле скупой на похвалы составитель описи 1626 года, дав тем самым ему великолепную характеристику⁵.

Новый кремль Можайска, о котором мне хочется рассказать особо, был возведен частично на фундаментах старых укреплений. Строился он из кирпича и трехрядных тесаных камней известняка. Внушительным было это «обеленное» известью сооружение. В его состав вошла и стена «старова дела», оставшаяся от кремля XVI века. Восемь башен укрепляли стены на всем протяжении, вне зависимости от расположенных вокруг оврагов. В трех

*Можайск. План кремля
начала XVII в.
По чертежу 1784 г.
(ЦГВИА)*

стенах были устроены специальные «подлазы» для неожиданных вылазок. Башни были и квадратными и восьмигранными, с зубцами и навесным варовым боем. Бревенчатые мосты башен соединялись узкими лестницами в толще стен. Полукруглый цокольный валик башен переходил на стены и словно бечевой охватывал кремль по периметру. Кровли над башнями были деревянными, «в две доски», преимущественно шатровые и только одна башня была крыта «по палатному», на четыре ската.

Попадали в кремль через две проезжие башни. Особо выделялась башня Никольских ворот — главный въезд в Можайский кремль. Створные деревянные полотнища с калиткой для прохода прикрывали ее широкую въездную арку. Основу башни составляла белокаменная башня «старова дела», оставшаяся от более раннего кремля. Над башней возвышалась двухапсидная Никольская церковь. Выстроенная в конце XVII века, эта церковь включала в

себя алтарную стену Воздвиженской каменной церкви более раннего времени. В 1684 году «столярного дела мастер» Пронка Федоров с одиннадцатью товарищами сделал для нее «иконостас столярной гладкой», а иконописцы усалец Василий Осипов сын Кондаков и суздалец Ефим Иванов сын Шестаков наполнили его образами своей работы⁶. Колокольня Воздвиженской церкви стояла на двух столбах и напоминала псковские звонницы. Наряду с церковными на ней висел и «сполошной», то есть вестовой колокол Можайска. В случае опасности он бил тревогу, извещая жителей города и окрестностей о надвигавшейся военной опасности. Перед Никольской башней находился мост, перекинутый через ров. Другая воротная башня — башня Петровских ворот — имела не только дубовые «затворы», но и падающую железную решетку. Узкая дорога, спускавшаяся от этой башни вниз по склону холма, вела к пристани. Всех, кто входил или въезжал в «город», осеняла икона, установленная в киоте над ее аркой. Таким и был кремль Можайска, условно изображенный в виде каменного «замка» на его гербе. Словно сказочный «город», с устремленными вверх шатрами башен, стоял он на вершине холма, гордо паря над деревянными, далеко раскинувшимися городскими постройками.

Интересна история создания Можайского кремля начала XVII века. Его проект разрабатывался англичанином Джоном Таллером — иноземным «палатным мастером», прибывшим в Москву в начале XVII века, видимо еще по приглашению Бориса Годунова. Смету же на строительство кремля поручили составить Ивану Васильевичу Измайлову — весьма опытному и хорошо осведомленному в строительном деле человеку, который с 1617 года стоял во главе Приказа Каменных дел. Эта огромная строительная организация была создана в Москве либо в конце 1583 года, либо в начале 1584 года, еще при жизни Ивана Грозного. Она объединяла все имевшиеся тогда в стране строительные силы и ведала всеми крупными строительными работами на местах, способствуя их осуществлению. Особое значение Приказ Каменных дел приобрел при Борисе Годунове. При нем он превратился в крупнейшую специализированную организацию, взявшую в свои руки все государственное строительство. В 1623 году И. В. Измайлов, как глава этой организации, в соответствии с царским указом и прибыл в Можайск, где для нового кремля уже готовились строительные материалы. Однако, составляя смету на строительство, И. В. Измайлов обнаружил в проекте Д. Таллера существенные недо-

статки. По его мнению, предполагаемая насыпка валов в основание Можайских стен не только была излишней, но и наносила ущерб кремлю, так как ликвидировала крайне необходимый во время осад внутренний водоем. Крохотный прудик, затянутый ряской, увидите вы теперь на его месте, спустившись немного вниз по пологой площадке Соборной горы. Путешественники мало обращают на него внимание. Недостаточной была и высота валов в проекте Д. Таллера. Они не прикрывали территории кремля со стороны более высокой Брыкиной горы, расположенной напротив. Все это признал и сам Д. Таллер, составивший проект «без хитрости» и учета реальных условий местности. Он сам написал в Москву о правильности суждений И. В. Измайлова и полностью отказался от реализации своей идеи.

В дальнейшем строительство кремля возглавил И. В. Измайлов. Его помощниками стали каменных дел подмастерья Бажен Огурцов, Федор Возоулин и Михаил Ушаков — крупнейшие зодчие первой половины XVII века. У «городового каменного дела» в Можайске они находились «три года безотступно... лето и зиму — летом у городового каменного дела, а зимою у каменные ломки у известнаго зженья и у всяких городовых каменных запасов»⁷. Они следили также за выделкой кирпича, формовкой и обжигом которого занимался Максим Иванов «сын кирпичного дела обжигальник», и наблюдали за тем, как подвизчик Иван Федоров ставил строительные леса. Зоркий глаз нужен был тогда в Можайске. Внимательно следили зодчие за всем, что делалось на строительной площадке. Их интересовала каждая мелочь, каждая деталь. Ведь новый кремль Можайска должен был соответствовать уровню военной техники того времени. Они давали свои указания и советы. Внимательно прислушивались к их словам каменщики, кирпичники и подвизчики. Они трудились в поте лица, не покладая рук. Более пятидесяти человек так и не увидели окончания работ. Все они были погребены неподалеку, в Лужецком монастыре. Им на смену присылались новые. Не сидел без дела и большой административный аппарат, состоявший из пяти дворян и одного дьяка. Он находился в распоряжении И. В. Измайлова. В целом это была опытная группа русских мастеров-строителей и умелых организаторов работ. Новый кремль Можайска они сумели создать с большой выдумкой и тщательной продуманностью всех деталей. Обращенный главным фасадом в сторону Брыкиной горы, откуда больше всего можно было ожидать

появления противника, Можайский кремль был полностью закончен ими в 1626 году. Семьсот рублей привез тогда из Москвы на завершение «можайского городского дела» И. В. Измайлов⁸. Он хотя и строил кремль «по образцу» укреплений московского Китай-города (1535—1538), имевшего в ту пору почти столетнюю давность, но, несмотря на это, создал сооружение, вполне современное своей эпохе. И надо же так случиться, что в 1632 году, когда началась война за Смоленск, воеводой в новый Можайский кремль был назначен князь Д. М. Пожарский — прославленный русский полководец, доблестный руководитель народного ополчения, освободившего Москву в 1612 году от польско-литовских интервентов. Ему действительно под стать было возглавить оборону Можайского кремля в случае его осады.

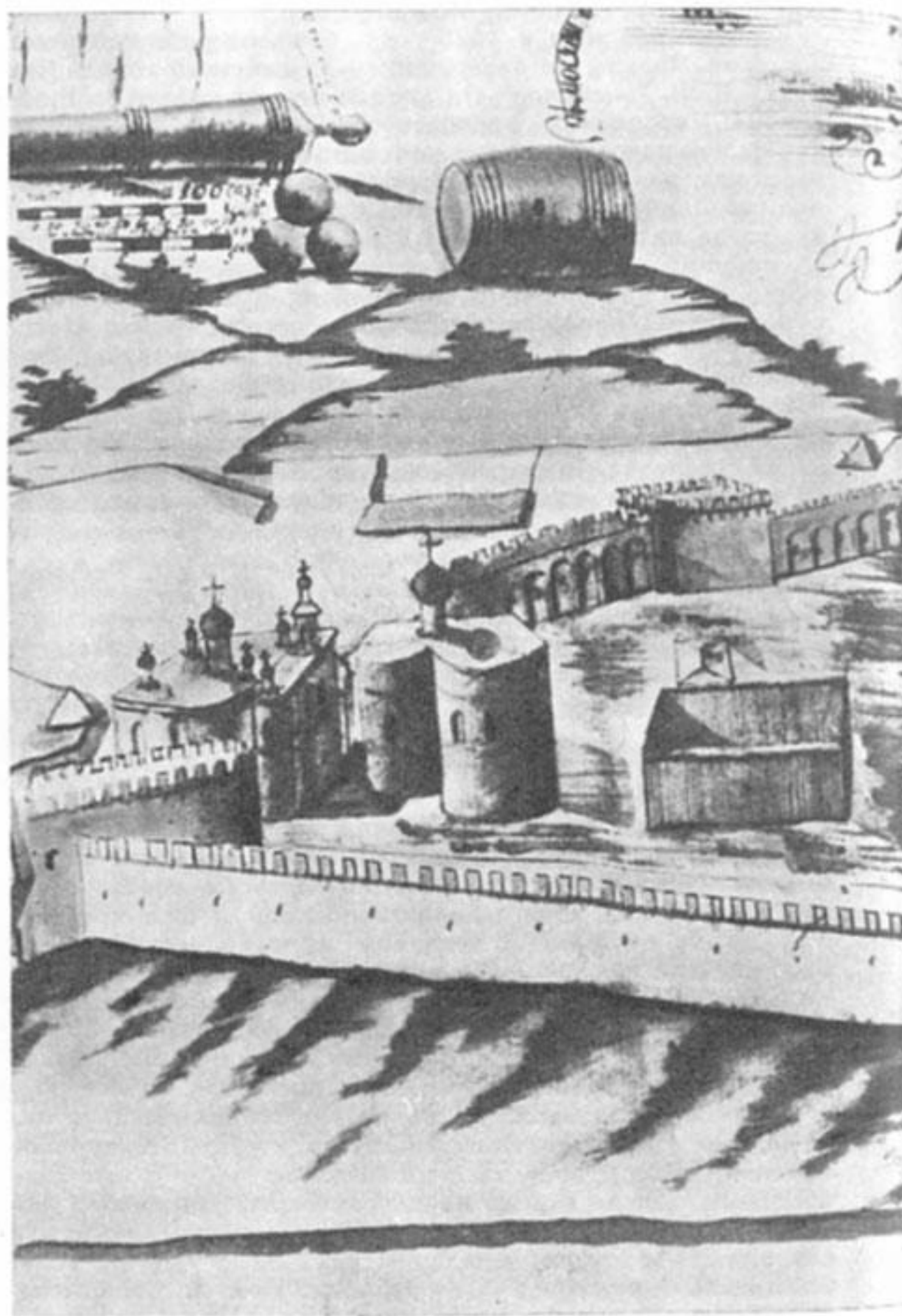
Не думайте, однако, что Можайский кремль XVII века исчез бесследно. Постарайтесь попасть внутрь Никольского собора, величественная громада которого, гордо стоя-

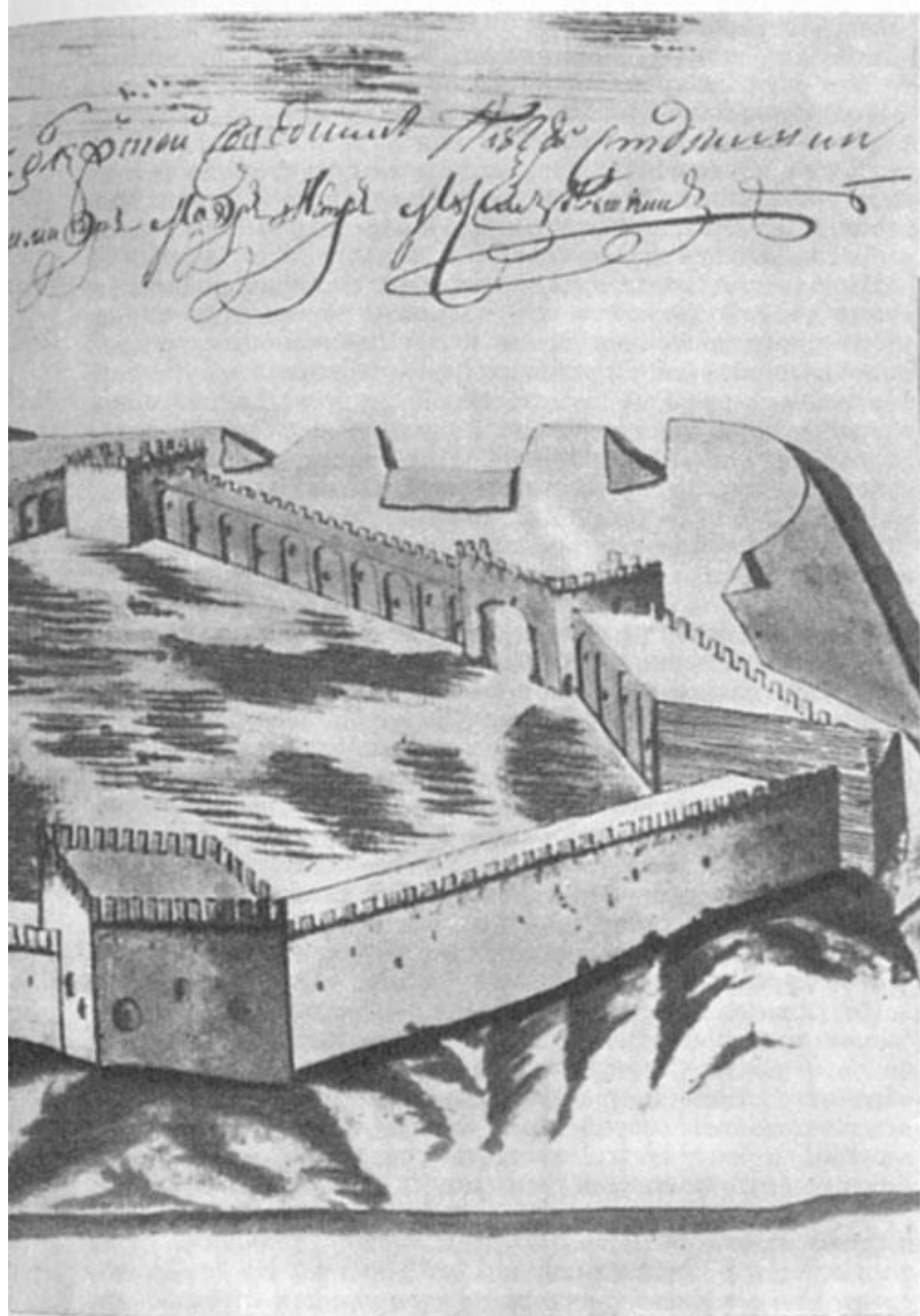
*Можайск. Кремль. Рисунок
XVIII в. (ЦГИАЛ)*

—>

щая на Соборной горе, уже давно привлекает ваше внимание, и вы увидите его остатки. Внизу, в подклете, под южной апсидой, это фрагмент Никольских ворот с их проезжей аркой и частью примыкавшей к ним крепостной стены, а сверху, в северном приделе, — часть надвратной Никольской церкви. Светлые пятна, ярко выступающие на фоне выжженного солнцем травяного покрова высокого вала, расположенного с восточной стороны собора, также являются следами искрошившейся белокаменной кладки его крепостной стены.

Попутно обязательно осмотрите и Никольский собор. Это самое высокое здание Можайска, его архитектурный ориентир. Собор поставлен на нижнюю часть ворот Можайского кремля еще до наполеоновского нашествия. Даты на колокольне «1802» и «1812» отмечают время его создания. Вы их увидите сразу на разных ярусах, если внимательно всмотритесь в обработку ее стен. Собор был свидетелем мрачных событий двенадцатого года, он видел,

как вестфальцы французского генерала Жюно, обосновавшись в городе, рыскали по домам, наблюдал как бонапартовские солдаты в панике поспешно уходили на запад, волоча остатки артиллерии. Собор как бы навис над старым Смоленским трактом, по которому спешно уходили французские полки. Полностью он был закончен в 1814 году, уже после войны, став как бы монументом ее победного завершения. При его постройке использовались материалы, полученные при разборке обветшавших укреплений Можайского кремля.

Никольский собор грандиозен. Это обширное, немного громоздкое сооружение на высоком цокольном этаже притягивает внимание не только живописностью остроконечного силуэта, но и пышной декорировкой в духе так называемой русской готики. Какой-то причудливой фантазией воспринимается он на фоне чуть еще светлого неба быстро наступающей ночи. Имя мастера, создавшего собор, неизвестно, но, глядя на него, вы наверняка вспомните ансамбль построек Екатерининского дворца (1775—1785) в Царицыне, построенных, но так и не достроенных архитекторами В. И. Баженовым и М. Ф. Казаковым, а вместе с ним и Петровский дворец (1775—1782) в Москве, воздвигнутый на Тверской дороге (ныне Ленинградском шоссе) тем же М. Ф. Казаковым. Более поздний Никольский собор в Можайске как бы продолжает ряд этих оригинальных псевдоготических сооружений эпохи классицизма. Это своеобразная транскрипция форм национальной древнерусской архитектуры, сочетающихся с некоторыми элементами переработанной и переосмысленной западноевропейской готики. И не исключено, что мастер, строивший Никольский собор, принадлежал к школе М. Ф. Казакова; он мог быть даже учеником или помощником этого выдающегося русского строителя второй половины XVIII века, создавшего в Москве большое количество первоклассных зданий.

Но уделите Никольскому собору побольше внимания. Слово ажурные «беседки» возвышаются над его углами боковые главы. Изящностью отличается и декоративная обработка стен этого пестрого, но, несмотря на это, весьма величественного сооружения. Далеко видимые наличники сильно вытянутых окон, тонкие парные колонки и другие самые разнообразные детали создают богатую игру архитектурных форм. Тесанные из блоков белого камня, они являются не только элементами украшения стен, но имеют и определенный идейный смысл. Но не ищите среди них масонских знаков, о которых так любят гово-

рить старожилы и некоторые «любители древностей». Их памятник не имеет. Его белокаменная орнаментика символична и выражает вкусы своего времени. В ней вы скорее увидите шестиконечные звезды, нежели знаки масонов. Яркими колоритными пятнами воспринимаются они на ровном поле кирпичных стен, окрашенных в густой красный цвет. Глядя на них, вы невольно думаете, что создавший собор мастер искал красоту не только в архитектурных формах, но и в сочетании двух разных по характеру строительных материалов, в соседстве обыкновенного кирпича с тщательно прорисованными и хорошо обработанными деталями из белого камня. Это и внесло в художественный облик сооружения ту определенную загадочность и праздничную нарядность, которая была излюбленной в русском зодчестве XVII века. Никольский собор как бы перекликается с художественными веяниями в архитектуре предшествовавшего столетия.

Особенно эффектно выглядит высокая многоярусная колокольня, вплотную примыкающая к собору. Уступчатая, пирамидальная, с тонким, словно игла, граненым шпилем, она как бы уперлась в вереницей плывущие кучевые облака. Ее массив проникнут той же узорностью, которая свойственна и самому храму. Особенно интересны парные белокаменные колонки. Словно грибные наросты смотрятся на них валиковые перемычки. В рустованных угловых выступах нижнего яруса колокольни, в колонках, украшающих ее стены, и в целом ряде других деталей опытный глаз специалиста увидит классические приемы композиционного построения.

В нескольких шагах от Никольского собора вы заметите и другой памятник архитектуры Можайска — Петропавловскую церковь. Скромно стоит она на площадке Соборной горы. Нередко ее называют еще и Петропавловским собором. Это небольшое кубовидное здание под четырехскатной железной кровлей и с одной главой было выстроено в 1849 году. Но пусть вас не смущает столь поздняя дата. Маленькая Петропавловская церковь так же интересна, как и огромный Никольский собор. Несмотря на явно архаизирующие формы, она вполне заслуживает внимания. Ведь эта церковь сменила более древний белокаменный собор, который стоял в Можайском кремле уже в XVI веке и рухнул в 1844 году.

Но именно в те годы, когда не стало белокаменного собора, интерес к родной старине возрос особенно сильно. Развернулись большие работы по обмерам и зарисовкам старинных зданий, стали делаться их первые описания и

*Можайск. Никольский
собор. 1802—1814 гг.
Литография XIX в.*

публиковаться связанные с ними исторические сведения. И не удивительно в связи с этим, что при восстановлении обрушившегося от ветхости храма его архитектурные формы были воспроизведены заново.

Посмотрите на Петропавловскую церковь более пристально, обратите внимание на ее обработку и вы убедитесь, что так и было сделано. Суховатые эклектичные формы здания — свидетельство этому. Крестьянин Щеглов, восстанавливавший храм в середине XIX века, когда на смену строгой и величественной классической архитектуре пришло показное великолепие, смешавшее воедино элементы различных стилей прошлого, не только воссоздал вновь объем рухнувшего здания, но и воспроизвел заново лопатки его стен, перспективные порталы фасадов и даже орнаментированный декоративный пояс. Это соответствовало подрядному договору, который с ним заключило можайское духовенство. Согласно выставленным условиям, Щеглов был обязан разобрать остатки сводов

и столбов рухнувшего собора, вырыть вокруг него канаву, забутить ее камнем, к «трем наружным дверям сделать из белого камня три для входа крыльца», вычинить «карнизный цоколь», который во многих местах был поврежден, «выложить из кирпича стены», начиная от старого цоколя, «сделать где нужно по плану резьбу с прибавкой старой, годной», которую ему надлежало «очистить» так, чтобы она не отличалась от новой и устроить «кругом собора вновь резной из белого же камня трафарет»⁹. Так в прошлом веке на территории Соборной горы появился новый храм, явившийся копией более древнего. Однако Щеглов сложил его уже не из белого камня, а из кирпича и только элементы декоративной отделки сделал из камня. Четко читаются они на красном фоне стен, создавая колоритную цветовую гамму.

Как и укрепления кремля, древний белокаменный собор Можайска не исчез бесследно. Осматривая Петропавловскую церковь, вы наверняка обратите внимание на

нижнюю, цокольную часть ее северной стены, сложенную из белого камня. Не пропустит ваш взгляд и низкий арочный проем в этой стене, перемычка которого выложена из клинчатых белокаменных блоков. Кладку из белого камня вы увидите и в подклете Петропавловской церкви. Все это и есть остатки древнего собора, рухнувшего в середине XIX века. Камень с надписью, что в 1541 году в Можайске делали паперть и «город», и был вставлен в кладку одной из его поздних стен. Тогда этот собор назывался Никольским. В отличие от него ложноготическую громаду воздвигнутого рядом в начале XIX века храма стали именовать Ново-Никольским собором. Новый же храм, выстроенный на развалинах старого Никольского собора в середине XIX века, назвали Петропавловской церковью. Красочная, стилизованная, как театральная декорация, стоит она перед вами, напоминая о своем белокаменном предшественнике. Составить о нем представление не так трудно. Это был стройный четырехстолпный храм

*Можайск. Никольский
собор*

с легким барабаном, щелевидными окнами и красивыми порталами. Его фасады членились лопатками и завершались килевидными закомарами. В средней части фасадов проходил орнаментированный пояс. Соборной церковью Николы Чудотворца Можайского называли в XVI веке этот храм городские жители. Удивительно богато был убран тогда не столь уж вместительный его интерьер. Уходящий под своды иконостас с царскими «дверями», деисусным чином, праздниками и пророками, надпрестольная сень с золочеными «столбцами», образа в серебряных и золоченых окладах с яхонтами, изумрудами и жемчугом, подсвечники, покрытые сусальным золотом, медные распятия и паникадила, серебряные и золоченые потиры, ковши, блюда и чаши, книги и евангелия в дорогих переплетах — все это загадочно блестело во время торжественных богослужений при тусклом мерцании всюду расставленных свечей; все это притягивало взоры горожан, семьями приходивших по праздникам в Можайский

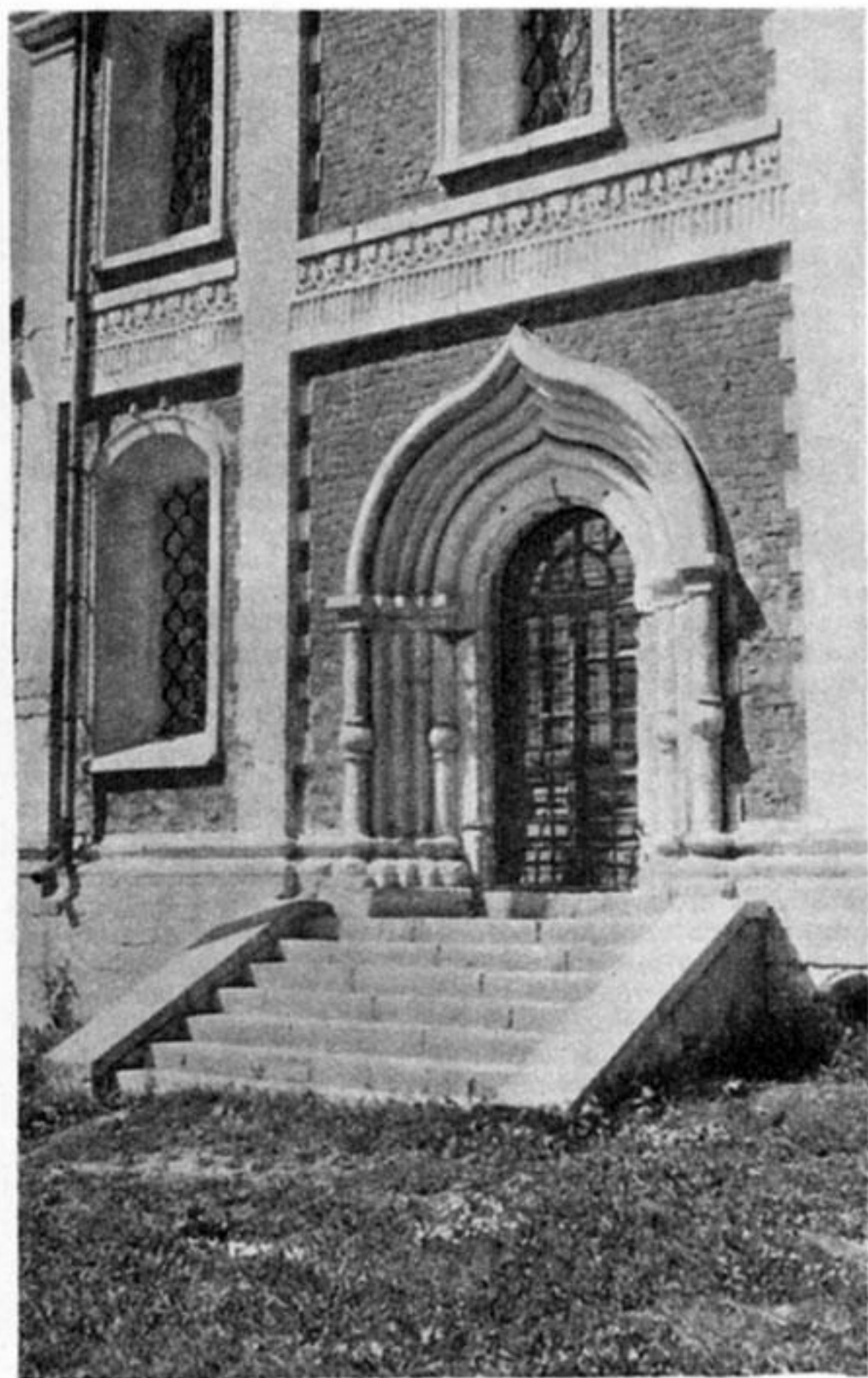
Можайск. Петропавловская церковь. 1849

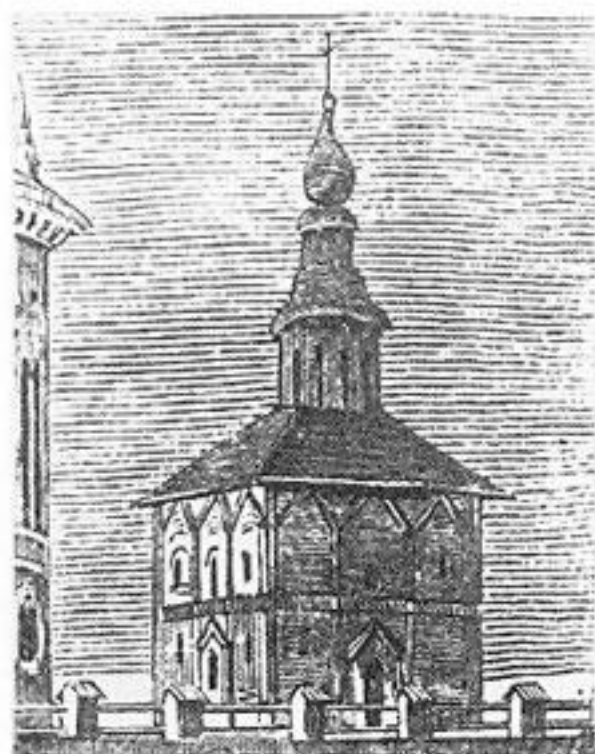
Можайск. Петропавловская церковь. Южный портал

кремль. Словно зачарованные стояли они в храме. Никольский собор был для них главной святыней.

Но когда же был построен белокаменный Никольский собор, спросите вы, рассматривая Петропавловскую церковь? Сведений о его создании нет в источниках. Однако характер белокаменной кладки сохранившихся частей, его планировка, сделанное в 1841 году изображение и стоящая перед вами копия в виде Петропавловской церкви — все это позволяет отнести несохранившийся Никольский собор Можайска к началу XV века, то есть ко времени князя Андрея. В то время его брат Юрий Звенигородский развернул в своем подмосковном уделе бурную строительную деятельность, и нет сомнения, что исчезнувший Никольский собор Можайска стоит в одном ряду с такими великолепными храмами той поры, как Успенский собор в Звенигороде «на городке» и Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Вам эти белокаменные постройки конца XIV — начала XV века известны.

*Можайск. Никольский
собор XV в.
Гравюра 1841 г.*

В тот же хронологический ряд становится и еще один памятник архитектуры Можайска — церковь Иоакима и Анны Иоакимо-Анненского монастыря. Вы наверняка заметили его с высоты кремлевского холма. Зеленая шатровая крыша с голубой луковичной главкой одного из его храмов хорошо видна за кремлевским валом. Прикрытый деревьями, он возвышается к северо-востоку от холма на одной из «гор», обступивших его по сторонам.

Время основания Иоакимо-Анненского монастыря неизвестно, но он существовал уже задолго до начала XVI века. Вы подойдете к нему не через глубокий овраг, прикрывающий Соборную гору с востока, а через город, с его главной площади, спустившись немного вниз по мощенной булыжником улице. И пусть не смущают вас малоинтересные эклектичные формы ярко раскрашенного кирпичного храма конца XIX века, который оказывается в этот момент перед глазами. Вас должен интересовать другой, тоже поздний храм, расположенный рядом.

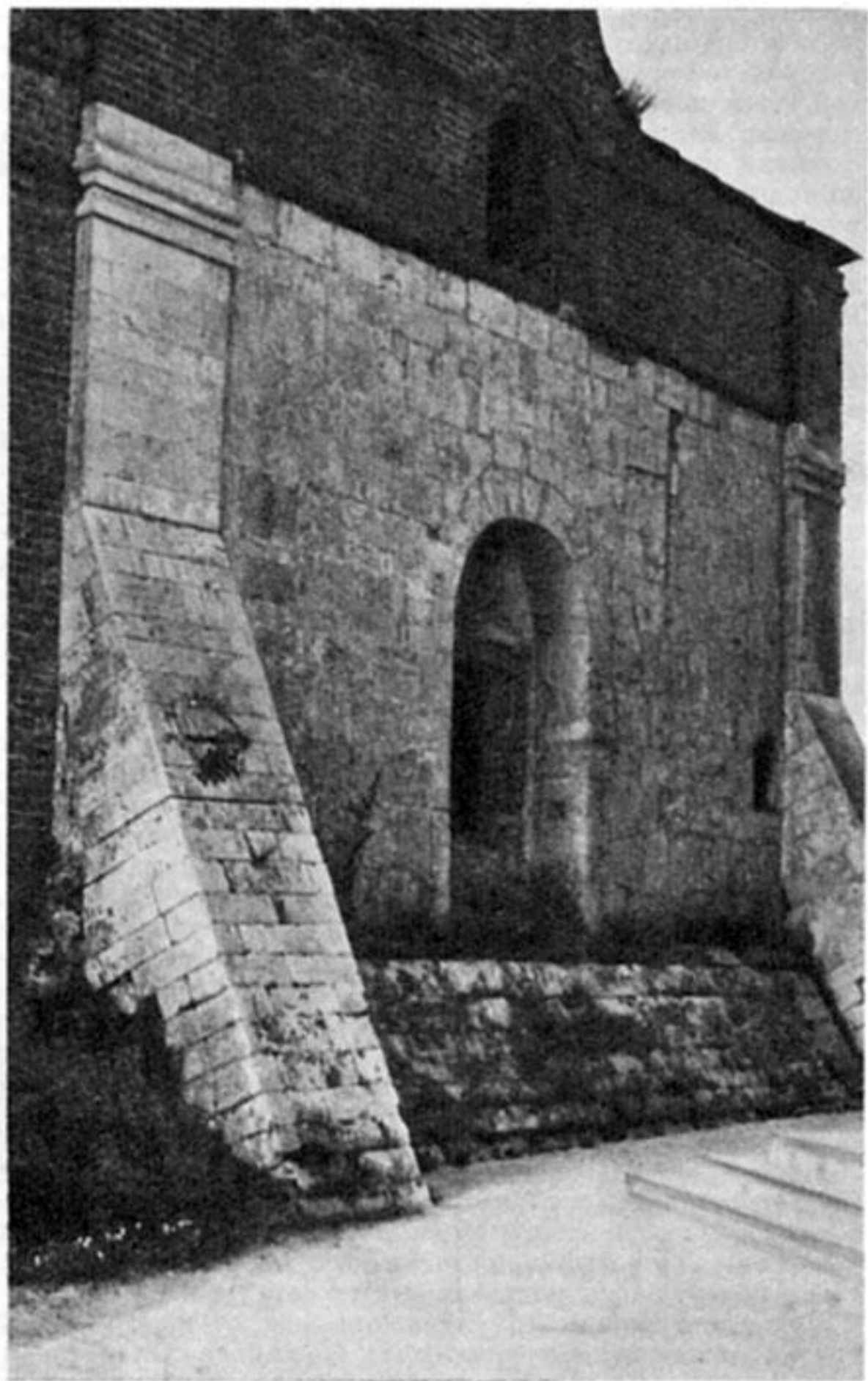
Правда, с первого взгляда кажется, что ничего интересного в нем нет, что он не заслуживает внимания. Но это недоразумение. В этом вы удостоверитесь, подойдя к южной стене церкви. Какой-то странной покажется она вам сначала. Ведь от других эта стена отличается тем, что сложена она не из кирпича, а из белого камня. Тщательно подогнаны ее блоки друг к другу. Словно веснушками покрыла их патина времени. Глубоко в толщу уходят откосы расположенного в центре арочного проема. Увидя все это, вы наверняка измените мнение о постройке. Перед вами будет самая древняя часть сооружения — подлинная стена церкви Иоакима и Анны XV века. Она оказалась встроеной в более поздний и не столь уж привлекательный кирпичный храм.

Но не уходите от него сразу. Всмотритесь еще раз в белокаменную кладку. Теперь вы видите, что это внутренняя плоскость стены древнего сооружения. Она сохранила штрабу от тяблового иконостаса и глубокую арочную нишу уже исчезнувшего жертвенника. Войдя же внутрь постройки, где теперь разместились городской архив, вы осмотрите и внешнюю плоскость этой стены с ее широкими лопатками и красивым обрамляющим заложенный дверной проем килевидным порталом с двумя боковыми колонками.

Раскопки позволили установить структуру церкви Иоакима и Анны. Это было небольшое трехапсидное здание. Судя по сохранившимся описаниям, оно имело одну главу, крытую «деревянной чешуей» и увенчанную железным крестом. По своему характеру храм напоминал хорошо известные вам звенигородские церкви конца XIV — начала XV века. Они великолепно характеризовали художественные вкусы русского народа и строительную культуру Московской Руси того времени.

А вдаль, за церковью Иоакима и Анны, на окраине Можайска смутным силуэтом проглядывают контуры построек Лужецкого монастыря. Это один из древнейших комплексов города. Он расположен на высоком берегу Брыкиной горы, господствующей над широкой поймой Москвы-реки. Разглядеть его издали вы смогли, очевидно, тогда, когда, взобравшись на кремлевский вал, любовались окрестностями Можайска. Теперь же, подойдя к воротам монастыря, представляющего перед вами во всей своей красоте, познакомимся с ним детально.

Лужецкий монастырь занимает видное место среди других памятников архитектуры Можайска. Он основан по желанию можайского князя Андрея Дмитриевича в

*Можайск. Церковь
Иоакима и Анны*

*Можайск. Церковь
Иоакима и Анны.
Профилированные блоки*

1408 году. Его первым устройтелем был инок Ферапонт — тот самый, который в 1398 году положил начало знаменитому Ферапонтову монастырю в Белозерье. Лужецкий монастырь невелик; собор, колокольню, окружающие их здания и ограду с башнями вы увидите сразу, охватите одним взглядом. Внимание в первую очередь привлекает собор Рождества Богородицы, главенствующий над другими монастырскими строениями. Он воздвигнут около 1520 года. Стройный, пятиглавый, с тремя полукруглыми алтарными выступами и четырьмя круглыми столбами внутри, говорящими о влиянии московского Успенского собора (1475—1479), он, словно монумент, величаво стоит в центре обширного монастырского двора. Это одно из лучших украшений Можайска. Вокруг пусто, все другие строения как бы с почтением отодвинулись в стороны, освободив ему лучшее место. Источники сообщают, что каменный собор в Лужецком монастыре существовал уже в 1420 году. Не вошли ли его

остатки в состав существующего храма, спокойно и величаво стоящего перед вами?

Сложен собор из кирпича на высоком сводчатом подклете. Когда-то он был окружен гульбищем. «Стенное письмо» до сих пор сохранилось на его стенах. Фасады собора, расчлененные широкими лопатками, увенчаны закомарами. Торжественно возвышаются над сводами здания плотно поставленные световые главы. Вглядываясь в них, вы сразу не замечаете даже, что диаметр малых барабанов неодинаков. Разную форму имеют и их покрытые лемехом главы. Ставя эти главы, неизвестный мастер прекрасно согласовал их с неравными долями фасадов, ограниченными лопатками. С большим вниманием отнесся он и к декоративному убранству сооружения. Перспективные, уходящие в толщу кладки красивые килевидные порталы, пояса неглубоких арочных нишек у основания закомар, в верхних частях барабанов и апсид, вместе с тонкими, как бы накладными валиковыми

*Можайск. Комплекс
Лужецкого монастыря*

колонками на барабанах и полукружиях алтарных стен придают ему скромную нарядность и тонкую изящность.

Безусловный интерес вызовет у вас и высокая колокольня монастыря. Это монументальное, сложенное из кирпича сооружение возведено в 1673 году на месте колокольницы XVI века. Его основу составляет массивный, чуть вытянутый вверх и расчлененный по горизонтали четверик. На нем приземистый восьмерик с широкими арками звона. Покрыт восьмерик высоким шатром. На его углах полукруглые ребра, на плоскостях — ряды «слухов» для проветривания. Словно былинный богатырь стоит колокольня посреди монастырского двора, сверкая чистотой белоснежных стен. Красивые наличники, бросающие яркую тень, обрамляют редкие оконные проемы. Это хороший образец подобного рода зданий второй половины XVII века. В толще стен колокольни — крутая узкая лестница. По ней монахи поднимались к увесистым колоколам. Восемьдесят пять пудов весил самый

большой из них. Он был отлит еще в 1648 году и до постройки колокольни висел на монастырской колокольнице. «Полиелейным» называли его монахи. Его приятный, густой, как бы стелившийся по окрестностям гул был слышен за много верст от Лужецкого монастыря.

Не пренебрегайте и вы возможностью взобраться наверх по высоким, сильно потертым ступеням колокольни. Правда, «Полиелейного» колокола вы уже не увидите, но зато вы окажетесь на своде четверика колокольни, под ее уходящим ввысь кирпичным шатром. Красиво смотрится он отсюда, освещенный через проемы «слухов». Сквозь арки звона восьмерика вы с интересом рассмотрите и красивое пятиглавие Рождественского собора. Оно окажется совсем близко, вы сможете рассмотреть каждую деталь барабанов и лемех их покрытий. Увидите вы с колокольни и всю территорию монастыря с окружающими его просторами. Открывающиеся отсюда перспективы вызывают восхищение. В поле вашего зрения окажется извилистое русло Москвы-реки, перерезанное плотиной, простирающиеся по речным берегам зеленые заливные луга с пасущимися стадами коров, уходящие вдаль извилистые проселочные дороги с клубами пыли, поднимаемой колесами ползущих машин, разбросанные поодаль деревни, закрываемые подчас густыми деревьями, и повсюду виднеющиеся холмы, покрытые «вырезами» возделанных полей. В эту широкую, манящую к себе картину, ограниченную на горизонте синей каймой леса, вписываются и торжественно плывущие над рекой причудливые перистые облака, расчерчивающие небо от края до края. словно белоснежные нити тянутся они по ярко-голубому небосклону.

Спустившись с колокольни, вы наверняка заинтересуетесь кирпичной оградой Лужецкого монастыря. Она поставлена в 1684—1692 годах. словно игрушечная смотрелась эта ограда сверху. Рассматривая ее вплотную, вы наверняка убедитесь в том, что к концу XVII века время монументальных военно-оборонительных сооружений, создававшихся раньше вокруг монастырей, уже давно миновало. Это не крепость, а именно ограда, то есть невысокая, расчлененная лопатками стена с декоративными башнями, предназначенная не для военных целей, а для ограждения монастырской территории. Следы кое-где видимых орудийных амбразур, пробитых в стенах ограды, напомнят вам, что в монастыре во время нашествия иноплемеников 1812 года стоял корпус вестфальцев генерала Жюно. Башни ограды круглые, как цилиндры, и

только одна квадратная, двухъярусная, четвериком на четверике, с широкими лопатками на углах. Как и сама ограда, они явно декоративные. Подойдя к угловой квадратной башне снаружи, вы окажетесь у края крутого склона горы и снова получите возможность любоваться той величественной панорамой, которая развернулась перед вами, когда вы были под шатром монастырской колокольни.

Не пропустите, однако, ворот монастыря с их надвратным храмом. Это сооружение очень интересное и малоизученное. Нижняя его часть с двумя разной величины арочными проемами выстроена из блоков белого камня, а верхняя, снабженная лопатками и ширинками, сложена из кирпича. Время появления верхней части, то есть надвратного храма, — 1547 год. Низ же ворот явно более ранний. Не исключено, что он восходит даже к концу XV века. Внимание путешественника здесь привлекают боковые устои, украшенные удлиненными, богато профилированными филенками. Уступчатые, сочные, дающие при косом освещении красивую тень, они воспринимаются не иначе, как богатые рамы.

Но оставим Можайск с его древними памятниками зодчества. Тому, кто не стеснен во времени, могу посоветовать съездить в село Борисово, расположенное к югу от города. Как и Большие Вяземы, это тоже бывшая Годуновская вотчина. Здесь, в стороне от Можайска, по челобитью Бориса Годунова в 1585—1586 годах была воздвигнута прекрасная Борисоглебская шатровая церковь, а немного позднее, уже тогда, когда Борис Годунов сел на царский престол, устроен искусственный пруд и выстроена небольшая крепость, получившая название Борисова городка. В целом это был весьма интересный архитектурный комплекс конца XVI века. Однако во второй четверти прошлого столетия он был полностью разобран и только заплывшие ямы от фундаментов говорят теперь о его былом существовании.

□

Направившись от Можайска снова на запад, вы достигаете следующего этапа предпринятого вами путешествия — деревни Бородино и знаменитого в истории Бородинского поля.

Нет человека, который не слышал бы об этом поле. Редко кто не бывал на нем, не знает, что на нем произошло. Известность Бородинского поля беспредельна. Оно

*Можайск. Лужецкий
монастырь.
Рождественский
собор.
Первая четверть
XVI в. Главы*

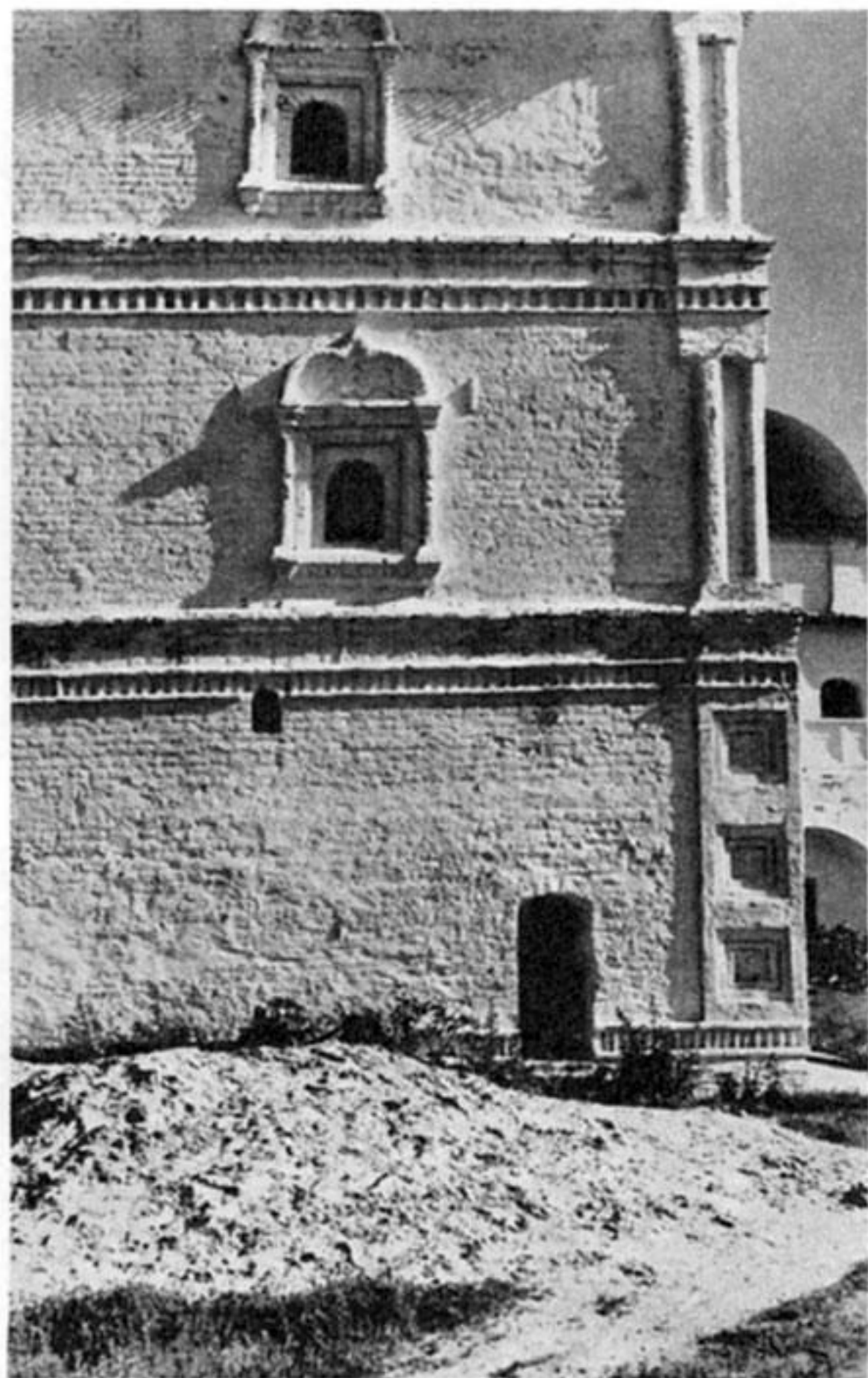

воспето поэтами, подробно описано писателями и военными историками, тщательно изображено на полотнах выдающихся художников. В 1812 году на Бородинском поле в открытую, лицом к лицу, словно вкопанные, в таинственной тишине встали на мгновение две громадные враждующие армии — русская армия, возглавляемая М. И. Кутузовым, и многоязычная шестисоттысячная армия французского императора Наполеона. Пятнадцать долгих часов без перерыва длилась затем разыгравшаяся на этом поле Бородинская битва. Начавшись с восходом солнца, она продолжалась до наступления ночной мглы. По свидетельству современников, грохот сражения напоминал морской бой столупешечных кораблей, залпами стрелявших в борта друг другу. В Можайском соборе от сотрясения воздуха летели стекла. Отдаленные раскаты боя слышались и в Москве, у Дорогомиловской заставы, более чем в ста десяти верстах от Бородинского поля. Ни трусов, ни дезертиров, ни взятых знамен не было ни с той

ни с другой стороны. Только раненые и трупы лежали по всему полю. В его глинистой земле навсегда остались тысячи русских воинов. Они до конца исполнили свой священный патриотический долг. Почти вдвое поредели в тот день ряды россиян. Но они не дрогнули, не отступили. Значительно поредела и численно большая иноплеменная армия Наполеона. Однако к ночи она осталась стоять на том же месте, где была и поутру, разбившись о численно меньшую армию М. И. Кутузова. Такого не знала история. Бородинское поле видело в тот день небывалое.

Среди сотен книг и статей, посвященных Бородинской битве, среди воспоминаний участников и современников, среди многочисленных исследований историков и военных теоретиков, равно как и большого количества самых разнообразных повестей и романов, мы всегда вспоминаем в первую очередь о романе-эпопее «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. Переведенное почти на все

языки мира, это произведение стало драгоценным достоянием всего человечества. Сила художественного воображения Л. Н. Толстого соединилась здесь с документальной точностью историка.

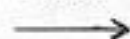
Страницы с описанием военных действий, картины Бородинской битвы оказали большое влияние на многих писателей мира и военных историков. Сегодня героический эпизод из истории русского народа уже немыслимо представить себе без грандиозного художественного полотна Л. Н. Толстого. Благодаря могучему таланту Л. Н. Толстого картина Бородинской битвы встает перед нашими глазами во всей своей полноте и яркости, а герои сражения становятся для нас живыми, близкими и понятными.

Сейчас на Бородинское поле приезжают и советские и иностранные туристы. Их бывает здесь много. Со знаменитым полем хочет познакомиться каждый, кто интересуется нашим героическим прошлым.

*Можайск. Лужецкий
монастырь. Колокольня.
1673. Фрагмент северного
фасада*

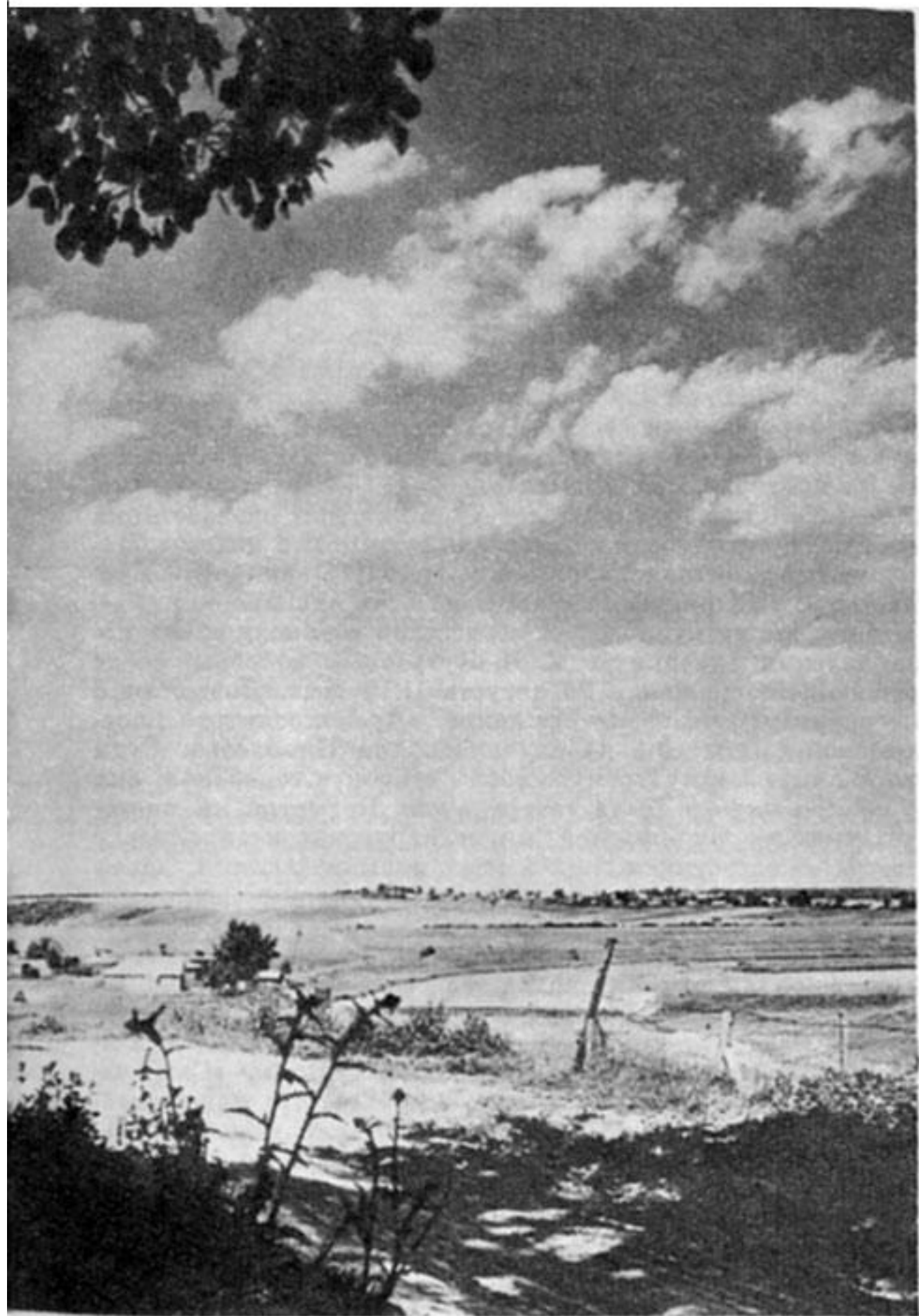

*Можайск. Лужецкий
монастырь. Башня ограды.
1684—1692*

От Можайска до Бородинского поля, ставшего местом славы русского оружия, ехать недалеко — всего двенадцать километров. Шоссе по-прежнему ровное, асфальтированное. Здесь оно называется Бородинским, так как через Бородинское поле ведет в деревню Бородино. В начале XIX века его именовали Новым Смоленским почтовым трактом, в отличие от старой Смоленской дороги, проходившей из Можайска на Вязьму значительно южнее, через Утицы и Ельню. Когда-то по сторонам Бородинского шоссе простирался большой лесной массив, где устраивались царские и великокняжеские охоты. В XVII—XVIII веках Бородино и близлежащие деревни принадлежали разным владельцам, но к концу XVIII века вся территория, именуемая ныне Бородинским полем, сосредоточилась в одних руках. Идущее по этому полю от Можайска шоссе по-прежнему привлекательно и живописно. Обступивший его лес манит прохладной тенью. То спускаясь вниз, то поднимаясь вверх, вы оставляете поза-

ди густые перелески с зелеными полянами, минуете Тарариново, где располагался штаб М. И. Кутузова, и въезжаете в деревню Горки. За ней на высоком, словно насыпном кургане, пригорке высится памятник М. И. Кутузову. Величественным силуэтом воспринимается он на фоне неба. За пригорком — просторы уходящего в стороны Бородинского поля. Памятник господствует над ним. Это высокий, четырехгранный, суживающийся кверху остроконечный гранитный обелиск с золоченым мечом и распростершим крылья темным бронзовым орлом, держащим в когтях лавровый венок. О славе русского оружия скромно возвещает этот обелиск. Он поставлен в 1912 году на том месте, где сто лет до этого находился наблюдательный пункт главнокомандующего русской армией, откуда он руководил Бородинским сражением. Будто нарочно был создан для этого пригорок. Говорили, что в начале сражения, когда М. И. Кутузов обосновался на пригорке, над ним летал орел, и князь, сняв шляпу, приветствовал парившего хищника как предвестника победы. Вокруг обелиска массивные тумбы с цепями. Наклонная гранитная вымостка у тумб усыпана полевыми цветами. «Неприятель отражен на всех направлениях» — читаете вы на кубическом пьедестале обелиска слова поздравления, сделанного М. И. Кутузовым войскам после решающего сражения 26 августа 1812 года. Доподлинно несравнимым было это сражение. «Кровопролитнее Бородинской битвы еще не случалось для Наполеона. Судя по значительному урону с обеих сторон в генералах, она в точном смысле была генеральной. Несмотря на многочисленность неприятелей, никогда русские не дрались с таким ожесточением, как в этот знаменательный день: убылые ряды передних тотчас заступались задними. С сжатым сердцем стояли все под ударами ядер и пуль, имея в руках смерть врагу и принимая смерть от него». Так писал в своих походных записках артиллерист И. Т. Родожницкий, бывший участником битвы при Бородине¹⁰. Поздравление М. И. Кутузова, как видите, не было только ободряющим и вдохновляющим. «Сам неприятель был так мало уверен в победе, что нашел возможным приписать ее себе только на следующий день, заметив, что мы очистили позицию, оставив на ней сильный арьергард», — справедливо заметил потом генерал-майор Э. Ф. Сен-При, бывший при Бородинском сражении начальником штаба второй Западной армии¹¹. Кутузовский обелиск стал теперь как бы символом этой грандиозной баталии, ее величественным и монументальным па-

*Можайск. Лужецкий
монастырь. Ворота. Деталь
южного фасада*

мятным знаком. На бронзовом барельефе, вставленном в небольшую скругленную нишу пьедестала, виднеется изображение сидящего с картой в руках М. И. Кутузова. Вокруг полководца прославленные генералы. Его вытянутая правая рука указывает на простирающееся перед ними поле брани. Бетонную стелу с планом поля, поставленную в 1962 году в стороне от пригорка, вы увидите, когда спуститесь вниз по его широким каменным ступеням.

Теперь же, осмотрев обелиск, словно предупреждающий маяк, стоящий у дороги, оглядитесь внимательно вокруг. С высоты пригорка Бородинское поле как на ладони. Панорама величественная и неповторимая. Какая-то былинная величавость пронизывает ее от края до края. С юго-запада на северо-восток Бородинское поле пересекает петляющая речка Колочь, впадающая в Москву-реку. За высокими кустами вы не разглядите ее обрывистых берегов. Река Воинка, ручьи Каменка, Огник, Стонец

*Бородинское поле.
Памятник М. И. Кутузову.
1912*

и Семеновский — ее притоки. Их с пригорка у памятника летом тоже не видно. Всюду они закрываются невысокими всхолмлениями с глубокими изрезанными оврагами; всюду вы видите зеленеющие ковры свежих, местами уже скошенных лугов, темные пятна перелесков и поля золотящейся ржи, опускающей к земле набухающие колосья. Вдали, к северу от шоссе, вы разглядите деревню Беззубово и Новое село, а к юго-западу — контуры построек Спасо-Бородинского монастыря и почти укрывшуюся в гуще зеленой кроны Бородинскую церковь. Всмотриваясь вдаль, ваш глаз заметит и еле различимые подчас памятники Бородинского поля. Они высятся и на холмах, и на склонах оврагов, и на берегах ручьев. Все их нельзя рассмотреть с пригорка. Они также прикрыты зеленью и холмами. Но они есть всюду, их много, ими усеяно все поле. Стоят эти памятники либо группами, недалеко один от другого, либо отдельно, в окружении просторов колышущихся лугов. Это башни, пирамиды, обелиски,

колонны и просто неправильной формы камни. На них одноглавые и двуглавые бронзовые орлы, литые барельефы, лавровые венки, георгиевские кресты и вереницей следующие буквы, складывающиеся в скорбные слова и патетические фразы. Вехами бессмертия высятся все эти сооружения на Бородинском поле. Как и монумент М. И. Кутузову, их поставили здесь к столетнему юбилею знаменитого сражения. Воздвигались эти памятники различным войсковым соединениям, героически сражавшимся при Бородине. Стоят они на тех местах, где сто шестьдесят лет назад располагались русские воинские части, гремели артиллерийские залпы, рвались бомбы, свистела картечь, валились скошенные огнем кони и кипел штыковой бой; где падали насмерть сраженные русские солдаты, офицеры и генералы, отдавшие жизнь за отчизну. Местом неувядаемой славы стали теперь еле обозримые просторы Бородинского поля, замыкаемого у горизонта широкой полосой у тичьего леса. Всматриваясь в это поле, вы невольно вспоминаете о том, что именно здесь М. И. Кутузов сумел сохранить основные русские силы и нанести многочисленной «непобедимой» наполеоновской армии неслыханное поражение.

Стоять над Бородинским полем мне пришлось в тот момент, когда его от края до края покрыли темные облака. Как пороховой дым, стелились они над ним. В стороне, далеко за холмами, блеснули сполохи фар невидимых машин. словно отблески бивачных костров, отразились их огни на мрачных свинцовых, низко опустившихся тучах. Грозы еще не было, но кругом все смолкло, стало душно, наступила мертвая, зловещая тишина. Только всплески стремительных молний, прорезавших наступивший мрак, вырывали из суровой панорамы Бородинского поля то дорогу, то овраги, то виднеющиеся впереди перелески. словно лучи вспыхивающих прожекторов освещали они тогда на мгновение те места, где вдали высились еле различимые бородинские монументы. И невольно вспомнилась мне тогда хорошо известная панорама Бородинского сражения, созданная академиком Ф. А. Рубо в 1910—1912 годах. Крупный мастер батальной живописи воспроизвел Бородинское поле на огромном, замкнутом кольцом холсте в тот памятный для России день, когда оно сплошь покрылось русскими и французскими войсками, когда на нем беспрерывно, подобно раскатам грома, звучала пушечная канонада, клубились густые облака дыма стрелявших батарей и сыпались осколки рвавшихся гранат; как при землетрясении, ходила ходу-

*Ф. П. Толстой.
«Бородинская
битва». Барельеф. 1819*

ном вздымавшаяся к небу фонтанами изуродованная взрывами земля, в жесточайшей схватке с развернутыми знаменами сходились людские колонны, трещали частые ружейные выстрелы, сверкали штыки, сабли, палаши и шел кровопролитный, невиданный в истории смертельный бой, предрешивший исход войны 1812 года. Как наяву, встало тогда передо мной полотно этой гигантской картины, изображенные на ней эпизоды великой битвы. Всплыли тогда перед моими глазами и великолепные барельефы Ф. П. Толстого — крупного медальера, скульптора, живописца и мастера силуэта начала XIX века, который в символической форме раскрыл героизм двенадцатого года; используя идеальные античные образы, так любимые художниками эпохи классицизма, просто и лаконично раскрыл силу духа и благородство русского народа, решительно ставшего на защиту отечества. И надо прямо сказать, что выдержанное им сражение имело громадное историческое значение. Оно положило начало раз-

грому «непобедимой» армии Наполеона, вторгшейся в русские пределы, решило дальнейшую судьбу России, утвердило сознание национальной гордости русского народа и предопределило начало коренных преобразований в жизни страны. Детями двенадцатого года называли себя первые русские революционеры-демократы, старшее поколение которых получило награды за смелость, дерзость и героизм в Бородинской битве.

Одновременно битва у маленькой можайской деревеньки Бородино оказала влияние и на дальнейшую судьбу всей Европы. Никто и не думал тогда, что вскоре после Бородина русские войска войдут в Париж, европейские народы освободятся от французского владычества, а сам Наполеон отречется от престола. И все это крылось в Бородинском сражении, все это начиналось на Бородинском поле, занимающем лишь 50 квадратных километров.

Сейчас простирающееся перед вами Бородинское поле манит к себе какой-то удивительной тишиной, прозрачностью воздуха, щебетанием птиц и яркой окраской светящейся на солнце зелени. Но, глядя на него, вы наверняка вспоминаете отдельные эпизоды картины Ф. А. Рубо, где герои Бородинского сражения словно оживают перед вами, восхищаетесь присутствием духа, с каким они защищались, сдерживая напор превосходящих сил неприятеля, думаете о той крови, которую впитала его земля. Об этом нельзя забыть, об этом скорбно напоминают монументы поля.

И не пожалейте времени. Походите по Бородинскому полю из конца в конец. Вы сможете детально рассмотреть все его памятники, ознакомиться с начертанными на них именами героев.

На Курганной высоте, где когда-то стояла батарея Н. Н. Раевского, рядом с невысокой гранитной стелой, поставленной во славу доблестных защитников Родины, вы увидите простое черное надгробие. Это могила умершего от ран П. И. Багратиона. Его прах был перенесен сюда в 1839 году из села Симы Владимирской губернии по ходатайству поэта, партизана и героя войны 1812 года Д. В. Давыдова. По описанию Л. Н. Толстого, здесь, на Курганной высоте, сплошь заваленной трупами французов, в самом пекле сражения находился Пьер Безухов. А чуть в стороне от деревни Шевардино, близ знаменитого Шевардинского редута, увенчанного призматическим обелиском с двумя пушками по бокам, ваше внимание наверняка привлечет и единственный на всем Бородинском поле французский памятник. Как и памятник

М. И. Кутузову, это тоже обелиск на невысоком холме, увенчанный орлом. Он поставлен французами в 1912 году на том месте, где находился командный пункт Наполеона. Перейдя Неман и вторгшись в пределы России 12 июня 1812 года, этот человек два с половиной месяца ждал тесного соприкосновения с русскими силами. Он стремился к нему все время. Французы, немцы, итальянцы, испанцы, поляки — все они были брошены в бой по мановению его руки. Приятные надежды льстили тогда честолюбию Бонапарта. Москва лежала недалеко, всего в нескольких десятках верст за полем сражения. Ему надлежало только пройти по трупам сынов России, чтобы попасть в нее. Говорили, что, желая утвердить в войсках надежду на победу, он при восхождении солнца в день столь долгожданного для него сражения воскликнул: «Это солнце Аустерлицкое!» Но французский император жестоко просчитался. Солнце, лучи которого ярко засверкали в тот день на смертоносной стали штыков и ружей, было не аустерлицким, а Русским, Кутузовским, Бородинским. Играя ослепительным блеском на меди пушек, оно возвестило вовсе не о том, о чем мечтал надменный узурпатор. Победа не стала для него победной. Русские не были разбиты, не были приведены в замешательство. Они не дрогнули, не побежали. Бежать пришлось французам, самому Бонапарту. Огромный гранитный камень для обелиска специально везли на Бородинское поле из Франции, но корабль по пути затонул. Поэтому на место доставили гранитные блоки. «Мертвым великой армии» — гласит французская надпись на обелиске. Вдумайтесь в эти слова. Иронически звучат они среди просторов Бородинского поля, ставшего тем местом, где начался разгром «великой» армии «великого» Наполеона. Тихо сейчас вокруг французского монумента, возвышающегося среди поля наливающейся ржи.

О Бородинском поле, о той грандиозной битве, которая произошла на нем сто шестьдесят лет назад, хорошо рассказывает экспозиция Бородинского военно-исторического музея. Десятки легковых автомашин и экскурсионных автобусов останавливаются днем около его небольшого здания. Одноэтажное, с рустованными стенами и белокаменными колоннами, скромно стоит оно в самом центре Бородинского поля. На полукруглой площадке перед входом в музей бюсты М. И. Кутузова, М. Б. Барклая де Толли и П. И. Багратиона. Два русских четвертьпудовых «единорога» на колесных лафетах с пирамидами чугунных ядер под ними фланкируют по сторонам широко от-

*Бородинское поле.
Здание Бородинского
военно-исторического
музея*

крытые двери. Одна пушка подлинная, участвовавшая в Бородинской битве, другая отлита позднее по образцу орудий 1812 года. Медленно, с каким-то внутренним волнением проходят мимо этих орудий через порог двери группы посетителей. От ворот металлической ограды к музейному зданию ведет небольшая дорожка с массивными по сторонам постаментами. Плотнo уложены на них стволы трофейных пушек 1812 года — французских, итальянских, польских, австрийских. На них надписи, инициалы, эмблемы, короны. Всмотриваясь в их широкие раструбы, рассматривая их орнаментацию, вы вспомнили, наверное, и ряды трофейных пушек 1812 года, лежащих вдоль здания Арсенала в Московском Кремле. Там их намного больше — шутка ли сказать, восемьсот семьдесят пять. Почти вся французская артиллерия (1200 орудий) осталась тогда в России.

Экспозиция Бородинского музея предельно выразительна. В его светлых, хорошо оформленных залах вы

*Бородинское поле.
Спасо-Бородинский
монастырь. Усыпальница
Тучковых. 1820*

увидите большой электрифицированный макет сражения на Бородинском поле и висящие под потолком разноцветные русские знамена, осмотрите походную коляску М. И. Кутузова, его личные вещи и бронзовый бюст полководца работы И. Е. Репина (1912), поинтересуетесь вооружением, обмундированием и снаряжением русских и бонапартовских солдат, серебряной тарелкой Наполеона, французскими знаменами, чеканенными во Франции медалями «Битва за Москву» и касками французских драгун. Не оставляйте без внимания и портреты, развешанные на стенах. Среди них русские полководцы, участвовавшие в битве при Бородине, партизаны того времени. «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь ради любви к отечеству, было сердечным побуждением нашим», — с волнением читаете вы на одном из стендов навеки запоминающиеся слова М. И. Муравьева-Апостола. Экспозиция музея знакомит вас со всем ходом войны 1812 года, вы чувствуете весь ее па-

*Бородино.
Рождественская церковь.
1697—1701*

фос, проникаетесь беспредельным уважением к ее героям.

Знакомясь с Бородинским полем, обязательно загляните в Спасо-Бородинский монастырь, построенный на Багратионовских флешах в 1839—1859 годах по инициативе М. М. Тучковой, бывшей и его первой настоятельницей. Правда, псевдовизантийские постройки монастыря малоинтересны. Направляясь к нему, вы обратите внимание лишь на старую монастырскую гостиницу, где осенью 1865 года работал над романом «Война и мир» Л. Н. Толстой. Строки этого произведения, раскрывающего весь ужас, всю бессмысленность кровопролитных войн, уносящих из жизни огромное количество людей, сразу встанут перед вами, когда вы будете рассматривать здание гостиницы. Внутри же монастыря ваш взор обязательно остановится на великолепной Спасской церкви. Изображения ее вы не найдете в учебниках по истории архитектуры. Это фамильная усыпальница Тучковых. Она по-

строена в 1820 году вдовой генерала А. А. Тучкова, убитого на этом месте в день Бородинского сражения. Церковь великолепна, и вы не зря стремились внутрь монастыря. Это небольшая ротондальная постройка с широким куполом и величественным дорическим портиком. Четко воспринимаются на фоне зеленовато-канареечного руста стены, украшенной рельефами, его четыре белокаменные колонны. Черные литые треножники с глубокими чашами и бьющими из них языками пламени, торжественно стоящие по сторонам широкой лестницы, ведущей к низкой двери, подчеркивают мемориальный характер этого небольшого и строгого сооружения. Внутри небольшой металлический иконостас и траурный катафалк, доставивший в 1813 году из Бунцлау в Петербург тело М. И. Кутузова. В Казанском соборе покоится его сердце. Низко спускается над катафалком хрустальная люстра со свечами. Высокий, тонкий словно игла, четырехгранный обелиск из красного полированного гранита, поставленный по оси входа в усыпальницу Тучковых потомками генерала П. П. Коновницина «доблестным героям Бородина», сражавшимся под его командованием, как бы перекликается с монументами самого поля.

Безмолвным свидетелем происшедшего на нем сражения, вошедшего в историю как пример превосходства русской военной стратегии над французской, является Рождественская церковь села Бородина. Еле заметным белым пятном мелькнула она сквозь деревья, когда вы стояли у подножия памятника М. И. Кутузову. Церковь небольшая, с маленькой колокольней и широким крыльцом. Выстроена она в 1697—1701 годах стольником Петром Тимофеевичем Савеловым, владевшим тогда селцом Бородино. Спокойно стоит этот храм на холме, чуть в стороне от дороги, в центре села. Мастер, создавший постройку, снабдил ее широкими простыми карнизами, укрепил углы восьмерика изящными приставными колонками, украсил широкие окна красивыми наличниками и опоясал ее двумя тонкими лентами поребрика. Особенно хорошо церковь воспринимается с востока, со стороны тройных двухъярусных апсид. Широкие тени бросают они друг на друга. Рассматривая церковь с этой стороны, сразу замечаешь, что неизвестный зодчий стремился к зрительному облегчению убывающих кверху объемов. И если углы восьмерика ему вздумалось украсить тонкими колонками на постаментах, то запады между алтарными полукружиями он заполнил более толстыми кувшинообразными полуколонками и широкими лопатками под

ними. Вместе с рядами маленьких арочек в глубине филенок восьмерика, массивными кувшинообразными «опорами» на углах и тонкими лопатками на гранях невысокой колокольни это придало церкви Рождества чрезвычайную живописность и нарядность. Побеленная по кирпичной кладке, она ярким пятном воспринимается на фоне окружающей зелени. Поздней осенью, когда деревья сбрасывают лиственный наряд, Рождественская церковь еще лучше просматривается со всех концов Бородинского поля и как бы превращается в его главный монумент.

Таково село Бородино и Бородинское поле, ожесточенная битва на котором принесла ему всемирную известность. Бродить по этому полю от монумента к монументу, любоваться его красотой и думать о прошлом можно очень долго. Но где бы ни был на этом поле любознательный путешественник, ему всегда вспоминается великая битва, выдержанная русским народом. Понесся огромный урон и потеряв лучших сынов, Россия навеки посрамила на этом поле непрошенных пришельцев, преподнеся им наглядный исторический урок.

3. Гагарин и Вязьма

За Бородином вы вновь выезжаете на асфальт Смоленского тракта. Перед вами снова мелькают просторы полей и густые перелески. Картина уже знакомая, но каждый раз она другая и воспринимается по-новому.

Впереди крупное село Колоцкое — в прошлом Успенский Колоцкий монастырь (основан в 1413 г. можайским князем Андреем). Здесь, в районе монастыря, в 1812 году заняли позицию русские войска. Тут первоначально М. И. Кутузов и предполагал дать французам генеральное сражение, перенеся его затем на более удобную позицию у Бородина. Вы заметите Колоцкое издали по высокой монастырской колокольне. Она пятиярусная, уменьшающаяся кверху, со спаренными пилястрами на каждом ярусе и асимметрично расположенными арочными проездами внизу. Ее изящный и стройный массив увенчан тонким шпилем. Словно веками нараставший сталагмит, стремительно взметнулась она ввысь, чуть в стороне от дороги. Плоскости стен колокольни слепят глаза своей белизной. Окружающие просторы обзреваются с этой колоссальной вертикали во все стороны. Пристально глядел с нее Наполеон на русские войска, вынужденные отходить на восток. За колокольней — невысокий объем Никольской церкви начала XVIII века со скромными деталями декоративной обработки. Незаметно, словно стесняясь, расположилась она поодаль от шоссе, уступив колокольне более видное место.

От Колоцкого монастыря старый Смоленский тракт двести лет назад шел к Гжатской пристани, на основе

которой и вырос затем город Гжатск. Теперь за Колоцким трактом обрывается, и вы не ищите его продолжения. Давно затерялся он среди полей и деревьев виднеющегося вдали леса. Поэтому вы выезжаете на Минское шоссе и, пересекая границу Смоленской области, быстро добираться до поворота на Гагарин. Именно он и назывался раньше Гжатском. Лишь несколько лет назад его переименовали в честь первого в мире летчика-космонавта. Здесь он родился, здесь провел он свои ранние детские годы. Вы въезжаете в город, минуя поля и перелески, оставив позади железнодорожный переезд.

Гагарин не принадлежит к числу древнейших городов. Чуть более двухсот пятидесяти лет насчитывает его история. Он возник в связи с замыслами Петра I, стремившегося связать строящуюся на побережье Финского залива столицу с центральными районами страны. Самодержец сам осмотрел высокие и лесистые берега Гжати и, убедившись в целесообразности ее использования для снабжения Петербурга сырьем и продовольствием, 23 октября 1715 года предписал сделать на ней и других реках района «судовый ход». С постройкой пристани на Гжати возник и небольшой поселок, получивший наименование Гжатска. Сюда из Твери, Калуги, Вязьмы, Можайска, Боровска, Волоколамска, Вереи и других городов было переселено вскоре свыше двух десятков богатых купеческих семейств. Они-то и положили начало развитию гжатской торговли. Позднее гжатская пристань была расширена и превращена в главный отпускной порт всей восточной части Смоленщины. При Петре I она была важной базой по заготовке провианта для войск, расквартированных в Санкт-Петербурге, и крупной судостроительной верфью, со стапелей которой спускались на воду плоскодонные барки, рассчитанные на сезонную доставку грузов в новую государственную столицу.

Теперь от петровского времени в городе ничего не сохранилось. Между тем в нем в кленовой роще на левом берегу реки существовал раньше небольшой дворец Петра I — одноэтажный дом с мезонином. Вплоть до середины XIX века он считался лучшим украшением Гжатска. Сейчас путешественников здесь привлекает ярусная Казанская церковь 1784 года, стоящая на главной площади. Это оригинальное здание самое древнее в городе. Состоит церковь из двух поставленных на кубовидный четверик и убывающих кверху восьмериков, увенчанных группой из пяти небольших, сильно сближенных глухих луковичных главок. Как грибы, выросли они на крыше

сооружения, оконные проемы которого украшены скромными наличниками. Подобных ему вы не найдете на Смоленщине. В его художественном облике явно проглядывает влияние форм деревянного зодчества.

Меньший интерес вызывает небольшая кладбищенская церковь Успения постройки 1848 года. Вы выйдете к ней, оставив позади черные нити стальных железнодорожных рельсов. Церковь кирпичная, восьмериком на четверике, с одной апсидой и небольшой трапезной. Примкнувшая к ней колокольня конца XIX века утратила верхнюю часть. Стоящая в окружении могильных оград кладбища, эта церковь бывает хорошо видна издали только осенью, когда обступившие ее желтолистые клены сбрасывают свой пышный наряд. Сейчас же со стороны просматривается только голубой купол Успенской церкви. Ею мы и завершим наше знакомство с городом, который с полным правом может быть назван ровесником всемирно известного города на Неве.

*Колоцкое. Колокольня
и церковь
Колоцкого монастыря*

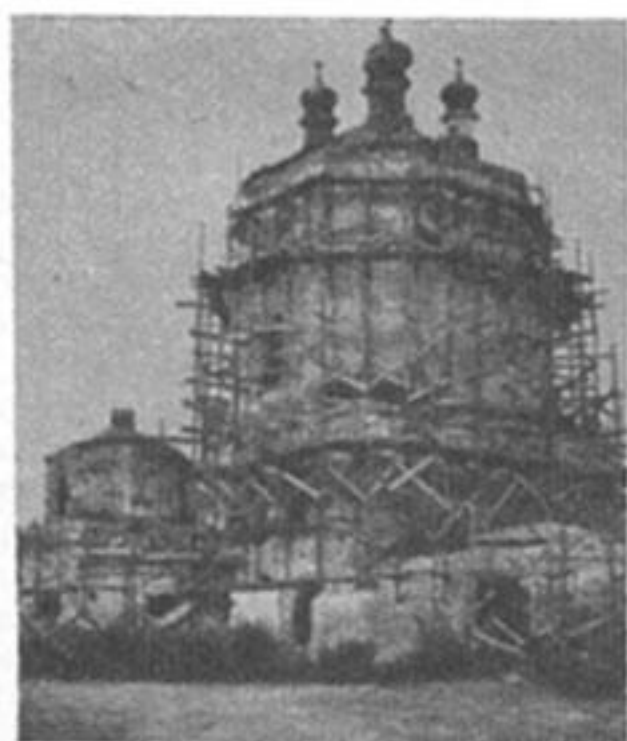

За Гагарином — Вязьма. Чтобы попасть в нее, вы снова выезжаете на Минское шоссе. Другого пути нет. Здесь это шоссе наложено на старый Смоленский тракт. Его ровный асфальт позволяет развить скорость. Вокруг возделанные поля, скошенные нивы. Лес на горизонте как бы растворяется в молочной дымке. Лучи солнца словно гигантские стрелы, пронизывают сгущающиеся тучи. Впереди Царево Займище. Здесь в 1812 году М. И. Кутузов принял командование русской армией. За ним в стороне виднеется деревня Величево; ее церковь мелькает из-за деревьев. Глаз не может охватить бескрайних просторов уходящих за горизонт лесов и полей. Трудно описать то, что открывается взору. Дорога очень красива. Но вот вдали замелькала телевизионная вышка. Это уже Вязьма. Но город открывается вам лишь тогда, когда вы, проскочив очередной железнодорожный путепровод, снова подниметесь в гору. Правда, он еще далеко, в туманной дымке нагретого за день воздуха его почти и не вид-

но, но по мере приближения очертания города становятся все более и более отчетливыми.

Время основания Вязьмы теряется в глубине веков. Первое упоминание о ней относится к 1239 году. Вторично источники говорят о городе под 1300 годом. Это было время упорной борьбы Ростиславичей за смоленский великокняжеский престол. Остальные известия о Вязьме относятся к XV—XVI векам и связаны с военными действиями Смоленска с Литвой и Московского государства с Литвой и Польшей за Смоленские земли. В тот период город был пограничным и не раз переходил из рук в руки. При Иване Грозном он был включен в число опричных городов, а во время Ливонской войны превращен в крупную военную базу, где сосредоточивалось военное снаряжение, формировались воинские силы и останавливались на отдых уходившие на запад русские полки. Далеко в прошлое ушло то время. Вас Вязьма встречает живописной, нигде не повторимой, развернувшейся во всю ширь панорамой. Трудно оторвать от нее взор, город будто бы специально раскрылся перед путешественником в лучах ослепительного солнца. Вы видите его из конца в конец; это как бы главный его фасад, обращенный в вашу сторону, его красивая «визитная карточка». Вы разглядите в его панораме все, почти любую деталь, каждое отдельное здание. Их много. Живописно расползлись они от центра к периферии, блестя стеклами окон. Часть их прикрыта деревьями, но контуры главных воспринимаются довольно четко. Над ними парят церкви и колокольни, придающие силуэту города остроконечное очертание. Их также немало. Они скромны, и, подчас, малоприметны. Это не шедевры мирового искусства. Однако каждая из них — интересный, а подчас и весьма оригинальный памятник архитектуры.

Раньше церквей в Вязьме было больше. В первой половине XVII века на их местах возвышались деревянные храмы. Большой частью это были клетские, стоявшие на «взмоствах» и подцерковьях церкви, с высокими шатровыми кровлями, приделами и колокольнями на столбах. Церковь Сошествия святого духа была даже «о трех верхах», а Рождественская церковь у Смоленского моста через судоходную Вязьму имела и «шатровый наряд». Некоторые церкви входили в состав монастырей. Они стояли в окружении братских келий и других построек. Видное место в городе занимал девичий монастырь. Его деревянная клетская церковь Ильи-пророка имела придел и рубленую колокольницу. Рядом группировались кельи мона-

*Гагарин.
Казанская церковь. 1743*

шек Монастырь окружала рубленая «заметом» ограда со «Святыми» воротами. Еще большим был мужской Предтеченский монастырь, основанный в 1534 году в юго-западной части города, близ речки Бебри. Один из его храмов был срублен в 1542 году, а другой «состроен» в 1624 году. Они составляли ядро монастыря, его основу. Поблизости от них высилась колокольница на столбах. Тут же находилась игуменская «с комнатою» и братские кельи. На территорию Предтеченского монастыря также попадали через «Святые» ворота. Огню были преданы в начале XVII века эти постройки польско-литовскими интервентами. Словно тараканы, расползлись они тогда по Смоленщине. В пламени пожара погибли не только храмы монастыря, его кельи и ограда; в пепел был превращен и монастырский двор с конюшнями, сенниками и «избой с сеньми». Однако другие храмы города уцелели от польско-литовского погрома. Все они были нанесены на первый чертеж Вязьмы, сделанный в 1625—1626 годах

*Вязьма. Центральная
часть города.
Гравюра XIX в.*

крупным русским картографом Афанасием Мезенцевым в ходе больших картографических работ, проводившихся в Москве в Разрядном приказе. До нашего времени чертеж не сохранился, но составить представление о Вязьме той поры позволяет Писцовая книга 1627 года. Это великолепный исторический источник, прекрасно характеризующий город в первой половине XVII века. Тогда центром его был прибрежный холм, или «малый город», с дубовым тыном и рублеными башнями. В нем размещались государевы строения — съезжая изба, погреб с зелейной казной и пушечными запасами, а также житницы с хлебом. Они должны были обеспечить город всем необходимым на случай вражеской осады. Тут же, возвышаясь над ними, стоял и главный храм Вязьмы — деревянный клетский Никольский собор с двумя приделами рубленой вверх шатром колокольницей. Таким в первой половине XVII века был кремль Вязьмы, его градостроительная первооснова. Бесконечное количество раз омытый дождя-

ми и прогретый лучами солнца, он словно сказочный замок высился на холме, доминируя над уходящей вдаль широкой поймой реки Вязьмы. Заливные луга и зеленые откосы окружающих холмов служили ему великолепной естественной рамой. Далеко разносился над ними мерный гул огромного пятидесятипудового благовестного колокола, висевшего на соборной колокольнице вместе с двухпудовыми и трехпудовыми колоколами.

А внизу под «малым верхним городом» простирался «большой острог». Вдоль и поперек был прорезан он кривыми улочками и переулками с тупиками. В стороны уходили они от подошвы холма. Здесь свободно, в окружении приусадебных участков стояли дворы бояр, дворян, детей боярских и приказной администрации; размещались гостиный двор, таможенная изба, государева корчма, кабаки, харчевни, тюрьма, лавки и амбары купцов. Пушкарская и Стрелецкая слободы с их простыми и бесхитростными избами располагались по соседству. Около трехсот построек насчитывалось в Вязьме в ту пору. Все они без исключения были деревянными, рублеными. Словно свечи на пироге, поданном на стол ко дню рождения, торчали над ними шатры деревянных клетских церквей. Они группировались попарно, холодные близ теплых, на всем пространстве города. Он был тогда пограничным и прикрывал Русское государство со стороны Речи Посполитой.

Сменившие их каменные церкви выстроены позднее составления описи 1627 года. В основном это бесстолпные одноапсидные церкви с сомкнутыми сводами и скромной обработкой фасадов. Их появление было следствием развития экономики Вязьмы, результатом энергичной деятельности местного купеческого сословия, которое, отпуская средства на строительство, стремилось отразить в архитектуре свое социальное положение и материальные возможности. Некоторые из них были поставлены также на средства малоимущих прихожан — преимущественно мещан и ремесленников, жертвовавших на них скудные гроши. Количество таких храмов сильно увеличилось к концу XVIII века. В то время город получил собственный герб (1780) с черной пушкой на золоченом лафете и райской птицей на ее стволе, ставший его государственным символом, а его застройка осуществлялась уже на основе проекта планировки (утвержден Екатериной II в 1779 г.), составленного в соответствии с правительственным указом о «сделании» всем русским городам новых планов (1763). Внесший в структуру Вязьмы элементы регуляр-

ности, ставшие в то время характерными для русского градостроительства, этот проект упорядочил в ней и строительство каменных храмов. Часть их вы и видите перед собой в широко раскинувшейся вдаль городской панораме. Каждый из них просматривается издали; вы прекрасно ощущаете их объемы. В центре, на высоком холме, сверкая белизной стен, красуется городской Троицкий собор — одно из наиболее старых зданий Вязьмы. Как начищенное столовое серебро, блестят на солнце его луженые главы. Их видно отовсюду, с любой точки города, с каждой его окраины. Яркими пятнами отражаются они в ровной глади узкой, медленно текущей реки, заросшей кустами и осокой. Словно кусочки драгоценного янтаря, плавают на воде ярко-желтые кувшинки. Грандиозная, взметнувшаяся вверх колокольня собора, также с серебристой «головой», — композиционная ось всей панорамы. Как ступенчатая пирамида, поднялась она вверх. Представить Вязьму без Троицкого собора и его коло-

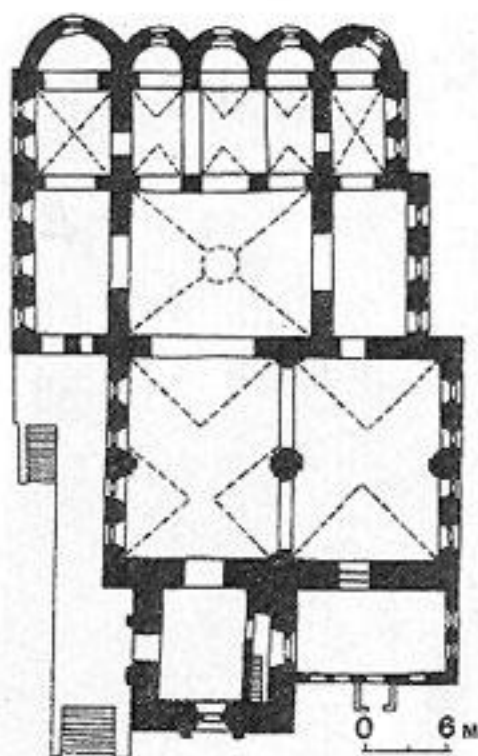
*Вязьма. Троицкий собор.
1674—1676*

кольни невозможно, даже невысказано. Прикройте глаза рукой, загородите на время контуры этого сооружения, и облик города изменится коренным образом. Вязьма намного обеднеет, утратит красоту и выразительность. Ее не будет, перед вами окажется лишь обыкновенная, сползающая со склонов холмов застройка, лишенная остроты и привлекательности.

Направимся, однако, к городу. Асфальтированная дорога, переходящая в улицу, ведет к нему от Минского шоссе. Словно под увеличительным стеклом растут его строения по мере приближения. Теперь их количество быстро уменьшается, но контуры каждого приобретают ясность и четкость. Более определенными становятся и формы как бы парящего над городом Троицкого собора. Ваша машина уже приближается к нему. Улица, по которой, снизив скорость, вы двигаетесь вперед по мосту через обмелевшую реку, почти упирается в занятый им холм. Соборной горой называют его вязьмичи. Лишь у самой ее подошвы

*Вязьма. Троицкий собор.
План*

сворачивает асфальт в сторону, «выбрасывая» вас на главную городскую площадь. Но сделаем остановку и по крутой изогнутой дороге, мощенной крупным булыжником, поднимемся на гору. Летом кусты и высокие деревья не позволяют любоваться отсюда городом, но вот с собором посетители знакомятся детально.

Троицкий собор — сооружение бесстолпное, одноглавое, с тремя апсидами и двумя симметричными приделами. Перекрыт собор сомкнутым сводом. С запада — обширная трапезная. Массивная многоярусная колокольня вплотную прилепилась к ней. Луковичная, немного приземистая глава, возвышающаяся над крупными полукружиями венчающей части колокольни, как бы перекликается с луковичной главой самого храма и такими же маленькими главками боковых приделов. Формы собора просты и лаконичны. Вы не увидите на нем декоративных деталей; всю прелесть сооружения составляют смещенные по отношению друг к другу ряды убывающих кверху

*Вязьма. Троицкий собор.
Кокшники*

кокошников. Полукруглые и килевидные, плавно уходят они вверх к слегка вытянутому барабану, создавая для него торжественное ступенчатое основание. На таких же основаниях из кокошников стоят и главы приделов. Карнизы кокошников отличаются четкостью рисунка. За их богатством вы сразу не заметите скромного орнаментального пояса под окнами основного барабана. Впрочем, он как-то не вяжется с их ступенчатыми рядами. Пояс явно поздний, как, видимо, и главы храма. И это не случайно. Ведь во время наполеоновского нашествия французы выжгли всю внутренность храма и он дважды восстанавливался впоследствии. Первый раз в 1814 году, а другой, более капитально, в 1830—1848 годах. В то время в художественный облик собора, очевидно, и были внесены видимые вами изменения.

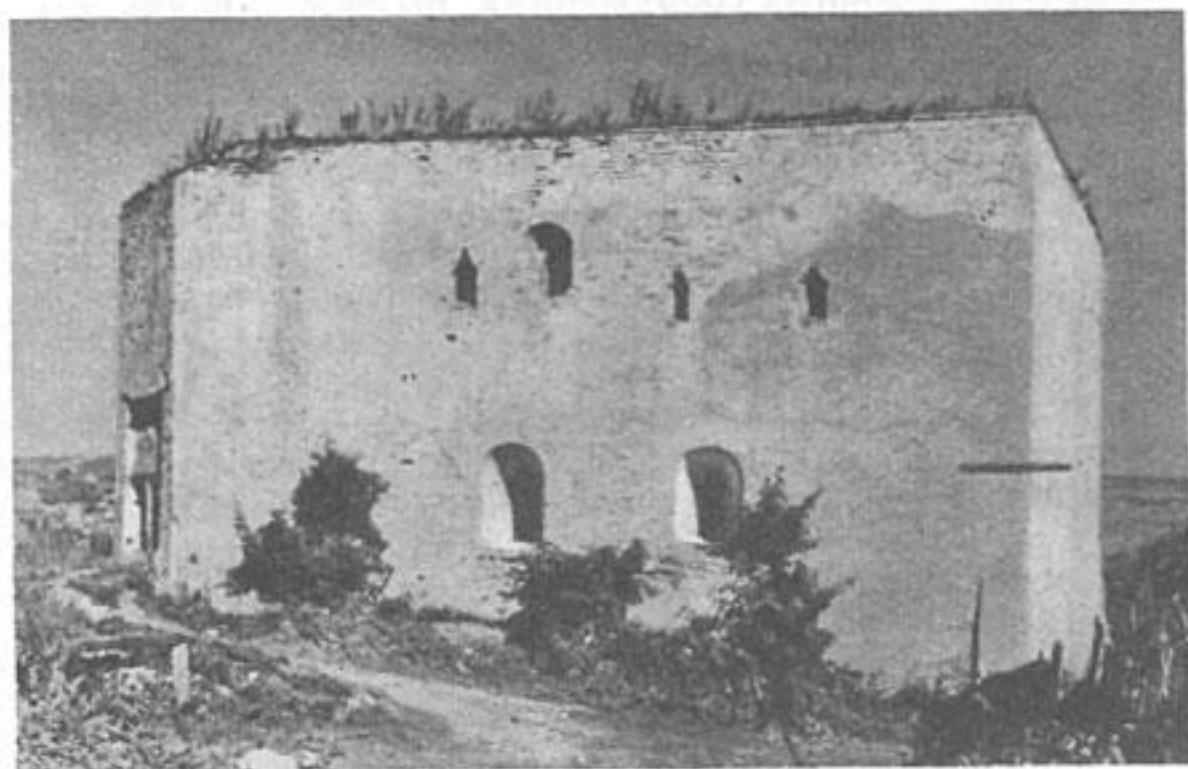
Время постройки Троицкого собора — 1674—1676 годы¹². Правда, существует тенденция относить его к концу XVI века, к эпохе Бориса Годунова. Основание для

этого дает объемно-пространственная композиция храма, сходная с композицией Малого (Старого) собора Донского монастыря в Москве. Однако в Писцовой книге Вязьмы 1627 года, самым подробным образом характеризующей город после литовского разорения, о Троицком соборе не упоминается даже вскользь, намеком, попутно. Называя более двадцати храмов, ее составитель князь И. Ф. Волконский ни разу не говорит также, что какой-то из них каменный. Наоборот, он каждый раз как бы специально подчеркивает, что церковь деревянная.

Та же Писцовая книга отмечает наличие в Вязьме деревянного клетского Никольского собора с двумя приделами и рубленной вверх шатром колокольницей¹³. О нем я упомянул, когда показывал панораму города со стороны шоссе. Заметьте: Никольский деревянный собор, а не каменный Троицкий. Другого собора в городе в первой четверти XVII века не было; такую крупную постройку, как каменный собор, не мог оставить без внимания весьма опытный и дотошный составитель книги, самым подробным образом охарактеризовавший и имущество вяземских церквей. Следовательно, осматриваемый вами Троицкий собор действительно выстроен после 1627 года, видимо, взамен более раннего деревянного Никольского, отразив в своей архитектуре старые художественные вкусы. Для периферийных городов Московской Руси это было обычным явлением.

Но оставим Соборную гору, спустимся вниз на городскую площадь. Она огромна. Справа на краю площади — Богородицкая церковь. В 1727 году выстроили ее посадские люди. Они собрали на нее деньги, сами пригласили мастеров. Городские власти не препятствовали этому. Церковь одноапсидная, восьмериком на четверике, с приделом «Жен Мироносиц», постройки 1785 года. Ее фасады украшены колоннами и филленчатыми пилястрами. Скромно стоит она в городе, замыкая собой западную перспективу его площади.

В нескольких метрах от Богородицкой церкви высится колонна из красного гранита с двуглавым орлом наверху. Узкий цилиндр колонны перерезан кубом. Стоит она на ступенчатом основании в окружении как бы связанных цепями тумб. Это памятник боев под Вязьмой в 1812 году. Торжественно, при стечении празднично одетого народа, открывали его городские власти в 1912 году. Глядя на колонну, вы наверняка вспомните Бородинское поле; колонна явно перекликается с его многочисленными монументами.

*Вязьма. Спасская башня.
1631*

В памяти путешественника Бородинское поле воскрешается вновь и тогда, когда от площади мимо Дворца культуры он поднимается по улице вверх и входит в тень небольшого углового скверика в верхней части города. Тут перед ним оказывается другой памятник двенадцатого года. Но это уже не колонна, а неправильный, четырехгранный, сложенный из гранитных блоков обелиск, стоящий на ступенчатом гранитном основании в окружении ярко-оранжевых настурций. К обелиску ведет неширокая, покрытая гравием дорожка. Строго в ряд выстроились по ее сторонам осыпанные алыми цветами плотные кусты шиповника. Тихо и спокойно сейчас на скверике. На обелиске — герб Вязьмы, медальоны под мемориальной доской и двуглавый, распростерший крылья орел на вершине. Кажется, что в любую минуту он может взмыть в небеса. В клюве одной из голов орла край поверженно-го французского знамени, древко которого лежит на монументе. Здесь все торжественно, ясно и лаконично, как

и на других подобных сооружениях. Вы безошибочно почувствуете, кем, когда и кому обелиск поставлен. Спасская церковь (XIX в.) некогда располагавшегося поодаль Аркадиевского монастыря, с фрагментами храма 1661 года, служит обелиску своеобразным фоном. Как и колонну на площади, обелиск открывали в 1912 году с речами и музыкой. Его поставили тем, кто участвовал в боях под Вязьмой и в ее окрестностях. Жители города свято чтят память отважных героев Отечественной войны двенадцатого года.

А дальше, в стороне от обелиска, виднеется большой кубовидный объем Спасской башни. В XVII веке эта башня входила в состав Вяземской крепости. Теперь о ней почти и не помнят; в литературе не найти о крепости подробных сведений. Когда она исчезла полностью, тоже неизвестно. Но ее изображение есть на плане Вязьмы 1779 года. Он фиксирует остатки вала крепости и часть ее каменных башен. Тогда в них хранилась соль. Первоначально же башен было шесть. В XVII веке это были опорные пункты города, мощные узлы его обороны. Кроме того, крепость имела двое ворот и рубленые городняные стены, стоявшие на земляном валу. Тяжеловесная монументальная Спасская башня, у которой вы теперь оказались, часть этой древней крепости. Прочно вросла она в землю, закрепив угловую точку холма, круто спускающегося в широкую пойменную долину реки Вязьмы. Башню эту датируют 1631 годом. Ее небольшие узкие бойницы наискосок прорезающие толщу массивных стен, перекрыты напуском кирпичной кладки. Крохотными кажутся они в сопоставлении с расположенными ниже арочными амбразурами, имеющими широкие раструбы.

Не один десяток лет внутреннее пространство Спасской башни было завалено мусором. Но всему приходит свое время. Теперь древняя кладка башни полностью вычищена, а ее пространство освобождено от земли и кирпичного щебня. Войдя внутрь, вы безусловно заинтересуетесь пещурами башни, предназначавшимися для установки пушек крупного калибра, наверняка осмотрите остатки огромных сводов, перекрывавших ее в двух уровнях. Примерно такими же были и другие каменные башни Вяземской крепости, покрытые дощатыми шатровыми кровлями. Высоко возносились их флюгера над всем городом в XVII веке.

Могут сообщить, что широкие работы по укреплению Вязьмы начались еще в начале XVII века, после того как город по четырнадцатилетнему Деулинскому перемирию

*Вязьма. План крепости
XVII в. По чертежу 1779 г.
(ЦГИАЛ)*

1618 года был возвращен Москве и превратился в пограничный форпост государства, прикрывший его со стороны агрессивно настроенной Польши. Тогда в Вязьму были направлены крупные воинские соединения, а вяземскому воеводе И. Ф. Хованскому в марте 1619 года было дано распоряжение приготовить город к обороне. Велеть «в Вязьме город и острог поделать и укрепить совсем накрепко, — говорилось в наказе царя Михаила Федоровича, — и колодезь велеть вычистить, и тайник сделать, и ров велеть выкопать, и надолбы около города и острога поделать, и укрепить город и острог совсем, как в осадное время сидеть надежно и безстрашно, и наряд по городу и по острогу поставить и устроить пушкарей к наряду»¹⁴. К этим работам были привлечены крестьяне дворцовых сел и посадские люди. Для их ускорения царь Михаил по всем наместничествам разослал распоряжение, чтобы «нашему вяземскому городовому каменному и кирпичному делу мотчанья не было», а в 1622 году в наказе вя-

*Вязьма.
Спасо-Преображенская
церковь. 1736*

земскому воеводе Ф. В. Волконскому приказал организовать вооруженные силы города на случай нападения¹⁶. Этого, однако, оказалось недостаточно. Не прошло и десяти лет, как в сентябре 1629 года, вслед за постройкой кремля в Можайске, в Вязьму «готовить городовых запасов» посылаются Никита Пушкин и Потап Набеков, в 1630 году из далекой северной Вятки (ныне Киров) направляются каменщики, а в 1631 году вызываются еще записные каменщики и кирпичники из Белозерска. Так началось новое, еще более широкое укрепление пограничного города. Много трудового люда собралось в нем в ту пору. Работами по насыпке вяземского вала в 1631 году руководил «цесарския земли горододелец Хриштоп Дальгамер», считавший необходимым поставить на нем и каменные башни. Это и было сделано. В целом же Вяземская крепость с деревянными стенами и каменными башнями на земляном валу была закончена, по-видимому, в 1633 году, когда Мирона Вельяминова пожаловали за то,

*Вязьма.
Спасо-Преображенская
церковь. Решетка ограды*

что он «в Вязьме у городского дела государеве казне прибыль учинил»¹⁶. В итоге Вязьма превратилась в хорошо укрепленный пункт, способный выдержать длительную осаду и надолго задержать противника, если бы он двинулся к Москве.

Спасская башня, которую вы осмотрели, является теперь единственным фрагментом Вяземской крепости XVII века. Это прекрасный свидетель суровой и напряженной жизни некогда пограничного города, самый древний памятник его архитектуры. Вся уходящая вдаль заливная пойма реки была под контролем Спасской башни. У дежурившей на ней стороже она была как на ладони. Никто не мог приблизиться к городу с севера, не будучи замечен с этой башни, нависшей над кручей горы. От ее подошвы вы прекрасно разглядите петляющее в кустах речное русло, рассмотрите северную, преимущественно одноэтажную часть города, полюбуетесь зелеными заливными лугами поймы, «утыканными» стогами сена.

В стороне же, на пригорке, в той же верхней части города, у небольшого искусственного пруда, высится Спасо-Преображенская церковь. Это тоже интересный памятник архитектуры, забытый историками искусства. В XIV веке на месте Спасской церкви располагался Спасский мужской монастырь, славившийся своими иконами. В XVII веке здесь стояла уже только одна деревянная приходская церковь с колокольницей на столбах. Существующий каменный храм, который вы внимательно осматриваете со всех сторон, выстроен на ее месте в 1736 году купцом И. Г. Вязьневым и приходскими людьми. Это бесстолпный одноапсидный объем с пятью главами. Как бы через ажурные тюлевые вставки смотрится он сквозь звенья красивой железной решетки, забранной в кирпичные столбы ограды. Одна глава церкви световая, остальные — декоративные. Это характерная особенность подавляющего числа церковных построек города. Прочно стоят они на его фигурной железной кровле, покрывающей сомкнутый свод с еле приметными следами поздней росписи. Оконные проемы храма обрамлены скромными наличниками с пышными верхними частями, а углы укреплены узкими и длинными лопатками с вертикальными прорезями. Все просто, очень скромно, но и красиво. Тонкая лента поребрика идет под слегка вынесенным вперед карнизом. Примыкающая к храму трапезная, с широким сводом и двумя массивными столбами, выстроена позднее, уже в конце XVIII века.

К интересным достопримечательностям Вязьмы относится и Введенская церковь 1714—1763 годов. Последнюю дату вы наверняка заметили на ее высокой трехъярусной колокольне. Слово маяк просматривается она с разных улиц. Ее ярусы одинаковы, и только верхний уже нижних. Их углы скреплены тройными полуколонками. Сам храм значительно ниже. Это традиционный восьмерик на четверике с красивыми наличниками и фигурной луковичной главкой на двойном барабане. Неплохим произведением искусства является ажурный крест церкви, явно сделанный местными мастерами. Интересный пояс из ширинок с небольшими тройными балясинами членит четверик храма на неравные части и переходит не только на грани апсиды, но и на небольшую трапезную. Однако поздняя цементная штукатурка делает этот интересный памятник архитектуры жестким и суховатым.

В стороне от Введенской церкви, на той же улице, но ближе к центру города, скромно стоит небольшой двух-

*Вязьма. Введенская
церковь. 1714—1763*

этажный дом конца XVIII века. В общей шеренге других домов, выстроившихся в ряд по всей длине улицы, его как-то и не замечаешь сразу. Окна дома немного растесаны, кирпичная кладка стен побилась, но он привлекает внимание своей интимностью и какой-то приятной цельностью. Это не шедевр русского жилого строительства. Но декоративное «узорочье» его фасадов не знает себе подобных. В XIX веке таких домов в Вязьме было много. Местное купечество возводило их на разных улицах города. Трудно найти оставшиеся из них в густой массе общей застройки города. Но, несмотря на это, вы сразу увидите их, бродя по улицам. Это либо одноэтажные, либо двухэтажные каменные строения, искаженные подчас поздними перестройками. Они вырастают перед вами неожиданно, словно из-под земли. О каждом из них не расскажешь. Но ваше внимание обязательно привлечет дом купца И. И. Барышникова. Слово кубик стоит он на углу двух пересекающихся улиц северо-восточной части го-

*Вязьма. Жилой дом,
XVIII в.*

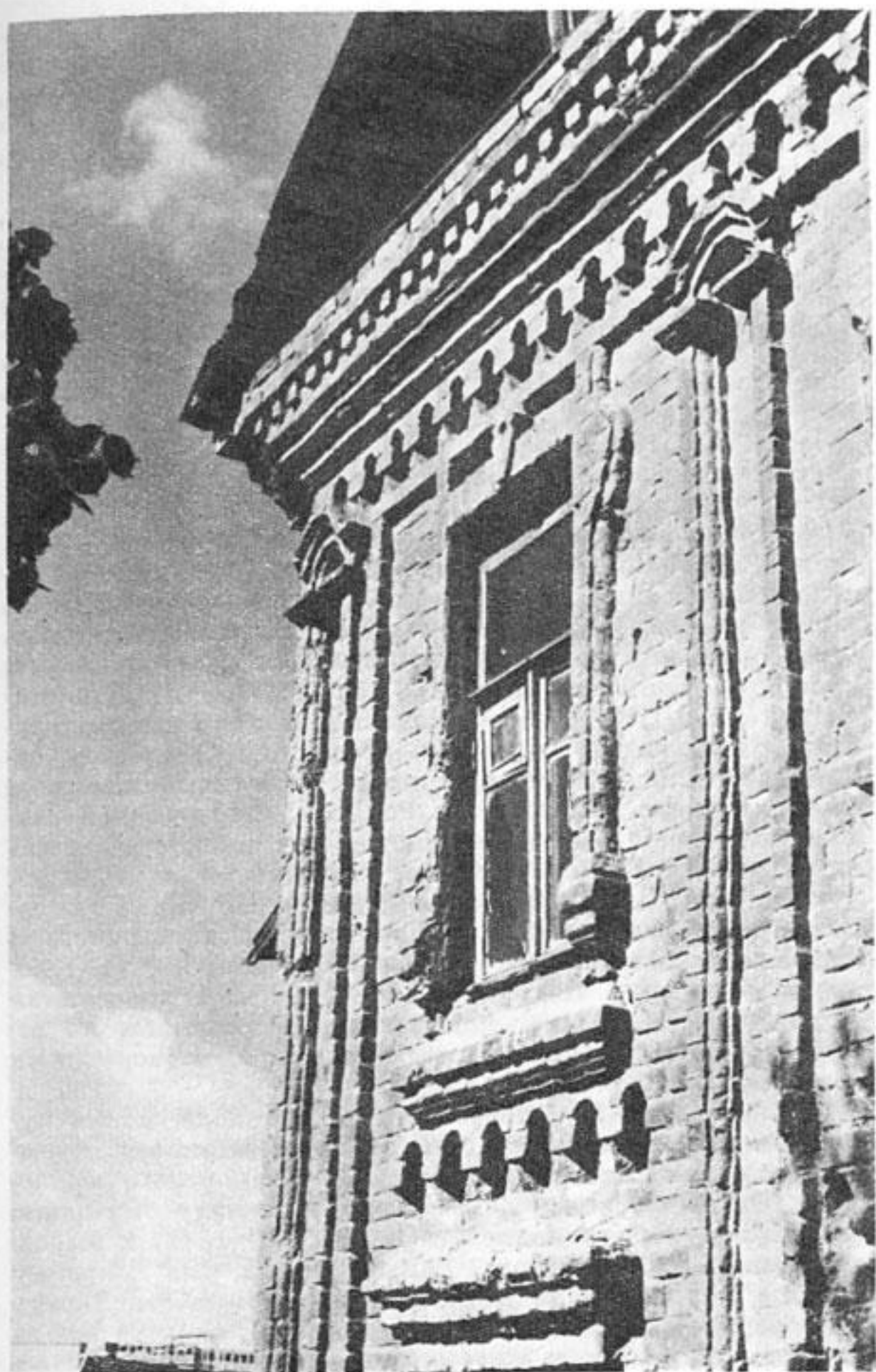
*Вязьма. Фрагмент жилого
дома XVIII в.*

рода. Крупные наличники окон и продолговатые прямоугольные ниши вместе с угловыми лопатками и небольшим карнизом придают ему какой-то особый местный колорит.

Дому И. И. Барышникова под стать и другая жилая постройка, прочно скрепляющая угол двух перпендикулярно сходящихся улиц в той же части Вязьмы. Она привлекает зрителя широкими арочными проемами окон и вторящими им по форме нишами. Обведенные по контуру плоскими полукруглыми тягами с архивольтами, они равномерно расставлены по его фасадам.

Разумеется, что не все старые жилые дома города отличаются изяществом форм. Многие из них не обладают и высокими художественными качествами. Это не творения столичных зодчих. Однако каждый из них прекрасно характеризует русскую провинциальную архитектуру конца XVIII — первой половины XIX века, каждый из них говорит о вкусах местного купечества. Плотность гру-

боватой и даже наивной декоративной обработки некоторых домов, обезображенных в большинстве случаев цементной обмазкой, явно выдает руку местных строителей, которые хотя и не обладали высокими художественными дарованиями, но зато хорошо владели чувством меры, что в искусстве всегда бывает очень существенно.

На рубеже XIX—XX веков об этом, между прочим, напрочь забыли местные городские власти, стремившиеся к благолепию вяземских храмов. Каким-то катастрофическим бедствием стали в ту пору жесткие цементные корки, покрывшие фасады многих церквей города. Кажется, что их «одевали» на здания друг за другом, без передышки, в спешном порядке, стремясь как можно скорее избавиться от старого, сделать их более «современными». Из-за таких «корок» с каким-то внутренним неудовлетворением, а может быть, и просто раздражением, рассматриваете вы церковь Петра и Павла (XIX в.), возвышающуюся в северо-западной части города и особенно Екатерининскую церковь (1791), стоящую на его западной окраине, в окружении взобравшегося на откос холма кладбища. Словно какие-то громады, поднялись эти сооружения над окружающими их постройками и кроной обступивших деревьев. При осмотре Екатерининской церкви, увечанной луковичными звездчатыми главами с красивыми ажурными крестами, обязательно обратите внимание на ее просторный и светлый интерьер. Он привлекает внимание не только конструкцией сводов, но и прекрасным оставшимся от иконостаса деревянным распятием. Висящее высоко над головой, чуть ли не под самым куполом, грациозно парит это забытое людьми изваяние над внутренним пространством храма. Разглядывая его внимательно, запрокинув голову, вы наверняка подумаете о том, что деревянная скульптура не была чужда вяземским резчикам по дереву, обильно украшавшим городские храмы творениями своих рук.

Однако самое большое эстетическое наслаждение путешественник получает тогда, когда осматривает скромный комплекс построек вяземского Ивановского монастыря. Он был основан в 1536 году к западу от города, где впоследствии появился первый храм (1542) и выросла монастырская слобода. Раньше сюда, на окраину Вязьмы, толпами шли неутомные богомольцы. Теперь же вереницей, чуть ли не друг за другом, тянутся всюду проникающие и всем интересующиеся туристы. Летом их здесь бывает особенно много. Ивановский монастырь

*Вязьма. Ивановский
монастырь. Надвратная
Вознесенская церковь,
палаты и колокольня*

встречает их надвратной Вознесенской церковью 1656 года. Памятник оригинальный и не имеющий себе подобных в пределах города. Это квадратный, сильно вытянутый по вертикали объем с поясом ложных кокошников и довольно высокой, выдвинутой вперед трехчастной апсидой, расчлененной по горизонтали на неравные части. Его единственная глава гордо возвышается над четырехскатной железной кровлей. Пояс поребрика делит храм на ярусы. Два арочных разной величины проезда церкви заложены, но по сторонам сохранились интересные парные витые колонки с коринфскими капителями. Подобных нет в памятниках архитектуры города. Здесь раньше располагался главный въезд в монастырь, была его лицевая, фасадная и самая парадная сторона, обращенная к городу.

Вплотную к надвратной церкви примыкает двухэтажная трапезная с высокой колокольней. Ее призматический низ расчленен на три части. Окна средней обрамле-

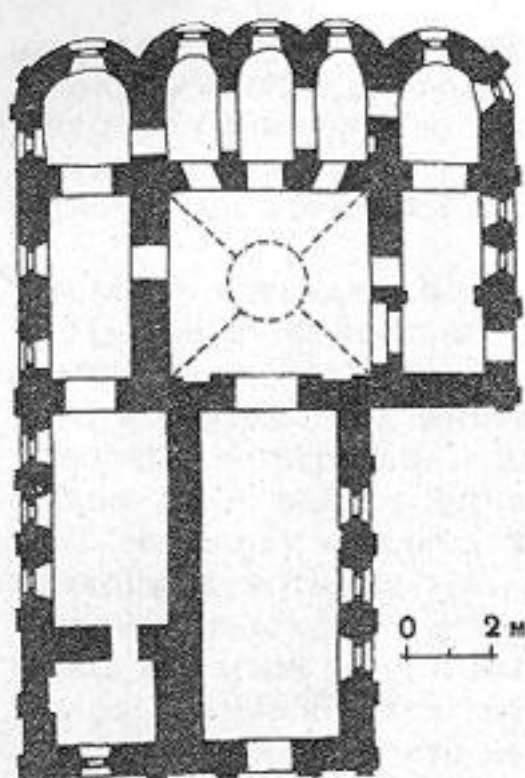
ны красивыми наличниками с фронтончиками наверху. Верхняя часть колокольни, где висели увесистые колокола, многогранная, в два яруса. С северной стороны можно видеть остатки ее древнего арочного крыльца. Вместе с надвратной церковью она образует интересную архитектурную композицию.

Шедевром строительного искусства является трехшатровая Одигитриевская церковь постройки 1635—1638 годов. Она стоит в нескольких шагах от надвратного храма, по оси его проезда. Памятник этот является лучшим украшением Вязьмы. После крепостной Спасской башни это второе каменное здание города — в целом очень простое, но в то же время пышное и нарядное. Как какой-то триумфальный монумент высится церковь в центре невысокого зеленого холма. Ее формы великолепно характеризуют художественные вкусы жителей Вязьмы второй четверти XVII века, то есть именно тогда, когда в городе началось каменное строительство.

*Вязьма. Ивановский
монастырь.
Одигитриевская
церковь. 1635—1638 гг.*

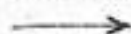

Познакомимся, однако, с Одигитриевской церковью более подробно. Это обыкновенный, бесстолпный, вытянутый вверх четверик с мелкими кокошниками под карнизом. В тимпанах кокошников блестят цветные изразцовые вставки. Какую-то красочную нарядность придают они сооружению. В других памятниках архитектуры Вязьмы таких вставок нет. Они составляют одну из особенностей декоративной обработки храма. Покрыт он чуть вытянутым продолговатым сомкнутым сводом. Под его корытообразной железной кровлей сохранились остатки как бы лезущих вверх кокошников. Своеобразную ступенчатую пирамиду составляли они для великолепных, устремленных вверх шатровых глав. словно сказочные, празднично одетые сестры стоят они рядом, как бы плечом к плечу, выстроившись в одну линию. Две главы декоративные и только средняя, чуть более крупная, открыта внутрь храма. Граненые барабаны глав богато орнаментированы деталями из лекального кирпича

*Вязьма
Ивановский монастырь.
Одигитриевская церковь.
План.*

*Вязьма.
Ивановский монастырь.
Одигитриевская церковь.
Шатры*

и белого камня. Здесь и резные перехваты наличников окон, и консоли под двойными декоративными арочками, и шаровидные вставки, напоминающие аптекарские пилюли. Величаво стоят на барабанах и их ребристые, сложенные из кирпича и тянущиеся вверх шатры, покрытые кровельным железом. Таких нет на церквах Вязьмы. Не встретишь шатровых храмов и на всей огромной Смоленщине. Это строительный уникам древнего города, которым по праву гордятся его жители. Глядя на него, невольно думаешь о деревянной Вязьме начала XVII века, о том времени, когда она была сплошь «утыкана» деревянными шатровыми храмами, безусловно оказавшими влияние на композицию Одигитриевской церкви.

Интересно и внутреннее пространство Одигитриевского храма, особенно его алтарная часть. Только здесь вы и сможете увидеть голосники, совершенно неизвестные в других архитектурных сооружениях города. Небольшими черными пятнами смотрят они на своде апсиды.

Внимательно присмотревшись, вы наверняка обратите внимание на их устройство. Круглые отверстия голосников состоят из двух полукружий, сделанных в ложковых частях кирпичей. Соединенные вместе, они и образовали отверстия, за которыми находится пространство голосников. словно черные бусины, расположились они на поверхности стен. Видимо, строившие Одигитриевскую церковь мастера особо позаботились о ее «звучности», то есть о ее акустических качествах. Бас дьякона, служившего когда-то в этом «божьем доме», с силой врезался в гуцу молящихся, стоявших перед сонмом ярких и красочных изображений святых, рядами располагавшихся между тяблами ушедшего вверх иконостаса.

С запада к церкви примыкает довольно низкая трапезная более позднего времени, а с двух боковых сторон — почти одинаковые ампирные притворы с пилястрами, фронтонами и куполами, сменившие собой более древние, возможно, с шатровыми покрытиями. Они хотя и нарушают первоначальную композицию сооружения, но не заслоняют собой его великолепной первоосновы. Вместе с ней они образуют интересную, нигде больше не встречающуюся архитектурную композицию, привлекающую внимание «любителей прекрасного».

Такова Вязьма, таковы ее малоизвестные художественные сокровища. Мысленно охватывая их единым взглядом, вы наверняка убеждаетесь в том, что этот древний русский город уже давно ждет своей архитектурной монографии.

4. Болдино и Дорогобуж

Дорога на Болдино начинается в Вязьме, на центральной площади города. Мост через реку выводит на добротно мощенную булыжником улицу, вы поднимаетесь по ней вверх и оказываетесь у Ямской Христорождественской церкви, выстроенной усердием прихожан в 1763 году. Своеобразной промежуточной вехой становится она на вашей дороге. Половина пути уже позади. Миновав церковь, путешественник оказывается за пределами города. Вы снова в пути, вновь на старом Смоленском тракте. Здесь, за Вязьмой, это обыкновенная, изобилующая рытвинами грунтовая дорога, покрываемая после дождей широкими лужами. Все дальше и дальше ведет она на запад. Вязьмы теперь не видно; город скрылся за пологим холмом, и только телевизионная вышка маячит в туманной дали. Вильнув несколько раз в стороны по заросшей кустами дороге, ваша запыленная машина вырывается на луговые просторы. По сторонам шапки пряно пахнущих белых цветов. Кругом небольшие возвышенности. Ярко светятся на солнце участки возделанных полей. Золотится рожь, зеленеет лен, чуть синее тянувшийся вверх овес. Проехав деревню Коменово, вы окажетесь в прохладном лесу. Высокие вековые сосны окружают тракт справа и слева. Двигаясь вперед, вы чуть ли не задеваете ветви придорожных кустов.

Но вот неглубокая колея старого тракта незаметно вынырнула из лесной гущи. Впереди большое село Семлево — бывшее поместье Н. П. Бирюкова. Покровская церковь 1795 года в селе давно разобрана. То ли по неве-

жеству, то ли по недомыслию. С тех пор прошло более тридцати лет. А сооружение, как говорят, было интересное. Сейчас же достопримечательного в Семлеве ничего нет. Село как село. Обычные деревянные дома, обыкновенные сады, в буйной растительности которых они утопают. Это вы видели всюду на Смоленском тракте. И, несмотря на это, Семлево знаменито. Несколько лет назад о нем много писали в периодической печати¹⁷. При полном бездорожье в прошлом веке здесь очень часто бывали иностранцы. Царское правительство, преследуя какие-то цели, не препятствовало им и выдавало визы на въезд в страну.

Интерес к Семлеву не пропал и в наши дни. В 1960—1961 годах тут побывало даже несколько экспедиций. И все это из-за «московской добычи», все из-за золота и драгоценностей. Да! Да! Не удивляйтесь. Из-за большого количества драгоценностей и самого настоящего золота.

Расскажу, однако, все по порядку. Известно, что, покидая сгоревшую, не давшую крова и питания Москву, Наполеон захватил с собой немалое количество ценностей, награбленных в бывшей русской столице. Слитки золота и серебра, выплавленные в горнах прямо в Кремле из изделий благородных металлов, драгоценные камни из риз икон, сами иконы и всевозможная ценная утварь вместе с фамильными драгоценностями из покинутых домов московской дворянской знати и собранными в них произведениями искусства — все это, как рассказывали очевидцы, было погружено французами на телеги и отправлено в Париж. «Трофеи», «военная добыча», «дань войны» и другие обтекаемые фразы произносил Наполеон по поводу этих богатств, бесстыдно прикрывая разбойничьи и мародерские действия своих вояк.

Но что же действительно захватили с собой французы? Достоверно известно, что самые значительные ценности им не достались. Принадлежавшие в основном храмам и монастырям, они еще до появления наполеоновских солдат в Москве, по распоряжению церковных властей, вместе с великолепной патриаршей ризницей были вывезены в Вологду. Но какая-то доля золота, серебра и других драгоценностей все же попала в руки французов. Часть этой «добычи» была отбита у отступавших наполеоновских войск и отправлена М. И. Кутузовым в Петербург. Серебряный слиток весом сорок пудов получила тогда в подарок российская столица. «Сии сокровища суть дар победивших врага», — писал в сопроводительном письме М. И. Кутузов. Другую же часть драгоцен-

ностей враг тащил с собой все дальше и дальше, стремясь как можно скорее оставить российские пределы. Но обоз захватчиков быстро уменьшался. Натиск русских становился все сильнее и сильнее. Настойчиво и неуклонно осуществляя план параллельного наступления, М. И. Кутузов не давал спешно уходившим неприятельским войскам никакой передышки. В их рядах творилась путаница и неразбериха. «Непобедимая» армия редела не по дням, а по часам. Только в обозе императора царил еще какой-то порядок. Несколько десятков подвод в этом обозе, нагруженные ящиками и мешками с награбленными драгоценностями, тщательно охранялись днем и ночью. Но всему свой черед. Под Вязьмой казаки атамана М. И. Платова отбили несколько подвод из императорского обоза. Их трофеями оказались старинные, византийского письма иконы в драгоценных ризах. Утрата части награбленного огорчила Бонапарта, армия которого потеряла уже всякую боеспособность. Поражения под Малоярославцем и у Вязьмы окончательно убедили его в том, что война проиграна. О каком-то ином ее исходе нечего было и думать. При таких условиях вывезти награбленные сокровища было невысказано. Выход был только один — надежно спрятать их «до лучшего времени». Вскоре это и было сделано. В один из дней, когда императорская колонна имела дневку, Наполеону доложили, что неподалеку в густом лесу имеется небольшое, но глубокое озеро. В нем-то он и приказал якобы затопить «московскую добычу». Это озеро располагалось неподалеку от безвестной тогда деревушки Семлево, в 29 верстах от Вязьмы, на старой Смоленской дороге. Вот, собственно, почему село Семлево и пользуется такой известностью на протяжении более полутора столетий.

Местные жители хорошо знают это озеро. Они называют его Стоячим. Озеро расположено в густом лесу, в стороне от села. Вода в нем темно-бурого цвета, чуть горьковатая на вкус. Вокруг плавучие торфяники и топкие болота. Подойти к воде не везде возможно. Говорили, что французские подводы с русскими драгоценностями прибыли сюда в полночь по единственной дороге, ведущей из села. Гвардейцы стащили все с подвод на лед. Прорубать его не было необходимости. Тяжелый груз сам проламывал тонкую, еще не успевшую окрепнуть ледяную корку и быстро скрывался в озерной пучине. По свидетельству уже названного мною генерала Ф. Сегюра, в озеро был якобы брошен и большой золоченый крест с колокольни Ивана Великого в Москве, снятый по личному

распоряжению Бонапарта. Вот, собственно, и все, чем столько лет славится Семлево, вернее, Семлевское, или, как его называют еще, Стоячее озеро, расположенное в лесу близ села Семлево. Все попытки извлечь чтонибудь из этого озера оказывались безрезультатными. Озеро упорно хранит свою тайну.

Правда, специальным исследованием на дне семлевского Стоячего озера были обнаружены какие-то твердые предметы, обладающие высокой электропроводностью, а анализ проб воды и ила, взятого из его глубин, указал на повышенное количество растворенного в нем цинка, меди и особенно серебра. Говоря иначе, выяснилось, что Стоячее озеро имеет четко выраженную аномальную зону, которая дает основание сделать предположение о наличии на его дне металла. Однако к поднятию его еще не приступали.

Не советую и вам заниматься поисками «московских ценностей» в Стоячем озере. Оно глубокое, а берега, как я уже сказал, сильно заболочены. И если на дне озера и лежит московское золото, то его покрывает слой ила толщиной в пятнадцать метров. Это установлено исследователями. Нырять, как видите, абсолютно бессмысленно и даже опасно.

Учтите также, что крест с колокольни Ивана Великого, утопленный будто бы в Стоячем озере, в марте 1813 года был обнаружен в Московском Кремле у северных дверей Успенского собора. После изгнания французов его сразу и не заметили. Есть основание думать также, что в семлевское Стоячее озеро была спущена только самая громоздкая часть «московской добычи» — возможно, старинное оружие и тяжелые пушки. Ведь доставил же семлевский помещик Н. П. Вирюков в штаб русской армии большое количество брошенных французами пустых лафетов. Золото же и драгоценности, которыми Наполеон стремился пополнить свою отощавшую казну, при отступлении французских войск стремились спасти во что бы то ни стало. Это были самые ценные «военные трофеи» захватчиков, пренебрегать которыми они явно не могли. Кроме того, мемуары самих же французов говорят, что московские драгоценности прятались и в других местах, на всем протяжении дороги, по которой они, обмороженные и разбитые, с позором отходили на запад. Это было между Дорогобужем и Смоленском, у Борисова на Березине, в Ковно, около Вильны, близ Гродно, где-то на дороге в Литве, под Белостоком и в целом ряде других мест. Их точное определение не поддается гео-

графической расшифровке. К сказанному добавлю, что в семидесятих годах прошлого века очень много говорили и о потоплении «сокровищ московских царей» французами в озере близ местечка Бор Селененского уезда Могилевской губернии. Мест их укрытия, оказывается, как видите, немало. Так что лезть в холодную темную воду семлевского Стоячего озера вам уже совсем нет никакого смысла.

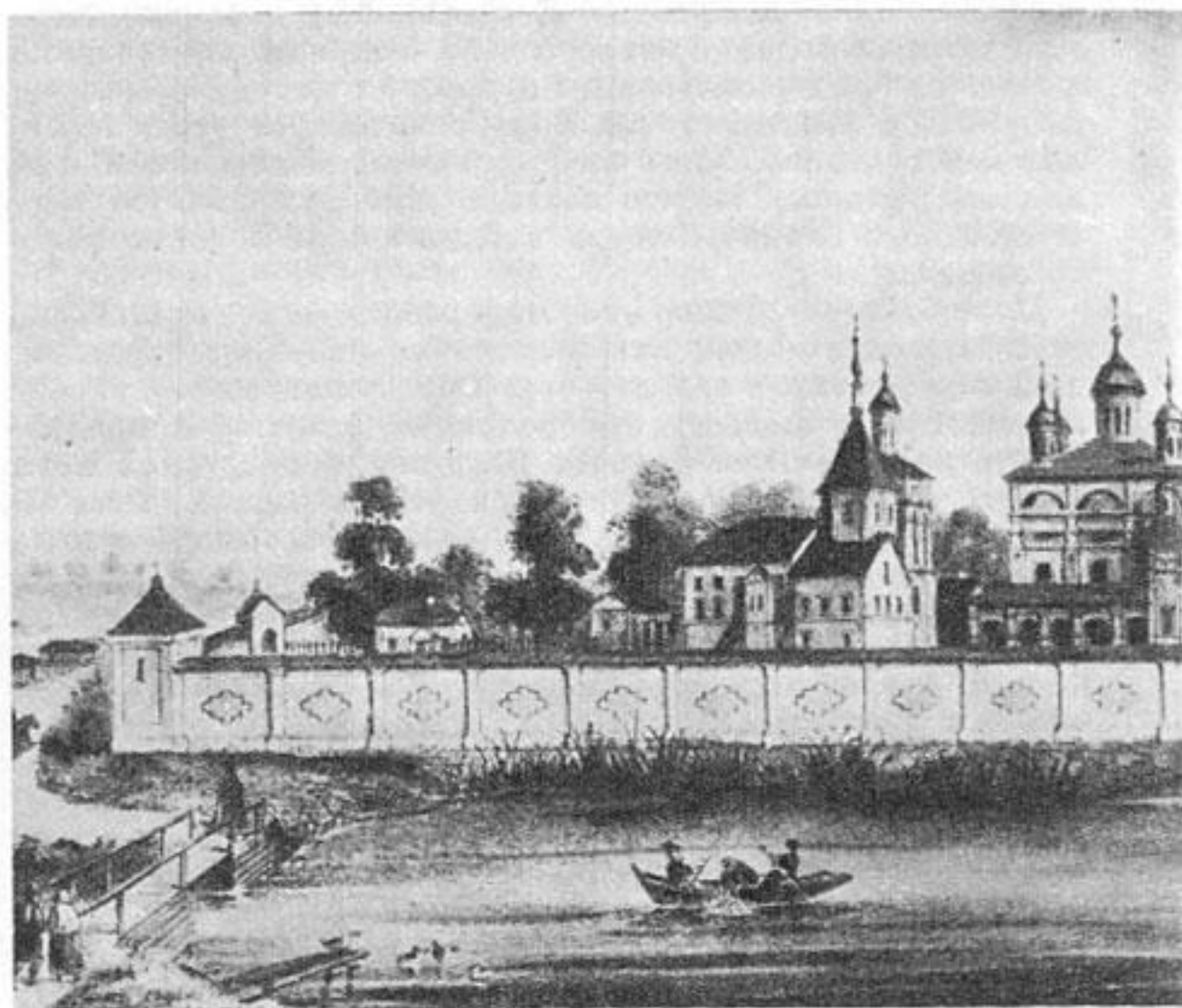
Полюбуйтесь лучше красотой озера, его темной, не колышущейся водой, как в сказочном зеркале отражающей обступившие его деревья, прислушайтесь к скрипу их стволов и шелесту прибрежного камыша и продолжайте путь дальше. Ведь до Болдина — очередной цели вашего путешествия — остается не так далеко. Старый Смоленский тракт, по которому тащились обмороженные французские солдаты, ведет прямо к нему. Здесь его не без основания называют Московским. Так он именовался и в древности, в XVI веке. За Семлевым этот тракт еще

*Болдино. Троицкий
монастырь. Литография
1864 г.*

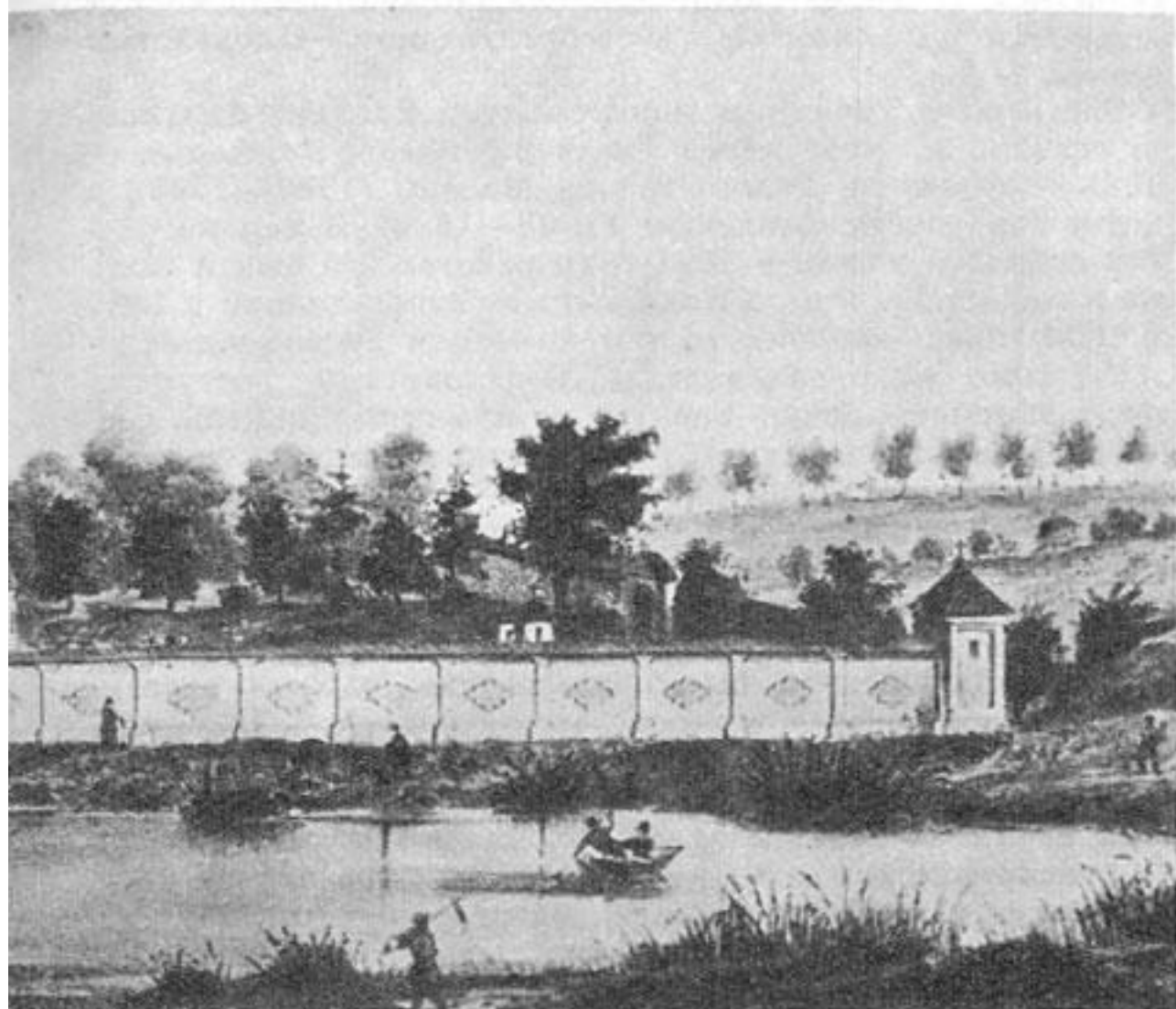
менее наезжен, нежели на участке от Вязьмы. Временами кажется даже, что его трасса вообще исчезает, настолько неявно просматриваются ее контуры сквозь плотную лесную чащу. Отсутствие следов шин и отпечатки копыт на песке подсказывают, что пользуются им здесь не часто. Шоферы предпочитают выбираться на идущую в стороне Минскую автомагистраль. Вы же оставляете позади Калиновку, минуете крупное лесное пожарище с торчащими из земли голыми стволами обгоревших деревьев (результат брошенного окурка или непогашенного костра), проезжаете деревни Прудиче и Чоботово и, любуясь величавой суровостью стеной стоящего леса, достигаете почти незаметного поворота. Тут-то дорога и выскочит из леса. Вы уже в Болдине.

Не слишком большое село Болдино — живописный уголок на Смоленщине, расположенный в центре огромного лесного массива. Как бы затерявшееся в стороне от дорог, удобных для скоростного транспорта, это село при-

влекает царящей вокруг тишиной, прозрачностью воздуха и каким-то умиротворяющим спокойствием.

Интересную достопримечательность Болдина, расположенного в нескольких километрах от Дорогобужа, составляют остатки Троицкого монастыря, основанного в 1528 году. Житие Герасима Болдинского, написанное во второй половине XVI века его учеником Антонием (впоследствии великопермский епископ), рассказывает, что пустынное место, где первоначально поселился Герасим, располагалось на реке Бебре. Раньше оно служило прибежищем для воров и разбойников. Вокруг простирались непроходимые леса, овраги и болота. В лесах водилось большое количество всевозможных зверей; болота кишели ядовитыми змеями. Жившие неподалеку крестьяне всячески сопротивлялись обоснованию здесь Герасима, так как знали, что их земли будут быстро захвачены монахами. Тогда Герасим водворился на новом месте, в окрестностях Дорогобужа, на красивой лесной поляне,

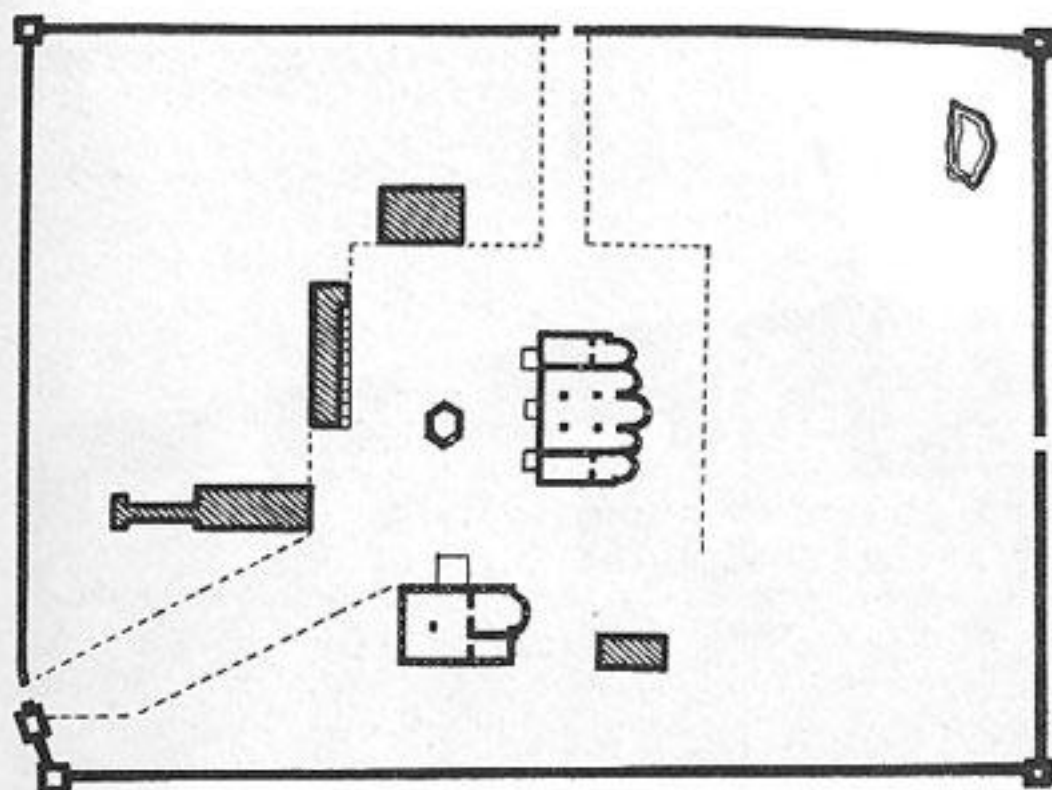

близ «многочественной» дороги, где теперь и находится Болдино. Он с радостью принимал окрестных жителей и благославлял их ставить рядом свои дворы. Сам же «преподобный» на речке Болдинке выстроил в 1530 году деревянную Троицкую церковь с приделом Сергия, поставил монашеские кельи, а затем срубил еще и Богородицкую церковь. Строгий порядок был заведен им в монастыре. Братия имела все общее. Монахи были обязаны ходить на все богослужения, безропотно исполнять «всякое дело монастырское» и носить только ту одежду, которую установил настоятель. Вход в монастырь женщинам разрешался лишь три раза в год — в дни праздничных богослужений в честь святых, имена которых носили два монастырских храма и придел одного из них.

К концу XVI века земельные пожертвования превратили Болдино-Троицкий монастырь в крупного вотчинника Дорогобужского уезда. Сюда с грамотами приезжали гонцы из Москвы и Смоленска; здесь бывали проездом

деловые и торговые люди. Для них Болдино было местом остановки на длинном и утомительном Смоленском тракте.

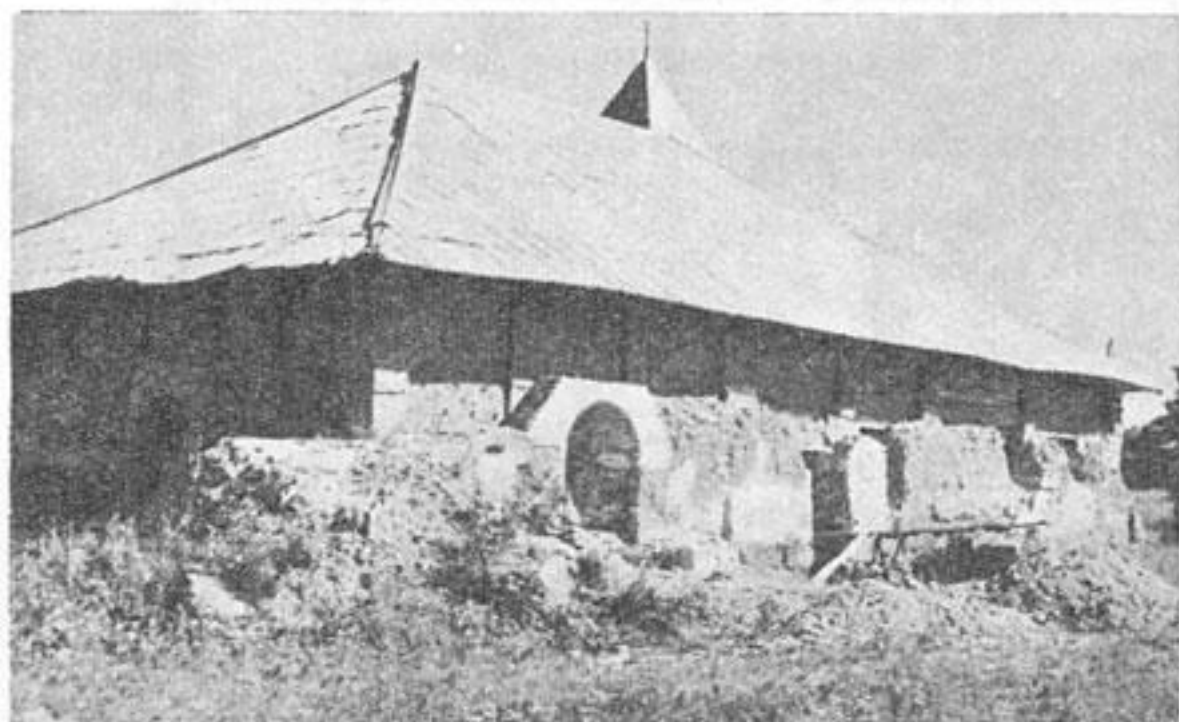
Тогда же с Троицким монастырем в Болдине был как-то связан и «государев мастер» Федор Савельевич Конь — строитель Белого города Москвы (1580—1593), а затем и крепости Смоленска (1595—1602). В нем на речной подвозке камня в 1591 году работал его сын и сюда же в монастырь Федор Конь и его пасынок делали в 1594 и 1606 годах большие по тем временам денежные вклады. Такого же рода вклады неоднократно поступали тогда в монастырскую казну и от известных князей, особенно Звенигородских, родовые вотчины которых находились поблизости. Для них Болдино-Троицкий монастырь был также и фамильной усыпальницей. Не оставлял без внимания этот монастырь и Борис Годунов, тоже не раз пополнявший его казну своими крупными подношениями. И не случайно, что в конце XVI века в Болдино-Троицком монастыре были развернуты работы, связанные с подготовкой крупного строительства. Чистились старые и строились новые печи для обжига кирпича, ставились сараи для его сушки и доставлялись к обжигальным печам из лесу дрова. Одновременно возился камень для изготовления извести и обжигался уже отформованный кирпич. Семь тысяч штук наготовили его в 1585 году монахи. Приходившие в монастырь богомольцы и те, кто бывал в нем проездом, двигаясь в том или другом направлении по «многочественной» дороге, с интересом наблюдали, как в глубине дорогобужских лесов вырастали стены новых каменных зданий, сменявших старые, деревянные, уже обветшавшие. Дружно, рука об руку, работали наемные и монастырские мастера. Старец Макарий принял участие в ломке камня, Филипп Афанасьев сын Волочетский и Никита Ширяев прозвищем Богдашко возили его на стройку, каменщик Мосяча готовил в печах известь, монастырский старец Насон с казаками занимался «кирпичным делом», кузнец Тереха Мартынов ковал железные связи, а монастырский старец каменщик Фадей с помощниками вели кладку стен, опор, арок, сводов. То и дело оплачивал казначей монастыря покупку «верхних рукавиц», быстро превращавшихся в лохмотья при работах с кирпичом и камнем. Одновременно осуществлялись и другие строительные мероприятия. Плотник Пронка «с товарищи» крыл новые постройки тесом, а печник Гриша с товарищами выкладывал очаг в поварне. Без дела не сидел и золотарь Васи-

*Болдино. Троицкий
монастырь. План*

лий Скорик; тетради сусального золота для его работы монастырь покупал и в Смоленске и у мастеров¹⁸.

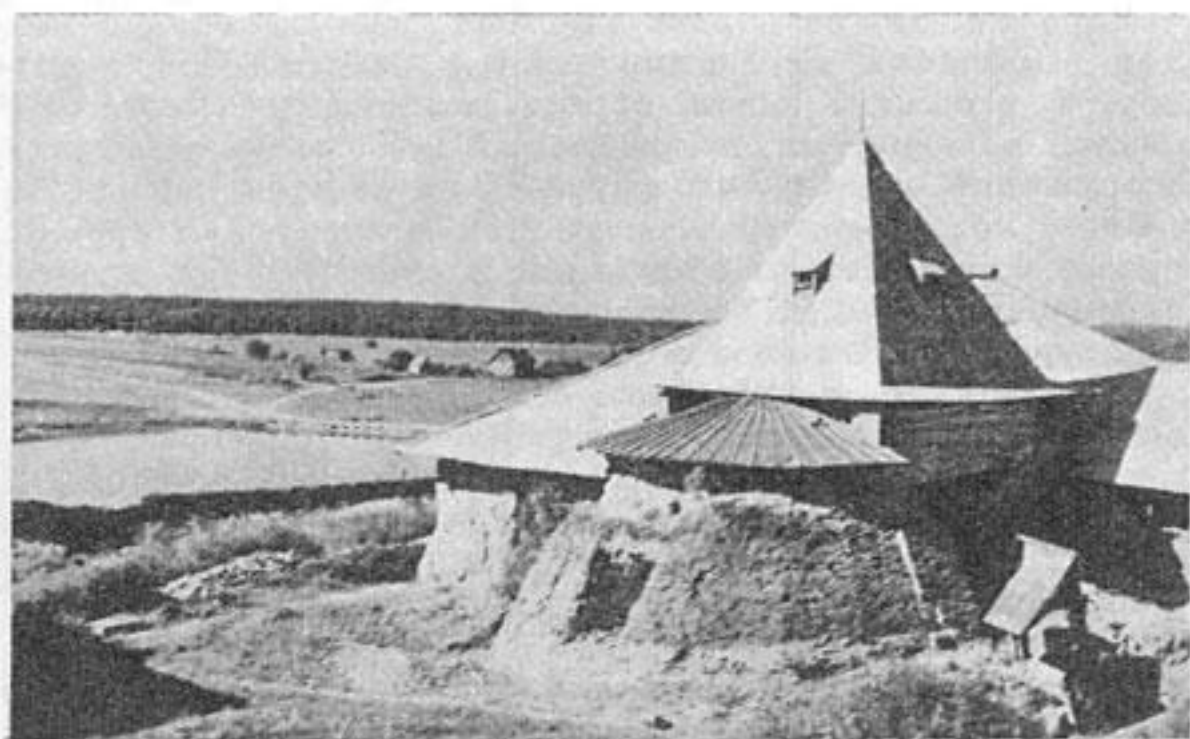
Руководил строительством новых зданий Троицкого монастыря «церковный мастер» Терентий. С уважением относились к нему монахи. В апреле 1591 года они сделали ему сапоги, в мае купили багрового сукна на шапку, а в июле — замок «к коробью» и холстину, за которой в Дорогобуж ездил сам монастырский казначей¹⁹. Под наблюдением Терентия служилыцы монастыря и нанятые рабочие выстроили большой пятиглавый трехапсидный Троицкий собор с двумя симметричными приделами, возвели обширную сводчатую трапезную с шатровой Введенской церковью и поставили высокую, о шести гранях, столповидную колокольницу. Плотнo, как бы плечом к плечу, стали эти постройки на монастырской территории, полностью изменив художественный облик не столь уж древней, но быстро окрепшей обители. Монастырь вырос, как бы перерос пору своего детства, стал

*Болдино. Троицкий
монастырь. Трапезная
палата*

более торжественным и привлекательным. Словно жемчуг на черном бархате заблестел он стенами новых, чисто выбеленных каменных зданий, расположившихся на берегу небольшого искусственного пруда. Непроходимая местами лесная глушь, изобиловавшая диким зверем, превратилась для этого великолепного комплекса как бы в скромную зеленую раму. В апреле 1592 года, когда создание ансамбля монастыря было закончено, мастер Терентий покинул Болдино и уехал в Москву. Строить в монастыре было, видимо, уже нечего.

По прибытии в Болдино вы, к сожалению, не увидите каменных зданий Троицкого монастыря. Во время Великой Отечественной войны здесь, в окрестностях Болдина, образовался партизанский лагерь. В зданиях монастыря работали мастерские, ремонтировавшие танки и автомашины, чинившие оружие и снабжавшие партизан военной техникой. В 1942 году фашисты захватили Болдино, а на следующий год, отступая под натиском Совет-

*Болдино. Троицкий
монастырь. Трапезная
церковь*

ской Армии, начали подготовку к уничтожению монастырского ансамбля. Несколько дней подряд слышали местные крестьяне как трещали отбойные молотки в монастыре, долбившие толстые стены его великолепных зданий. Страшный взрыв потряс затем окружающую местность. Гулким эхом прозвучал он в лесной чаще. Троицкого монастыря не стало. Переживший время иезуитов, обосновавшихся в нем в 1611—1615 годах, в период польско-литовского господства на Смоленщине, и ограбленный французами в 1812 году, превратившими его в тюрьму для пленных русских солдат, он в 1943 году полностью прекратил свое существование. Из истории русской культуры была безжалостно вырвана интереснейшая страница.

Бесформенные блоки кладки, груды кирпича и битого щебня увидите вы теперь на тех местах, где раньше высился собор, стояли трапезная церковь и столповидная колокольница.

Впрочем, это не совсем так. Вот уже несколько лет, как в Болдине идут строительные работы. Почти полностью расчищен завал, образовавшийся на месте трапезной и ее церкви, открыты нижние части стен этих сооружений, поставлены кружала и ведется выкладка сводов. Устроена над памятником и временная кровля, предохраняющая его от дождей и снега. Теперь трапезная церковь уже не бесформенная руина, не просто груда изуродованных блоков кладки и мелкого рассыпающегося щебня. Вы с интересом осмотрите этот восстающий «из небытия» памятник архитектуры, поразитесь размерами его свода, созданного заново по сохранившимся остаткам. Работа проделана поистине титаническая.

Не поленитесь, однако, взобраться на высокую, поросшую бурьяном грудку кирпича, которая высится рядом. Это остатки Троицкого собора. Теперь здесь каждый кирпич, каждый сохранившийся блок кладки — исторический источник, дающий возможность судить о формах памятника. Собор был самым главным сооружением монастыря. Внушительным и монументальным было это сооружение. Внутри его стены покрывала роспись. Богато украшенный резбой иконостас уходил ввысь, к сводам. Среди икон храма, закупленных большей частью в Москве, были и произведения известного московского иконописца Посника Дермина, много работавшего впоследствии с товарищами в Грузии. Часть икон имела оклады, чеканенные серебряных дел мастерами Емельяном и Степаном. Только массивный блок кладки увидите вы теперь торчащим из завала. Это верхняя часть одной из стен сооружения, сохранившая интересные декоративные кокошники килевидной формы. Они дают представление о характере убранства фасадов древнего храма.

Рядом, на месте монастырской колокольницы, другой завал. Предельно интересным было это сравнительно невысокое шестигранное сооружение с широкими арками звона. Его украшали угловые лопатки, тонкие карнизные полочки, лента поребрика и ряды ширинок. Все эти детали отличались плоскостной трактовкой и некоторой суховатостью, что вообще было свойственно русскому зодчеству конца XVI века. Только пирамида кокошников, венчавшая постройку, вносила в ее художественный облик элементы изящности и живописности. Это был столповидный храм «иже под колоколы», перекликавшийся с двухъярусной круглой башнеобразной Георгиевской церковью (середина XVI в.) в подмосковном селе Коломенском. Болдинская колокольница с главкой на-

*Болдино. Троицкий
монастырь. Колокольня.
Рисунок автора по обмеру
П. Д. Барановского*

верху как бы продолжала линию развития этих оригинальных сооружений. На ней-то и был повешен благовестный колокол Троицкого собора. Он отливался в Москве в 1585 году государевым колокольным «литцом» Иваном Афанасьевым, а поднимал его на колокольню московский пушкарь Григорий. Нелегкое это было в те времена дело.

Гуляя по монастырю, обязательно обойдите его вокруг. Прогулка будет приятной. Низкая кирпичная ограда монастыря (XVIII в.), поставленная на крупные валунные камни, хорошо сохранилась. Сразу вы на нее почти не обратили внимания. С внутренней стороны она ровная, без арок, а с наружной — расчленена лопатками на равные доли. Их четкий ритм делает ограду как бы бесконечной. словно какие-то вставки смотрятся скругленные крестообразные ниши, расположенные между лопатками. Отсутствие промежуточных башен усиливает впечатление бесконечности стены. Но не думайте, что эти башни утра-

чены. Они стояли только на углах. Одна из них высится близ небольшого внутреннего монастырского прудика, почти скрывшегося среди кустов. Башня эта давно замечена вами, — наверное, еще при въезде в монастырь. Рассматривая ее вблизи, вы сразу вспомнили угловую башню Лужецкого монастыря в Можайске, стоящую на краю холма близ берега Москвы-реки. Что-то общее есть между ними.

Большой монастырский пруд за пределами ограды окажется для вас менее интересным. Но вы наверняка побываете на его дамбе, перегораживающей Болдинку. Она насыпана еще монастырскими «служильцами». Много труда вложили они в нее. Спуск для воды из пруда через эту дамбу в 1586 году делал бобыль Антон, получивший за работу всего лишь один алтын. С интересом рассмотрите вы с дамбы и прилегающую местность. Около пруда, изобиловавшего в прошлом рыбой, теперь пусто. Лишь болдинские ребятишки да стада коров появляются

*Болдино, Троицкий
монастырь. Башня ограды*

на его берегах. Но, всматриваясь вдаль, вы увидите простирающиеся на другой стороне зеленые луга и расположенный за ними огромный массив леса. Кольцом охватывает он Болдино; кажется, что ему нет ни конца ни края и вам не найти в нем просветов. Через этот лес вы и направитесь далее по старому Смоленскому тракту.

За Болдином лесной массив так же красив, как и до него. Плотный, густой, с высокими лиственными и хвойными деревьями, с обросшими лозняком лужайками и зарослями папоротника — одного из самых древних на земле растений. Пробираясь сквозь него все дальше и дальше одно удовольствие. Когда-то такие леса были существенным препятствием на пути следования вражеских сил. «Твердостями самородными» назвал их сербский книжник Юрий Крыжанич, живший в России в середине

XVII века. Вскоре Смоленский тракт выбирается, однако, из этой «твердости» на луговые просторы и чуть ли не упирается в реку — узкую, извилистую, с обрывистыми берегами и уже не раз виденными вами яркими, плавающими по воде кувшинками. Это Днепр. Тот самый, по которому в стародавние времена шел знаменитый путь «из варяг в греки», по которому вверх и вниз плыли струги отважных славян. Вы в районе верхнего течения этой великой русской реки, быстро несущей свои воды в Черное море. Смоленский тракт бежит теперь поодаль от лесного массива, почти параллельно Днепру, обгоняя время от времени его петляющее русло. Постепенно оно становится шире, перед вами открываются просторы его низких, затапливаемых в половодье берегов. Вы любуетесь широкой поймой могучей реки, обрамленной пологими холмами, и незаметно въезжаете на окраину города. Это Дорогобуж.

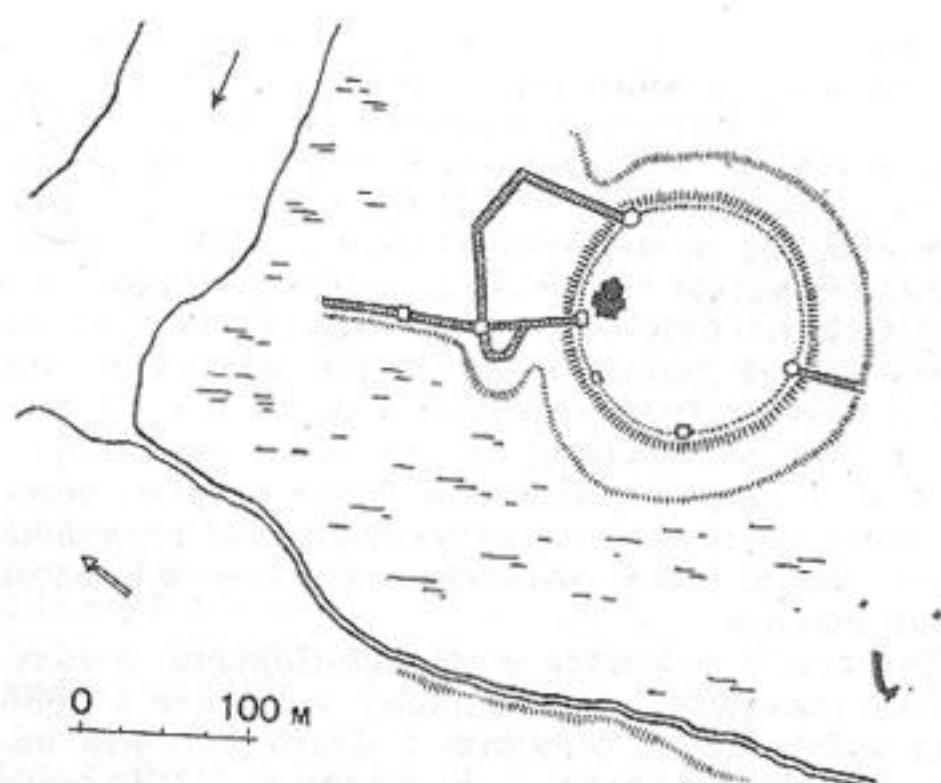
Пеленой тумана покрыта начальная история Дорогобужа. Только неясные ее контуры очерчиваются через толщу столетий. Первый раз источники упоминают о нем под 1150 годом. В ту пору город располагался на высоком холме левого берега Днепра, неподалеку от впадения в него речки Ардаш (Ордашка), и был очень небольшим. Могучие земляные валы окружали его по сторонам. Вместе с крутым береговым откосом и глубоким оврагом на напольной стороне, переходящим в ров, они хорошо прикрывали его от неожиданных вражеских нападений. Кто и когда их насыпал — тайна истории. Однако округлая конфигурация оставшегося от него городища восходит к XII веку, к тому времени, когда летописи впервые упомянули о Дорогобуже. Видимо, тогда и возник этот старинный русский город, связанный со смоленским речным путем.

Позднее, уже в XIV веке, Дорогобуж не раз подвергался нападениям враждовавших между собой удельных князей, а в 1404 году вообще был захвачен литовцами. Десятью пять лет находился он во власти литовских королей и только в 1499 году, при Иване III (1462—1505), начавшем борьбу за отторгнутые русские земли, был возвращен Москве. Кровопролитное сражение произошло тогда на речке Ведрошь около Дорогобужа, когда литовцы в том же году попытались вернуть его силой. Более восьми тысяч убитых осталось на поле брани. Весь обоз, артиллерия и большое количество пленных оказались в русских руках. Однако литовцы не уgomонились и в 1508 году вновь захватили город, но, узнав о приближении

крупных русских сил, не приняли сражения и убрались восвояси. Принимая во внимание интерес литовцев к Дорогобужу и его окраинное положение, Василий III (1505—1533) вскоре по вступлении на престол дал распоряжение хорошо укрепить город. «И князь велики, — значит в составленной в Москве в 1509 году Разрядной книге, — велел воеводам своим со всеми людьми стояти в Дорогобуже; а Дорогобуж велел делати древяной и посла отселе мастеров фряз Вартоломея и Мистробона»²⁰. Не исключено, что деревянные дорогобужские стены начала XVI века, созданные подвизавшимися на русской службе иноземными мастерами, сменили более старые, тоже деревянные, но уже обветшавшие укрепления, стоявшие на городских валах. Так обыкновенно было в любом древнерусском городе.

Позднее Дорогобуж оказался в составе Польши, и только по мирному трактату, заключенному в Москве в 1686 году, он был возвращен россиянам. С этого момента начался интенсивный рост города. К середине XVIII века он далеко вышел за пределы древних валов. Оставшееся от него городище именовалось тогда уже «верхним замком», видимо, в отличие от нижней, посадской части города, располагавшейся у подошвы «замковой горы». «Замок» этот был деревянным, частокольным, с тремя квадратными и двумя многогранными башнями. Воротные башни, а их было три, имели сквозные проходы и проезды. К одной со стороны поля подъезжали по бревенчатому мосту, перекинутому через ров. К двум другим поднимались от берега Днепра по деревянным помостам; это были своеобразные «пандусы», уложенные на крутом склоне холма. Округлый ров, переходивший в овраг, по-прежнему, окружал «замок» с некогда весьма опасной южной стороны. В «замке» стояла каменная соборная церковь 1787—1789 годов с резным вызолоченным иконостасом и тремя рядами икон. При отступлении из Москвы французы, создавшие в «замке» опорный пункт, разорили собор, но в 1813 году он был уже отремонтирован. Неподалеку от него стояла деревянная Успенская церковь 1713 года, ставшая на месте Борисоглебской, тоже деревянной, разобранной тогда по ветхости. Других строений в «замке» во второй половине XVIII века уже не было. Основная застройка города располагалась в ту пору за его пределами, на берегу Днепра и на склонах соседних холмов, изрезанных оврагами.

В войну двенадцатого года Дорогобуж стал местом ожесточенных боев с отступавшей наполеоновской арми-

Дорогобуж. Городище.
По чертежу 1765 г.
(ЦГИАЛ)

ей. Именно здесь, близ Дорогобужа, голод, холод и наседавшие русские войска вынудили Бонапарта бросить обоз и остатки артиллерии, а его солдат расстаться с награбленным имуществом. «Это было зрелище, доводившее до отчаяния, — писал все тот же Ф. Сегюр. — Владельцы покидаемого имущества едва успевали с ним расстаться... Они выбрасывали и раскидывали ради нескольких горстей муки расшитые одежды, картины, всевозможные драгоценные украшения и предметы из вызолоченной бронзы. Вечером эти богатства, эти предметы роскоши... разбросанные по снегам дикой и пустынной равнины, являли собой странное, невиданное зрелище».

Как и в других городах, расположенных на старом Смоленском тракте, о событиях 1812 года в Дорогобуже напоминает скромный монумент на территории «замка». Это белая каннелированная дорическая колонна с крестом. Поставленная в 1912 году, в самой высокой точке города, она как бы перекликается с памятниками Отече-

ственной войны 1812 года в Вязьме и на далеком уже от вас Бородинском поле.

Но поднимитесь вверх по одной из городских улиц, идущих по старым оврагам. Узкая земляная перемычка, пересекающая древний ров, позволяет войти в «замок». Здесь тихо, спокойно. Даже птицы с уважением относятся к этому, давно оставленному человеком месту. Легкий ветерок колышет листья редких кустов и сплошь покрывающую его траву. С южной стороны высятся остатки высоких валов. Их склоны круто спускаются в сильно оплывший, но все еще глубокий ров, с гладкими откосами. Правильная круглая форма «замка» подсказывает, что это и есть первооснова Дорогобужа, его изначальное ядро. Тут-то и находился город XII века. Шутка ли сказать: восемь столетий назад здесь появился человек, возникли созданные им постройки, были насыпаны земляные валы, поставлены деревянные стены. Сколько труда, сколько энергии потребовалось людям, чтобы освоить это господствующее над Днепром место в столь далекую для нас пору. Вот уже много лет, как оно ждет археологов.

С высоты Дорогобужского городища вы лучше всего осмотрите и весь город. Широко и привольно раскинулся он по обеим берегам реки. Вы видите его из конца в конец, от края до края. Его величественная панорама будто специально развернулась перед зрителем. Она поражает чистотой воздуха, яркостью красок и живописным расположением построек. Внизу, под вами, левобережная, более высокая часть Дорогобужа. В конце XIX века в ней было семь каменных храмов. Их колокольни высоко маячили над низкой застройкой, придавая ей красочное своеобразие. Самой старой из них была в ту пору каменная Духовская церковь 1711 года. Местные жители почему-то особенно любили ее. Теперь вам не найти мест расположения этих сооружений. На них высятся новые жилые дома или промышленные здания. Голубой лентой вьется пронизывающий город Днепр. Упруго уперся в его берега новый железобетонный, чуть изогнутый в центре мост, выстроенный к пятидесятилетию Советской власти. Немного в стороне, уже ближе к городищу, виднеется здание дорогобужского горисполкома. Это — современная постройка, с виду ничем не примечательная. Однако, спустившись вниз, вы наверняка обнаружите, что в ее основе находится старое здание городского «магистрата». Войдя же во двор, вы увидите на его стенах ложные наличники и рустованные пилястры, формы которых свидетельствуют о его постройке в XVIII веке. Это интересный памят-

ник гражданской архитектуры Дорогобужа. Построено здание в 1765 году. Деревья мешают разглядеть его отсюда внимательно. Вместе с раскидистыми кустами они прикрывают и реку, но в прогалы между ними вы хорошо видите, как плавно движутся по воде маленькие речные катера. За деревьями почти не просматривается и главная улица города. Однако она идет тут, рядом, с этой стороны реки, параллельно ее руслу, буквально у вас под ногами. А на другой стороне — широкая заречная часть города. Она как бы вползает по склону пологого холма. Вы рассмотрите каждую ее деталь, чуть ли не каждый дом, утопающий в густой зелени. Говорят, что весной это непроглядная цветущая масса из яблонь, груш и вишен. Бесконечное количество светлячков вспыхивает на той стороне ночью, когда в окнах домов зажигается свет. А далее, за домами, почти у самого горизонта, высятся мачты, дымятся трубы, темнеет кромка далекого леса. В обе стороны, вверх и вниз по Днепру, уходят вглубь необозримые просторы полей, с песчаными отмелями Днепровской старицы, с ограничивающими их невысокими холмами. Рассматривая город со старого Дорогобужского городища, вы увидите и дорогу, по которой туристы едут обычно в село Алексинно — бывшую усадьбу И. С. Барышникова. Это интересный архитектурный ансамбль конца XVIII — начала XIX века, с обширным парком, небольшой Михаило-Архангельской церковью (1778), усадебным домом, зданием бумажной фабрики (1790) и оградой. Строился он, как полагают, М. Ф. Казаковым и Д. Жиллярди. Над украшением усадьбы работал также и Ф. И. Шубин.

С городища вы заметите и силуэт церкви Петра и Павла (1835). Она стоит на окраине Дорогобужа, в непосредственной близости от уходящего на запад Смоленского тракта. Церковь кирпичная, бесстолпная. Над ее кубовидным четвериком с правильной округлой апсидой возвышается массивный восьмерик с полукруглыми люкарнами и восьмигранным куполом. Плоскости четверика украшены по сторонам четырехколонными портиками. Прочно стоит его громада у старого Смоленского тракта, служа городу архитектурным ориентиром. Желтую ленту этого тракта вы разглядели с высоты Дорогобужского городища. По нему, мимо церкви Петра и Павла, вы и направитесь к городу Смоленску, являющемуся конечным пунктом вашего путешествия.

5. Смоленск

Участок старого Смоленского тракта за Дорогобужем самый трудный на вашем пути. Медленно ползет машина. Буксуют колеса. Вас бросает из стороны в сторону. Нужно быть истинным «рыцарем дороги», чтобы двигаться по этому участку. Но, несмотря на трудности, подчиненная вашей воле машина уверенно продвигается вперед, преодолевая препятствие за препятствием, километр за километром.

Сперва вы двигаетесь полями и неповторимо красивыми заливными лугами широкой днепровской поймы, потом минуete село Усвяты, где раньше стояла интересная деревянная церковь XVII века, а затем снова углубляетесь в лес. Однако остановитесь на несколько минут, отдохните от машины. В лесу прохладно, пахнет сыростью и хвоей. Мне этот лес показался девственным. Он покрыт вереском с мелкими бледно-лиловыми цветами, крупными листьями уже не цветущего ландыша, сухим валежником и прошлогодними иглами. Кругом тишина и спокойствие. Сплошной стеной стоят деревья. Толстые, тонкие, длинные, сучковатые. Их стволы поросли лишайником. Как ворсистый ковер стелется серый мох. Ему не видно конца. В одиночку и группами сидят поодаль веснушчатые мухоморы — белые, серые, ярко-красные. Им под стать и хрустящие сыроежки. Таких крупных в Подмосковье никогда не увидишь. Здесь их некому собирать, кроме белок, то и дело перескакивающих с ветки на ветку. Они встревожены появлением человека и держатся подалеже. Временами в мшистом ковре виднеются и бар-

хатисто-коричневые шляпки белых. Некрупные, крепкие, почти одинаковые, словно отсортированные. Собирать их для сушки сплошное удовольствие. Изобилует лес и сочной ягодой. Но вы не забирайтесь слишком далеко, не увлекайтесь «дарами природы». Лес обманчив. Обступив дорогу, он тут же редеет. Вдали показались прогалины, а затем и просторы возделанных полей. Теперь они почти уходят к горизонту. Скоро колеса машины оставят пыльную часть пути, выберутся на грейдерное покрытие, затем будут трястись по булыжнику и только после этого вы окажетесь на асфальте. По себе знаю, что ехать по нему после «гребенок» и рытвин бывает особенно приятно. Словно по маслу катится тогда машина.

По ровной глади асфальта вы попадете и на окраину Смоленска. Это один из древнейших городов на Руси. Кто не знает его теперь? Нет человека, который не слышал бы об этом городе. Но, смею вас заверить, что по-настоящему знают его немногие. Это город высокой культуры, прекрасных архитектурных памятников, великолепных произведений живописи и декоративно-прикладного искусства. Его история полна волнений и тревог; она еще мало освещена на страницах книг и журналов. В нем не раз пахло порохом, неоднократно поднимались над ним клубы дыма пожарищ. Его хозяевами пытались стать литовцы, поляки, французы, немцы, но город как был, так и остался русским.

Начало истории Смоленска связано с жизнью крупного славянского племени кривичей, населявших в VI—IX веках весь водораздел великого водного пути из варяг в греки. В ту беспредельно далекую пору это был уже крупный славянский город. В середине IX века, во время очередного похода на Царьград, варяжская дружина Аскольда и Дира, спускаясь по днепровскому руслу на юг, к Киеву, не посмела даже подойти к нему, «за не град велик и мног людьми». Византийские и арабские монеты, железные шлемы, щиты, копья, а также иранские и русские произведения декоративно-прикладного искусства, находимые в многочисленных могильниках и курганах, разбросанных вокруг Смоленска, говорят, что в те далекие времена смоляне совершали продолжительные путешествия, уходили в далекие военные походы, вели обширную торговлю. Византийский император Константин Багрянородный (905—959) свидетельствовал, что весной, когда вскрывались покрытые льдом реки, вниз по Днепру спускались флотилии долбленых лодок-ладей, которые собирались у пристаней Киева, а затем двигались далее, к

*Смоленск. Герб города
XVII в.*

рынкам Византии. На них с товарами плыли не только киевляне, черниговцы и новгородцы, но и торговые люди Смоленска. Их родной город на Днепре был важнейшим торгово-транзитным центром. В нем было все, что имелось и в других славянских городах.

Позднее, в XI веке, в Смоленске обосновался Владимир Мономах. На вершине одного из днепровских холмов он выстроил «город» с валами и рвами, а в центре его в 1101 году воздвиг обширный Успенский собор. Позже, при сыне Владимира Мономаха, князе Мстиславе, в Смоленске утверждается епископия. Город становится столицей Смоленского княжества. Обширную торговлю вело оно с Западной Европой. Его князья, находившиеся в союзе с родственными им владимирскими князьями, отличались смелостью и воинственностью. С уважением отзывались о них суздальские бояре. Щедро украшали они Смоленск прекрасными каменными сооружениями. Удивленный современник с уважением отмечал их «любовь

несытну о зданых». Тут и там возводили они в Смоленске монументальные каменные храмы, стены которых покрывались фресками. Зримо выражали они значение и богатство города, говорили об уровне его культуры, вкусах горожан и феодальной знати. Прекрасно характеризовали эти храмы и мастерство смоленских зодчих. За сравнительно короткий промежуток времени они сумели создать в Смоленске большое количество своеобразных церквей, которые выделили смоленскую школу зодчества из среды всех областных архитектурных школ феодальной Руси. Живописно разбросанные по прибрежным холмам, они своим обилием поражали каждого, кто плыл по Днепру мимо Смоленска. Одновременно город был тогда и одним из передовых центров просвещения на Руси. Его князья были высоко образованными людьми, питали любовь к книгам. Ученый монах Климент, ставший в 1147 году вторым русским по происхождению митрополитом, поставленным вопреки воле константинопольского патриарха и греческой церкви, был выходцем из Смоленска. Он прекрасно владел греческим языком и церковной литературой, которой были богаты смоленские монастыри. Это был выдающийся книжник и философ XII века. Яркой фигурой являлся и Авраамий Смоленский. Уважение и любовь стяжал он себе не только в боярско-княжеской среде, но и у горожан, ремесленников и холопов. Прославившийся как выдающийся проповедник, Авраамий занимался также иконописью и перепиской книг.

В тяжелые годы начала XIII века, когда Древняя Русь стала жертвой татаро-монгольского нашествия, Смоленск избежал участи других древнерусских городов. Тогда смоляне нашли даже силы оказать помощь великому Новгороду в его борьбе с тевтонскими рыцарями. Но в 1404 году город сам оказался в руках Витовта. Более ста лет находился он в составе Литовского княжества. Тогда смоленские полки в составе польско-литовских войск участвовали даже в знаменитой Грюнвальдской битве (1410) с немецкими феодалами. Их стойкость и мужество предрешили в той битве исход победы. Славу воинов и героев обрели они, по словам современника. Но усиление национального гнета, гонения против православия и русских обычаев привели вскоре к частым восстаниям «черных людей» на Смоленщине. Жестоко подавлялись они польско-литовской знатью. Но пришло и ее время. В 1513 году сам московский великий князь повел многочисленные полки к Смоленску. Две осады выдержал в ту пору польско-литовский гарнизон. Но в июне 1514 года

под стенами Смоленска снова заговорили пушки Василия III. Триста артиллерийских орудий палили тогда по врагу со всех сторон. Его сопротивление было сломлено. Смоленск, ключ Поднепровья, важнейший город на пути в глубинные районы обширной Московии, вернулся в лоно Руси.

Но польско-литовские феодалы не оставили надежды снова получить Смоленск в свои руки. Его валы и деревянные стены в XVI веке не раз видели вражеских воинов. Но их усилия вплоть до начала следующего столетия оставались тщетными. Только в 1611 году польскому королю Сигизмунду III удалось овладеть Смоленском. Почти два года сопротивлялся напору его войск мужественно оборонявшийся город. Двадцать месяцев отвлекал он на себя силы одной из крупнейших европейских армий, облегчая положение Москвы. Только гнусное предательство боярского сына Андрея Дедевича, перебежавшего в лагерь захватчиков и указавшего им слабый участок городской обороны, решило его судьбу. Страшный, чудовищной силы взрыв, вызвавший ужас победителей, потряс тогда воздух. Не стало в тот тяжелый момент древнего мономахова Успенского собора, не стало последних защитников города, которые укрылись за его стенами и подожгли хранившийся в нем порох. В пламени разбежавшегося по сторонам огня оказались тогда и многие деревянные строения: тот, кто не попал в Успенский собор, сжигал свои дома собственными руками. Мужеству смолян не было предела. Груды пепла и развалин достались в тот день полякам.

Не прошло, однако, и пятидесяти лет, как в 1654 году русские войска вновь подошли к Смоленску. Два месяца длилась осада. Поляки сопротивлялись упорно, но судьба их была решена. С радостью встретили горожане русские войска. С этого времени город прочно закрепляется за Москвой. В нем разворачивается широкое восстановительное строительство, ремонтируются поврежденные укрепления, возводятся храмы и другие здания. На их лесах трудятся Иван Калинин, Алексей Корольков, Осип Старцев, Гура Вахромеев, Яков Болтовня и другие русские зодчие второй половины XVII века. Их трудами город полностью преобразуется. Он получает много новых каменных зданий, украсивших его кварталы, и разбегающиеся по холмам улицы.

В дальнейшем судьба также не сжалась над Смоленском. В 1812 году, когда французы отходили на запад, город вновь оказался в развалинах. Не раз скакал тогда по

его улицам Стендаль. Прodelав обратный путь из Москвы в тягчайшей обстановке голодного и нищего отступления «великой» армии, он занимался организацией снабжения французских войск в Смоленском районе, добывал провиант где только возможно. Десятки тысяч французских солдат были обязаны жизнью его энергии; не один француз с благодарностью вспоминал потом о его помощи. Но все было тщетно. Под натиском русских сил французам пришлось покинуть и Смоленск. Девять башен поднял тогда на воздух озлобленный маршал Ней, приказавший поджечь и город. Стендаль видел, как пламя пожара распространялось все дальше и дальше, как безжалостные языки огня лизали стены уцелевших каменных строений.

Обо всем этом я всегда вспоминаю, когда приезжаю в Смоленск, брожу по его наполненным жизнью улицам. Мне приходится бывать в нем часто, и в каждый приезд я с интересом спускаюсь по его тихим проулкам к Днепру, по несколько раз поднимаюсь вверх, к центру, следуя за медленно ползущим в гору транспортом. С интересом рассматриваю я тогда и памятники архитектуры Смоленска. Их в городе немало, но не каждый виден за новыми зданиями, не все они сосредоточены в одном месте. Их надо поискать, хотя некоторые как бы сами встают у вас на пути.

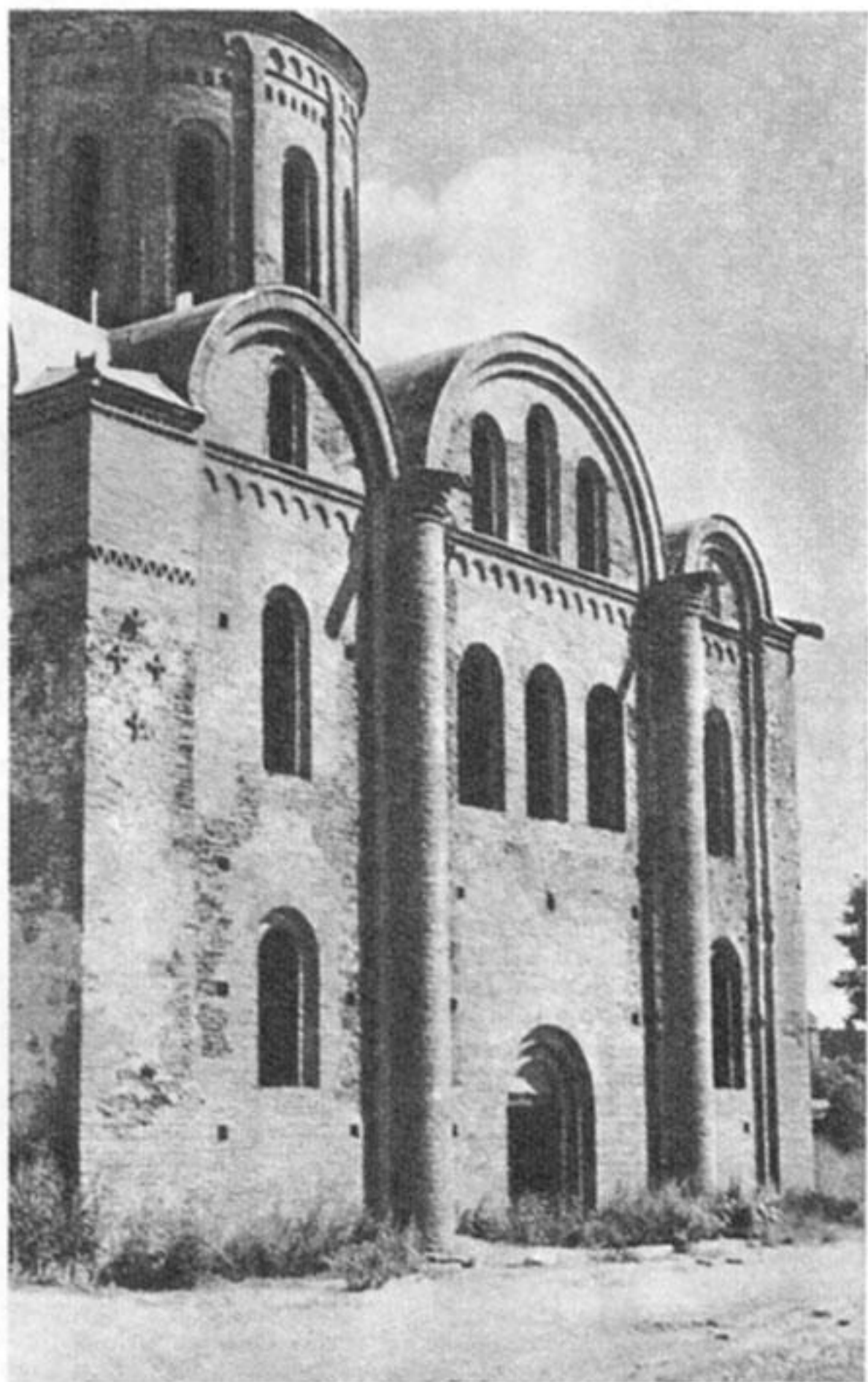
Но в первую очередь любознательный путешественник знакомится с общей панорамой Смоленска. В этой панораме нет нагроможденности, нет крикливых реклам и лихорадочного ритма застройки некоторых западноевропейских городов. В ней все спокойно, все торжественно и величаво. На две части, с востока на запад, разрезан город руслом Днепра. Каждая из них по-своему интересна и красива, по-своему выразительна. Особенно величественно выглядит южная — центральная — часть Смоленска, как бы взбирающаяся по межовражным холмам и увалам левого берега реки. Рассматривать ее со стороны северной, заднепровской части города можно очень долго. Выглядит она особенно грандиозно. Подобную ей трудно найти в каких-то других местах, хотя само расположение на высоких прибрежных холмах, изрезанных оврагами, и роднит Смоленск с Киевом. Но здесь все по-другому, здесь свой собственный неповторимый колорит, свое собственное художественное лицо.

Особенно эффектно выглядит самая древняя часть Смоленска, занимающая береговые склоны Днепра, прорезанные густо заросшими оврагами. Среди изумрудной зелени яркими, как бы светящимися пятнами выступают

*Смоленск. Ансамбль
Соборной горы. Гравюра
Химмеля конца XVIII в.*

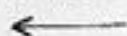
фасады отдельных зданий. Они разные и по форме и по окраске. Но это в основном еще старая застройка. За ней — большие современные дома, далеко уходящие за пределы видимости. Сплошное море негаснущих огней увидите вы вечером на берегу, если будете гулять по Заднепровью. Своеобразным фоном служат они тогда темной массе, как бы шагнувшей далеко вперед, в сторону Днепра Соборной горе с ее грандиозным Успенским собором. Его громада видна отовсюду, почти со всех окраин Смоленска, со многих городских магистралей и скверов. В створе целого ряда улиц она просматривается очень четко. В общей панораме Смоленска Успенский собор играет главенствующую роль. Словно корабль над волнами моря, парит это колоссальное сооружение над городом. Ярко блестят на солнце его золоченые, как бы взмывшие в небеса главы. Подобно Троицкому собору в Пскове, величаво поднялся он над широко раскинувшимися строениями. Без Успенского собора Смоленск так

же немислим, как Египет без пирамид, Афины без Акрополя, Нью-Йорк без небоскребов.

А ниже Успенского собора виднеются и другие, может быть, еще более интересные памятники архитектуры Смоленска. Это тоже монументы его истории. Органически вписались они в величественную панораму города. Ваше внимание здесь в первую очередь безусловно привлечет огромная крепостная стена. Торжественно и не спеша вползает она в гору от серебристой ленты реки, теряясь вдали за деревьями и различного рода зданиями. Кто разглядывал ее внимательно хотя бы раз, разводит руками, пораженный ее грандиозностью. Словно гибкая лента охватывала она Смоленск в прошлом. Это «есть знаменитый памятник Российской древности, на который любопытствующее потомство всегда будет взирать с удовольствием и удивлением». Так писалось о Смоленской крепостной стене в 1826 году в «Отечественных записках». Слова прямо-таки пророческие. Стеной интересуются все,

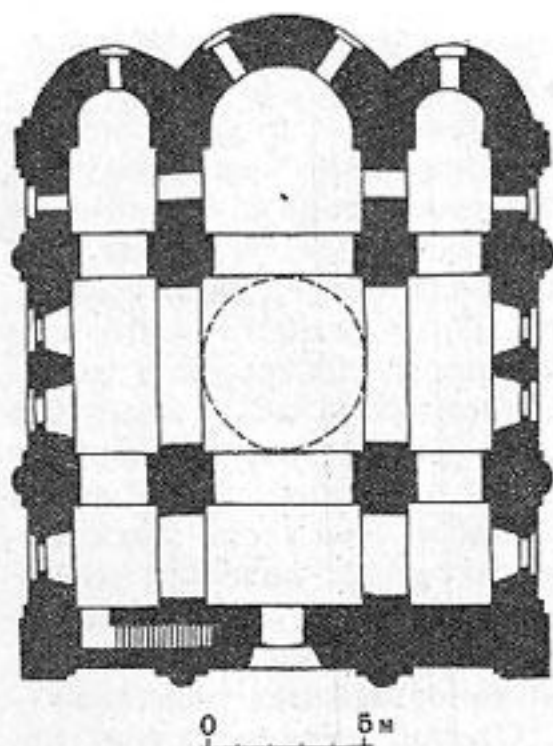
*Смоленск. Церковь Петра
и Павла XII в.*

кто приезжает в Смоленск, ее хочет видеть каждый. А за ней виднеются и другие памятники зодчества. Это тоже исторические маяки города, опорные вехи его многовековой культуры.

Скромно стоят они поблизости от речного берега, окруженные зелеными массивами и отступившими от них постройками. Неискушенному человеку заменить эти памятники сразу бывает трудно.

Познакомимся, однако, с ними поближе. Их немного, но их нельзя обойти молчанием, нельзя пройти мимо, осматривая город. Это храмы XII века. Таких больше нигде и не увидишь. Они возникли в ту далекую пору, когда Смоленск был центром обширного феодального княжества, а его князья вели широкую строительную деятельность. К XIII веку подобных храмов в Смоленске накопилось много. Трудно назвать какой-нибудь другой город, где к тому времени было выстроено столько дорогих каменных зданий. Монументальностью и велича-

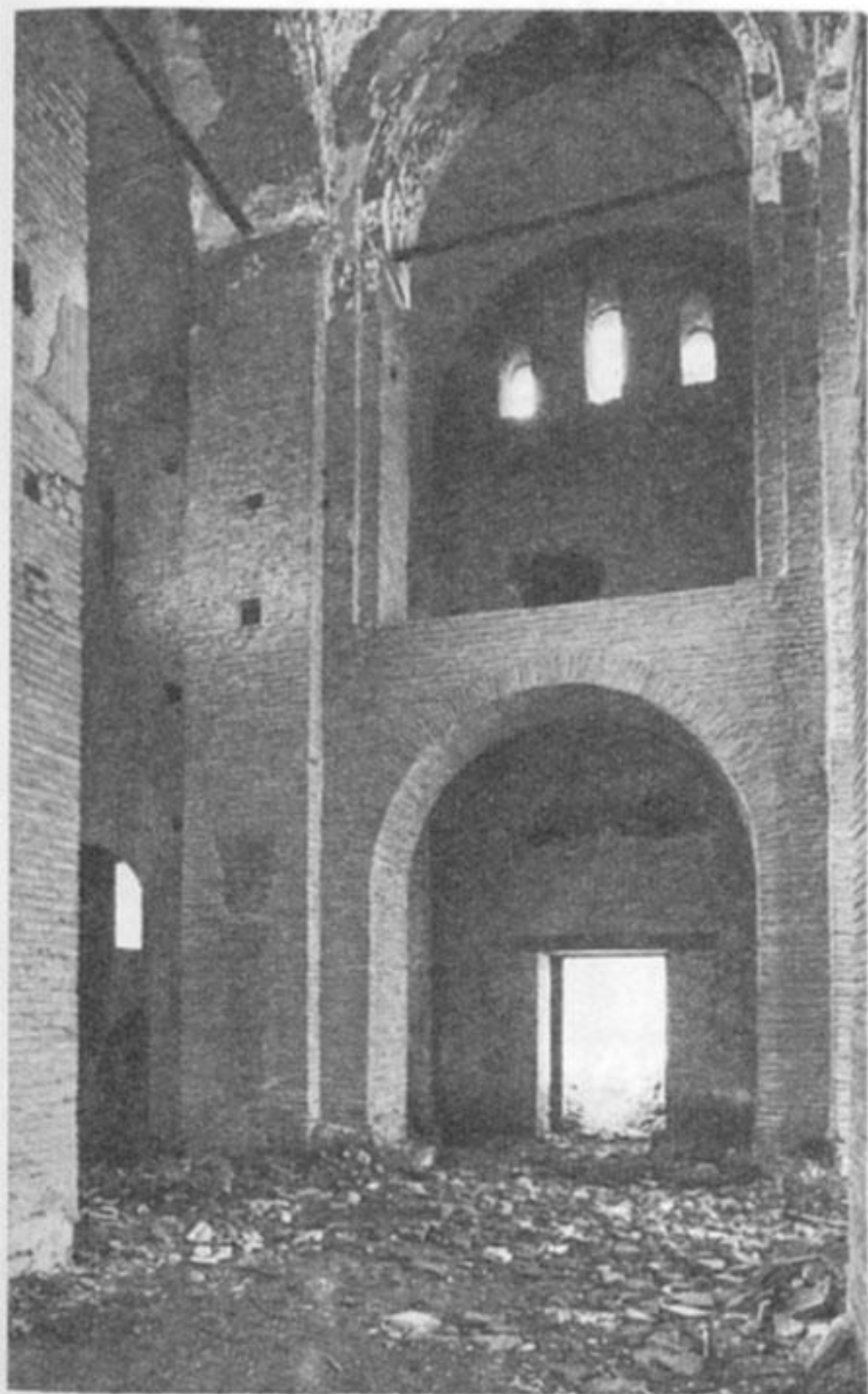
Смоленск. Церковь Петра и Павла. План

Смоленск. Церковь Петра и Павла. Интерьер

востью отличались его церковные строения. Они не дублировали друг друга, не повторяли форм предшествовавших. Каждый из них имел собственное художественное лицо. Ехавшие по Днепру удивлялись их разнообразию и красоте, восхищались их торжественностью и обилием. В расположении этих храмов чувствовался определенный градостроительный замысел смоленских зодчих. Только три из них сохранились до наших дней: далеко отстоят они друг от друга. Как редкая драгоценность в золотой оправе воспринимается теперь каждый из них в широкой панораме Смоленска.

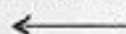
Церковь Петра и Павла за Днепром — самый старый храм города. Одновременно это и самое древнее его сооружение. Историки Смоленска считают его обыкновенно постройкой 1146 года и связывают со строительной деятельностью князя Ростислава Мстиславича. Есть, однако, основание думать, что Петропавловская церковь появилась намного позднее, уже в конце XII века, и яв-

ляется результатом строительной деятельности князя Романа Ростиславича, сидевшего на Смоленском столе дважды — с 1160 по 1174 год и с 1177 по 1180 год. Церковь небольшая, четырехстолпная, с тремя апсидами и одной тяжеловесной главой: она продолжает традицию развития крестовокупольных церковных построек Киевской Руси. Ее кубовидный объем отличается статичностью и определенной замкнутостью. Фасады расчленены широкими лопатками. Как и в киевских храмах XII века, к ним «пристроены» круглые полуколонки. Широкие полукружия закомар соответствуют сводчатым покрытиям здания. Мелкий аркатурный пояс у их основания да еще заметные кресты, выложенные на лопатках, — основные элементы декоративного оформления сооружения. Его простые и ясные формы прекрасно контрастируют с богатыми наличниками окон выстроенных рядом в 1632 году палат униатского епископа Льва Кревцы и раскидистыми крыльцами высокой колоколь-

*Смоленск. Церковь
Иоанна Богослова. XII в.*

ни Варваринской церкви, возведенной над епископскими палатами в 1753 году. Своеобразный архитектурный комплекс составляют эти разновременные здания, стоящие в заднепровской части Смоленска, близ железнодорожного вокзала.

С Петропавловской церковью в какой-то степени сходна церковь Иоанна Богослова. Выстроена эта церковь не ранее 1160 года и не позднее 1180 года. Создал ее смоленский князь Роман Ростиславич. По словам летописца, он украсил ее «всяким строеньем церковным, и иконы золотом и финиптом». Стоит Иоанно Богословская церковь против церкви Петра и Павла, на противоположном берегу реки, где раньше была переправа через Днепр. Внимательно рассматривал ее каждый, кто пересекал речное русло, направляясь к городу. Знаменитая смоленская «ротонда», вызывающая интерес многих исследователей, была раскопана поблизости от этого храма. До нас он дошел сильно искаженным. Первоначально это было

четырёхстолпное сооружение с тремя алтарными полукружиями, закомарами на фасадах и галереями-успальницами по сторонам. Разглядывая его внимательно, вы обратите внимание на кладку стен из плинфы, заметите хорошо видимые следы небольших первоначальных окон, на откосах которых сохранились остатки фресок, и заинтересуетесь декоративным крестом на одной, оставшейся нестесанной лопатке. В свое время они, как и в церкви Петра и Павла, имели тянувшиеся вверх полуколонки.

Но больше всего «любителей прекрасного» восхищает величественная Михаило-Архангельская церковь, известная также под названием Свирской. И это не удивительно. Ведь церковь Михаила Архангела — самый выдающийся памятник смоленского зодчества XII века, самое вдохновенное творение древних смоленских мастеров.

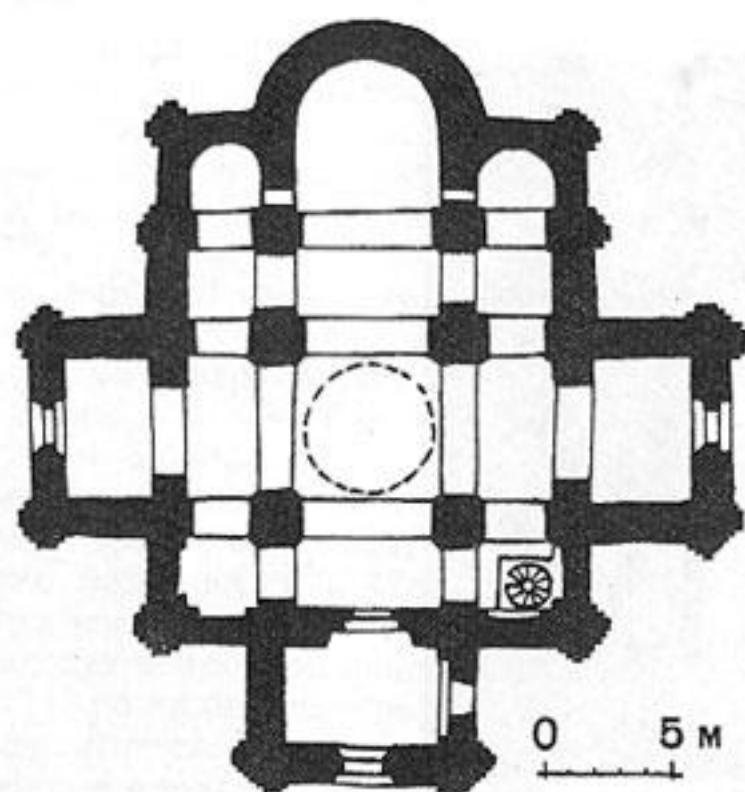
К сожалению, прямых известий о постройке Михаило-Архангельской церкви в летописях нет. Повествуя о многих добродетелях смоленского князя Давида Ростиславича, летописец отметил, что эту церковь он «юже бе сам создал во княжении своем». Поэтому время ее постройки относят обыкновенно к 1191—1194 годам.

Стоит церковь в удалении от города, на том месте, где находился двор князя Давида. Это был его дворцовый храм. Стройный и торжественный, он даже сейчас, несмотря на поздние переделки и жесткую цементную штукатурку, исполнен могучей силы. Равного ему нет в Смоленске. Современников Михаило-Архангельская церковь восхищала и внешней «изрядной красотой» и богатством внутреннего убранства. Такой «несть в полунощной стране» — с восторгом отзывался о ней летописец. Она была украшена «иконы, златомъ и серебром и жемчюгом и камением драгим». В ее архитектуре нашли отражение все предшествующие достижения русского зодчества. Она находилась в могучем, обращенном ввысь движении и этим существенно отличалась от более ранних смоленских храмов. Три ее притвора уравновешены высокой и сильно выдвинутой вперед апсидой. Словно какой-то вытянутый полуцилиндр, прилепилась она к основному массиву. Раньше его фасады имели трехлопастное завершение, отражавшее конструктивную структуру сводчатых перекрытий. Словно туго натянутые струны, смотрелись их сложнопрофилированные, тянувшиеся вверх многообломные пучковые пилястры. Они также выявляли характер внутреннего пространства храма. На части делится он широко расставленными креща-

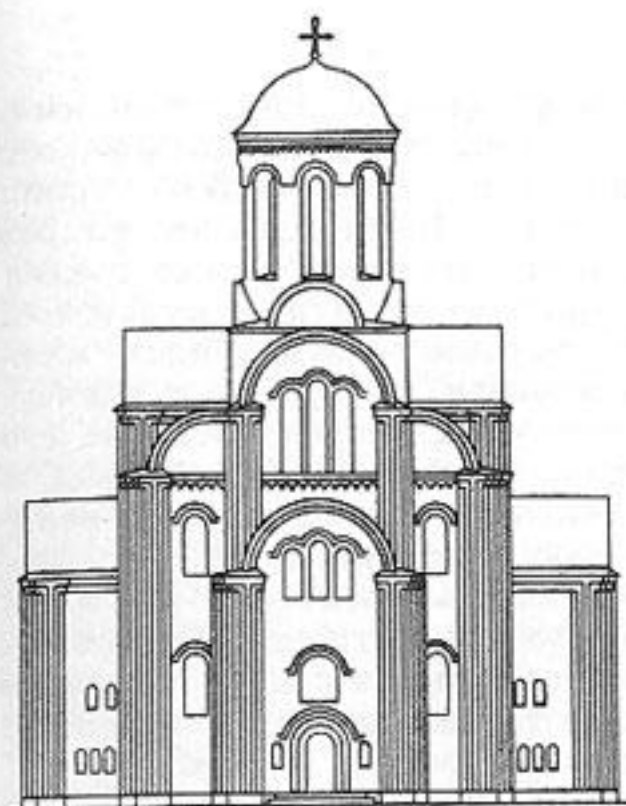
*Смоленск.
Церковь Михаила
Архангела (Свирская).
1191—1194*

тыми столбами. Драгоценным картинам уподоблялась фресковая роспись, покрывавшая его стены. Венчалась церковь как бы «вздернутой» вверх главой, у основания барабана которой располагались декоративные «закомары» — кокошники. Еще больше усиливали они ее динамичность. Тема высотной композиции культового здания, не чуждая зодчим и других феодальных областей Древней Руси, получила в этой церкви весьма энергичную разработку. Ее могучий ярусный объем был хорошо виден и с запада, со стороны далеких курганов Гнездовского могильника, и с северо-восточных окраин Смоленска. С нового моста через Днепр и из заднепровской части города Свирская церковь хорошо просматривается и сейчас. Четким силуэтом воспринимается она на фоне неба, господствуя в городском ландшафте. Ее так же нельзя не заметить в панораме Смоленска, как и другие, более ранние храмы. Стоящая рядом невысокая колокольня 1780 года как бы педчеркивает ее величавость.

Смоленск.
 Церковь Михаила
 Архангела (Свирская).
 План

А теперь обратимся к памятнику другой исторической эпохи. Это огромная крепостная стена. На ее осмотр вам придется затратить много времени, но вы не пожалеете об этом. Внушительным было это грандиозное военно-оборонительное сооружение. Оно создано в конце XVI века в связи с опасностью польской агрессии и сменило собой деревянную крепость времени Ивана Грозного. Непроступным смотрится оно и сейчас, в наши дни, напоминая о славном прошлом Смоленска. В начале XVII века его стены и башни почти два года оказывали упорное сопротивление отборным войскам польского короля Сигизмунда III и не раз принимали на себя их сокрушительные удары. Это был один из ярчайших эпизодов в истории обороны Древней Руси. Все попытки поляков штурмом овладеть городом были тогда тщетными. Прекрасный пример отваги и беспредельного героизма показали в ту пору смоляне. Для них Смоленская крепость была той надежной опорой, которая умножала их стой-

*Смоленск.
Церковь Михаила
Архангела (Свирская).
Реконструкция
П. Д. Барановского*

кость и мужество. У врага не хватало сил сломить их сопротивление ни на одном участке. Между тем общая протяженность стен крепости, укрепленных 38 башнями, составляла 6,5 километра. Неправильным, как бы прижавшимся к Днепру кольцом охватывала она весь тогдашний Смоленск. По живописности расположения, общей монументальности, величавой красоте, четкости расстановки объемов и обороноспособности эта крепость не знала себе равных. Только на три километра была она короче укреплений Белого города Москвы. Благодаря ее созданию, как писали современники-иностранцы, Смоленск по обороне стал равен Варшаве.

И не случайно, что после создания такой крепости, превратившей Смоленск в неприступную твердыню, слава о нем разошлась по всей Европе; она стала тогда настолько широкой, что автор Космографии конца XVII века, рассказывая о Русском государстве, с пафосом написал: «Город Смоленск славен зело и крепок, стенами камен-

ными толстыми и высокими обведен, и рвы глубокими, и всякими крепостями утвержен, строение Московского государя царя Федора Ивановича всеа Руси»²¹. Строил толстостенную каменную крепость Смоленска «государев мастер» Федор Савельевич Конь, который до нее создал Белый город Москвы и ряд неизвестных нам культовых и гражданских зданий. Его творение я осматриваю каждый раз, как приезжаю в Смоленск. Грандиозное впечатление производит оно на зрителя. Я не раз бывал на его стенах, неоднократно заходил в пустующие башни и каждый раз не мог налюбоваться его красотой и величественной монументальностью. Меня поражала не только грандиозность и неприступность крепости, но и та изобретательность, с которой она построена. Создав ее, Федор Конь не только обобщил достижения русского оборонного зодчества предшествовавшего времени, но и как бы наметил пути его дальнейшего развития.

Но как строилась такая огромная крепость, спросите вы, вглядываясь в ее контуры.

История постройки Смоленской крепости — яркая страница в истории Руси конца XVI века. Подготовительные работы к ее созданию были тщательно продуманы заранее, велись с большим размахом, прекрасным знанием техники строительства и строительного производства.

Сохранившиеся источники дают возможность составить четкое представление о всем ходе строительных работ. Официально к ним приступили 15 декабря 1595 года, когда царским указом В. А. Звенигородскому, С. В. Безобразову, дьякам П. Шипилову и Н. Перьфирьеву «да городовому мастеру Федору Савельеву Коню» предписывалось ехать в Смоленск делать «государеву отчину город Смоленск каменной». С этого фактически и началось укрепление Смоленска, оказавшегося под угрозой вражеского нападения. Отправиться в Смоленск назначенные руководители строительства обязаны были незамедлительно. Точно было установлено также время их прибытия на место назначения — 25 декабря того же года в три или четыре часа дня. Это особо оговаривалось царским указом. Но провести укрепление пограничного города скрытно было невозможно; вражеские лазутчики немедленно сообщили бы о начале работ Сигизмунду III. Учитывая это, правительство царя Федора не стало делать из них государственной тайны. Все мероприятия решили осуществлять не только в открытую, но и в самой торжественной обстановке. Поэтому въехать в Смоленск

руководителям строительства предписывалось под благовест городских колоколов через посад, мимо литовского гостиного двора, по Большому мосту через Днепр, чтобы все видели, и явиться в Богородицкий собор к архиепископу Феодосию за получением благословения как на «городовое дело», так и на заготовку необходимых «городовых запасов». Такого раньше не было. Это наглядно демонстрировало всю важность прибытия представителей государственной власти в Смоленск, поднимало их авторитет, показывало, какую ответственную задачу поставило перед ними правительство, какое значение приобрел Смоленск в складывавшейся политической ситуации. Цель столь торжественного въезда должна была быть ясна каждому — и иностранным гостям, находившимся в городе, и его жителям, которые становились непосредственными участниками его укрепления. Для осуществления намеченного строительства командированные получили «государеву казну».

*Смоленск. Крепость.
Восточная сторона.
1595—1602.
Зодчий Ф. Конь*

Далее все пошло как по расписанию, и к весне 1596 года подготовительные работы в Смоленске в основном были закончены. Руководители строительства наняли «охочих людей», которые приступили к заготовке строительных материалов, отремонтировали старые и выстроили новые сараи и печи для сушки и обжига кирпича, начали их производство и заготовку извести, занялись подвозкой камня и заготовкой свай под фундаменты. Все это делалось «наспех», не мешкая с великим «радением», как требовалось царским распоряжением. Одновременно была составлена смета на строительство, отправленная в Москву на утверждение, и установлены места расположения стен и постановки башен будущего «города». Такой организации могли бы позавидовать и современные строители. Это позволило быстро начать работы, развернуть их во всю ширь и вести без задержки.

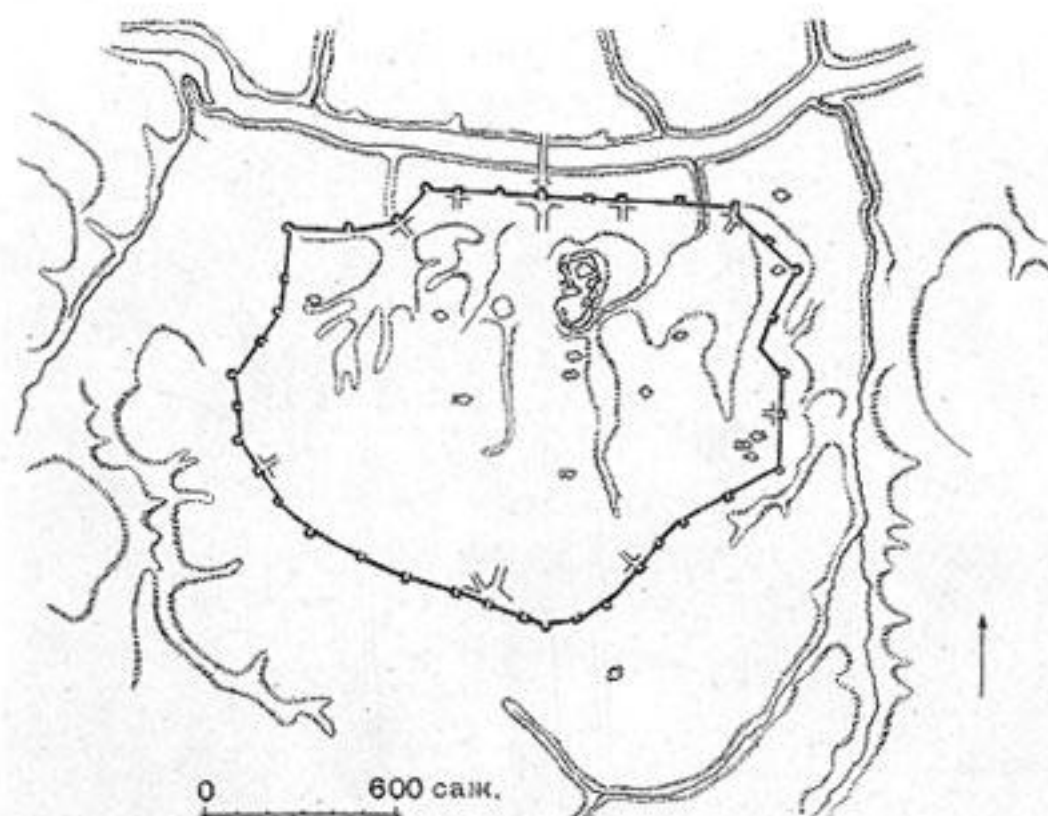
В связи с тем, что значение Смоленска в общей системе обороны западной границы Руси было огромно, на за-

кладку в нем новых укреплений царь Федор отправил шурина своего, боярина Бориса Федоровича Годунова, бывшего тогда фактическим правителем государства. Свою поездку в Смоленск Борис Годунов обставил с большой пышностью и торжественностью. Прибыв в город «с великим радением», он отслужил молебен в Богородицком соборе, а затем со свитой «объеха место, како быти граду», ранее намеченное Федором Конем и другими руководителями строительства, и «повеле заложити град каменной». После этого Борис Годунов возвратился в Москву, а в Смоленск были направлены окольный И. М. Бутурлин, князь В. А. Звенигородский, дьяк Н. Перьфирьев и многие дворяне и дети боярские, которым приказали «город» делать «наскоро». Вместе с этим в стране была произведена широкая, почти поголовная мобилизация всех мастеров каменщиков, кирпичников и даже горшечников, которые широким потоком хлынули «для каменнова и кирпичнова дела» в Смоленск. К ра-

ботам были привлечены и некоторые монастыри; они не только давали в Смоленск людей и подводы, но и доставляли в него камень, бочки с известью и другие строительные материалы. Их везли отовсюду, где они только имелись. Старица, Руза, Белый и другие «дальние города всея земли» были тогда поставщиками смоленской стройки. Равной ей страна на исходе XVI века не знала. Она была самой крупной и по объему производившихся работ и по количеству занятой рабочей силы. Город был превращен в гигантскую, невиданную до того строительную площадку, на которой работали огромные массы «черного люда», собранные со всех городов государства. Простые рабочие трудились на рытье котлованов под фундаменты, на забивке свай в слабый грунт, на доставке к местам кладки кирпича и камня. Более квалифицированные мастера, каменщики и кирпичники, умудренные накопленным раньше опытом, возводили стены и башни с их бойницами, зубцами, внутренними лест-

*Смоленск. Крепость. План.
Реконструкция автора*

ницами, сводами, междуэтажными бревенчатыми мостами и опорными столбами кровель, а находившиеся рядом плотники ставили леса, делали опалубки сводов и арок, покрывали тесом уже завершенные участки крепости. Она росла не по дням, а по часам, участок за участком, сажень за саженью. Простоя в работах не было. Их бесперебойность по всей длине возводившегося «города» обеспечивалась отдельными строительными бригадами, которые работали на заранее закрепленных за ними участках, и постоянным наблюдением зодчего, переходившего с одного места на другое. Так продолжалось более трех лет. Некоторые работы велись, очевидно, и ночью, при свете всюду разложенных костров. На заключительном этапе они не прекращались даже поздней осенью, чего раньше обыкновенно не делалось.

В основном Смоленская крепость была закончена к 1600 году, но какие-то работы продолжались и в дальнейшем. При этом в помощь строителям тогда были под-

брошены и новые массы каменщиков, кирпичников, гончаров, горшечников, кувшинников, печников и других мастеров. Они прибывали в Смоленск из разных областей страны в соответствии с наказом Бориса Годунова.

С окончанием смоленского «городового дела» очень торопились, так как в 1603 году истекал срок двенадцатилетнего перемирия с Польшей, агрессивная политика которой активизировалась с каждым днем. Стремясь завершить это «дело», Борис Годунов в 1600 году прислал в Смоленск крупную сумму денег, а для наблюдения за работами направил в него князя С. И. Долгорукого. Кроме того, под страхом смертной казни он запретил в стране всякое каменное строительство, не связанное с правительственными заказами, чем предвосхитил знаменитый указ Петра I, прикрывший в 1714 году каменное строительство во всех городах Российской империи в целях скорейшей застройки Санкт-Петербурга. Это в конечном счете способствовало тому, что в 1602 году смоленская стройка была полностью завершена. Последовавшая торжественная церемония освящения крепости свидетельствовала, что прямой путь на Москву с запада был надежно закрыт. При этом Смоленская крепость сразу же была вооружена пушками разных типов и калибров, а к ее башням и пряслам стен приписаны дворяне, дети боярские, пушкарки, стрельцы и посадские люди, которые в 1609 году, когда к Смоленску подошли поляки, заняли укрепленные за ними места и выполнили свой отечественный долг. Вот, собственно говоря, и вся история создания смоленского «города», история, насыщенная интересными фактами и, пожалуй, даже поучительная.

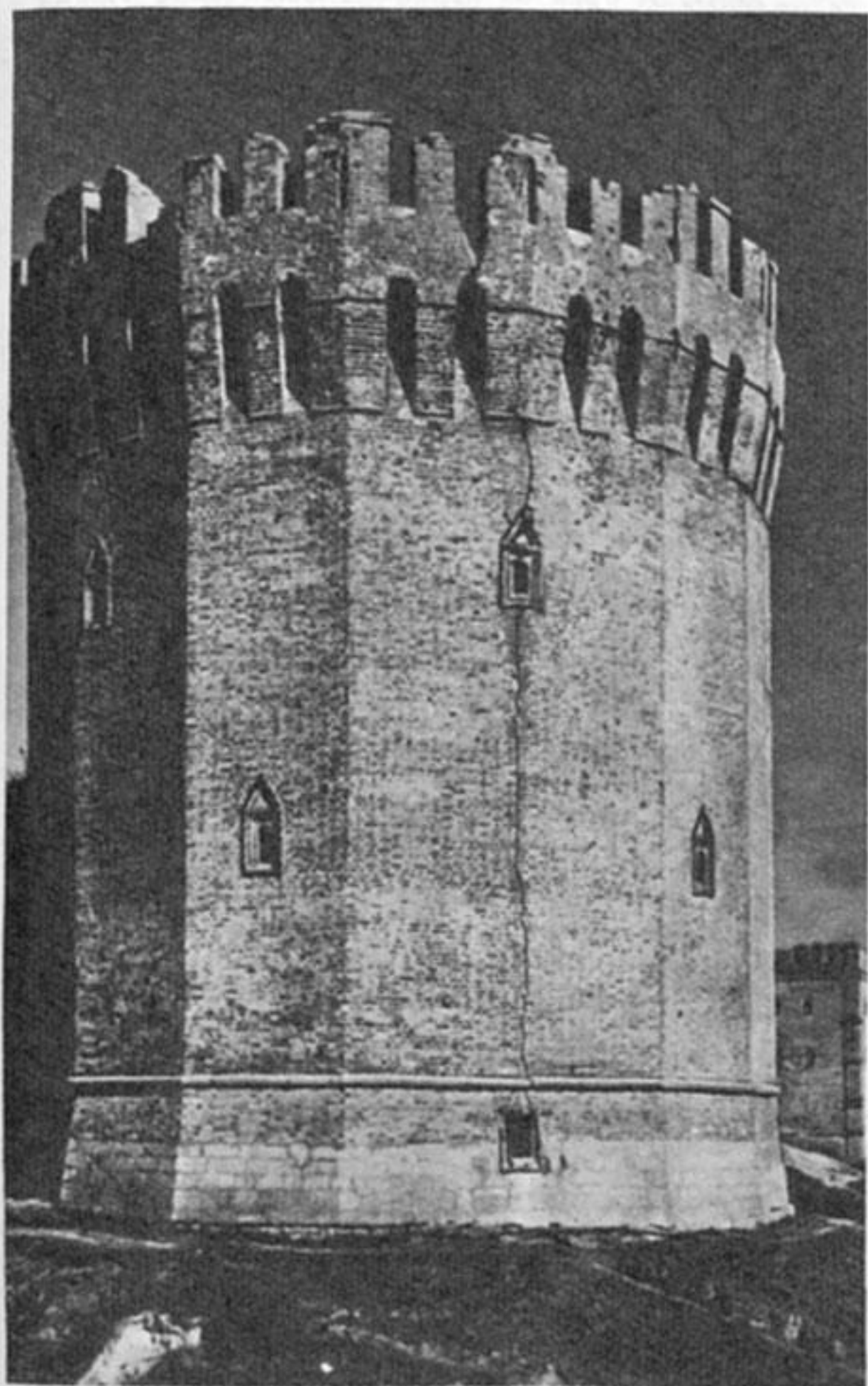
Теперь же настала пора подойти к Смоленской крепости поближе, внимательно осмотреть ее участки, полюбоваться ее архитектурой. Несмотря на огромные выбоины, значительные утраты и колоссальные плоскости отслоившейся кирпичной кладки, она до сих пор производит неизгладимое впечатление. Увидев ее раз, трудно бывает забыть впоследствии. Я осматриваю ее каждый раз, когда приезжаю в Смоленск. Старые и новые жилые дома, кинотеатры, клубы, школы, детские сады, ясли, больницы, поликлиники, универмаги, магазины и многие другие современные здания — все это вмещается в ее уже давно разорванное кольцо. Словно гигантской красной лентой опоясывает она Смоленск, ее центральную и самую старую часть. Представить город без этой крепостной стены также невозможно, как и без величественной громады Успенского собора.

Особенно большое впечатление производит огромный, непрерывающийся участок крепости, расположенный в восточной части Смоленска. Могучая стена, равномерно укрепленная башнями, тянется здесь почти на два километра. Следуя прихотливым изгибам оврага, но сохраняя строгость и регулярность, она то спускается вниз, то поднимается вверх по склонам холмов, обходя широкие впадины. За ней — живописно расположенная городская застройка, утопающая в зелени садов; перед ней — глубокий, слегка оплывший ров, наполняющийся водой в дождливую пору. Величественная картина открывается с этой стены на прилегающую местность. Трудно бывает оторвать от нее взгляд. Здесь город кончается. Дальше простираются глубокие балки, ограничивающие его территорию. Их склоны круты и изрезаны оврагами. Местами они поросли многолетними деревьями и плотными зарослями кустов. Подняться по ним вверх или же спуститься вниз трудно даже сейчас. Великолепным прикры-

*Смоленск. Крепость.
Многогранная башня*

тием служили они Смоленску раньше. Никто не мог подойти к нему с востока. Здесь природа сделала все, чтобы он стал недосыгаем. Над этим потрудились и люди, повысив защитные свойства природы постройкой крепостной стены. словно корона венчает она овражки кручи. Только узкая, почти прижавшаяся к ней тропинка, змейкой бегущая от башни к башне, позволяет двигаться в сторону виднеющегося вдали Днепра и привольно раскинувшейся за ним левобережной части города. Высота стены огромна. Она вырастает из земли неспешным белокаменным откосом цоколя и на высоте двух метров, словно набрав скорость, взлетает в бескрайне распахнутое над днепровскими кручами небо. Узкий, аккуратно тесанный белокаменный валик как бы прошивает ее по всей длине. Ему не видно конца. Подобно фигурам на шахматной доске, расположились на ровной глади стены узкие арочные прорезы среднего и подошвенного боя. Их ритм также непрерывен. Как инкрустация смотрятся

выложенные из кирпича рамочные обрамления бойниц с треугольными фронтончиками. Они напоминают наличники окон культовых и гражданских зданий. Их наличие снижает аскетическую суровость стены, делает ее какой-то необычной и совершенно непохожей на стены крепостей более ранних. В шеренгу, одна за другой, как бы плечом к плечу, выстроились в линию по внутренней стороне стены большие арки, несущие широкую площадку боевого хода. По нему впору проехать и на тройке. Гребенкой, почти прижимаясь друг к другу, расположились на внешней кромке боевого хода двурогие зубцы в виде ласточкина хвоста. Количество их неисчислимо. Бросая причудливую тень на плоское дно оврага, они нависают над каждым, кто двигается вдоль стены. Бесконечной кажется она временами. Идя около нее по тропе, вы невольно думаете о том, сколько человеческого труда вложено в ее создание, сколько сил и энергии было израсходовано на ее постройку.

Поистине титаническую работу проделали строители и при возведении башен крепости. Равномерно расставлены они по всей длине стены. Упорно тянутся они за ней вверх, обгоняя ее и друг друга. Многогранные и прямоугольные, глухие и воротные, небольшие и крупные. Сразу их и не сосчитаешь. Они имеют не только разные размеры, но и разную декоративную обработку, выполненную из кирпича и белого камня. Последняя контрастно воспринимается на красном кирпичном фоне.

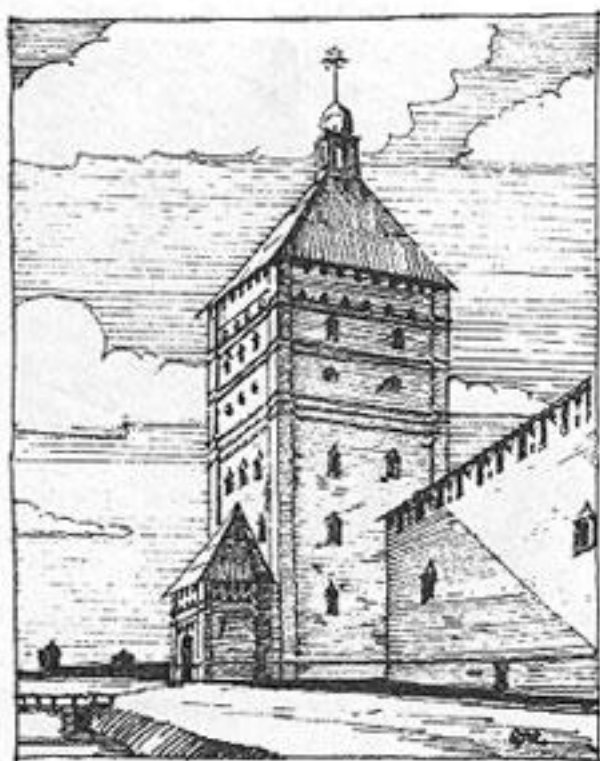
Особенно величественно выглядят многогранные башни. Круглыми называли их в прошлом. Торжественно, словно часовые, стоят они на углах, играя на солнце плоскостями широких граней. Узкие ступени лестниц как бы врезаются в неподатливую толщу их массивных стен. Грозно нависают над ними машикули с удлиненными, арочными бойницами варового боя. Через них лили кипяток и смолу на головы тех вражеских воинов, которым удавалось подобраться к стенам вплотную. В других же защитники стреляли через арочные отверстия поярусных бойниц. Крохотными кажутся они на огромных плоскостях башен. Декоративные рамки с фронтончиками на этих бойницах, в точности повторяющие форму рамочных обрамлений бойниц стены, служат многогранным башням основными элементами декоративного убранства.

Подобных башен не найти во всем древнерусском зодчестве, хотя граненость стволов явление вовсе не редкое в крепостной архитектуре Русского государства.

*Смоленск. Крепость.
Воротная башня. Портал*

По-своему величественны и воротные башни смоленского «города». То более кряжистые, то более стройные, они так же непохожи друг на друга, как и круглые. Их украшают угловые и промежуточные лопатки с горизонтальными белокаменными перемычками, цокольные валики и все те же рамочные обрамления на бойницах. Сколько их в крепости — сказать трудно. Подсчетом никто не занимался. Но их много, очень много. Какими-то необычными и даже немного странными кажутся эти сугубо мирские детали будто ненароком разбросанные по всему сооружению — его башням и пряслам стен, имеющим военное значение. Впрочем, больше всего зрителя поражают не рамочные обрамления на отверстиях бойниц, а великолепные, сложенные из блоков белого камня порталы, обрамляющие лицевые и тыльные арки широких сводчатых проездов воротных башен. Таких порталов не встретишь больше в русском оборонном зодчестве. Лишь отдаленно напоминаю-

*Смоленск. Крепость.
Фроловская башня.
Реконструкция автора*

щие скромные порталы на тыльных фасадах въездных башен Московского Кремля, созданного столетием раньше, они составляют еще одну декоративную особенность Смоленской крепости, делаая ее совершенно непохожей даже на более поздние военно-оборонительные сооружения Русского государства. Легенда гласит, что Борис Годунов назвал якобы Смоленскую крепость «Ожерельем Московской Руси».

И как непревзойденной красоты драгоценный камень смотрелась в этом ожерелье главная, Фроловская башня «города», стоявшая в центре северной стены, прямо перед большим Днепровским мостом, связывавшим Смоленск с дорогой на Москву. Многоярусная, с отводной стрельницей, широким сквозным сводчатым проездом, большим количеством бойниц, также имевших рамочные обрамления, с лопатками на углях, створными полотнищами, подъемной железной решеткой и смотровой вышкой наверху, увенчанной двуглавым орлом, эта башня была в крепости

*Смоленск. Днепровские
ворота. 1793—1814*

самой грандиозной и самой величественной. Подобных ей больше не было в Смоленске. Она во многом определяла его художественный облик. И это были не только главные ворота города, но и главная триумфальная арка России, от которой шел прямой путь на Москву. И кто знает, не родился ли архитектурно-художественный образ Фроловской башни у зодчего Федора Коня в тот торжественный момент, когда он вместе с более именитыми руководителями строительства в зимний праздничный день 25 декабря 1595 года под звон колоколов чинно шагал по Большому мосту через Днепр, направляясь в городской собор за получением благословения на смоленское каменное «городовое дело».

Теперь на месте Фроловской башни высится небольшое двухэтажное здание с башней над вальмовой кровлей. Осмотреть его вы уже успели. Это Днепровские ворота. Они построены в 1793 году и восстановлены в 1814 году архитектором М. Н. Слепневым. Словно в тиски зажала

их древняя крепостная стена, несущая на себе две поздние, симметрично поставленные классические колокольни, составляющие с Днепровскими воротами одно композиционное целое.

От Днепровских ворот мы двинемся с вами, дорогой путешественник, уже к Соборной горе, которая давно привлекает ваше внимание.

На пути к ней вы обязательно обратите внимание на памятник М. И. Кутузову, торжественно возвышающийся на небольшом сквере. Это крупная бронзовая фигура на высоком гранитном пьедестале. Установлена она здесь совсем недавно — в 1954 году. Ее автор — скульптор Г. И. Мотовилов. Он изобразил полководца при всех орденах, в длинном плаще, чуть опершимся на саблю, с устремленным на запад взором. Именно туда более ста шестидесяти лет назад и бежали от него французы. За освобождение от них города фельдмаршал был удостоен титула Смоленского.

*Смоленск. Ансамбль
Соборной горы и памятник
М. И. Кутузову*

А за памятником — Соборная гора. Своеобразным фоном служит она монументу. Здесь на горе в стародавние времена располагался кремль Смоленска, его «цитадель». Успенский собор занимает центральное место на ее площадке. Вокруг всевозможные постройки. Каждая из них так же интересна, как и главенствующий над ними собор. Вместе это хотя и разновременный комплекс сооружений, но воспринимается он как единый архитектурный ансамбль, обладающий большой силой эмоциональной выразительности.

Поставлен Успенский собор невдалеке от того места, где более трехсот пятидесяти лет назад в обширном Мономаховом соборе взорвали себя мужественные смоляне, не пожелавшие склонить голову перед польскими панами. Слишком долгим и тягостным было до этого их владычество в Смоленске. Они хорошо помнили о нем, знали ему цену. Не так давно фундаменты взорванного тогда здания были обнаружены на Соборной горе. Новый собор

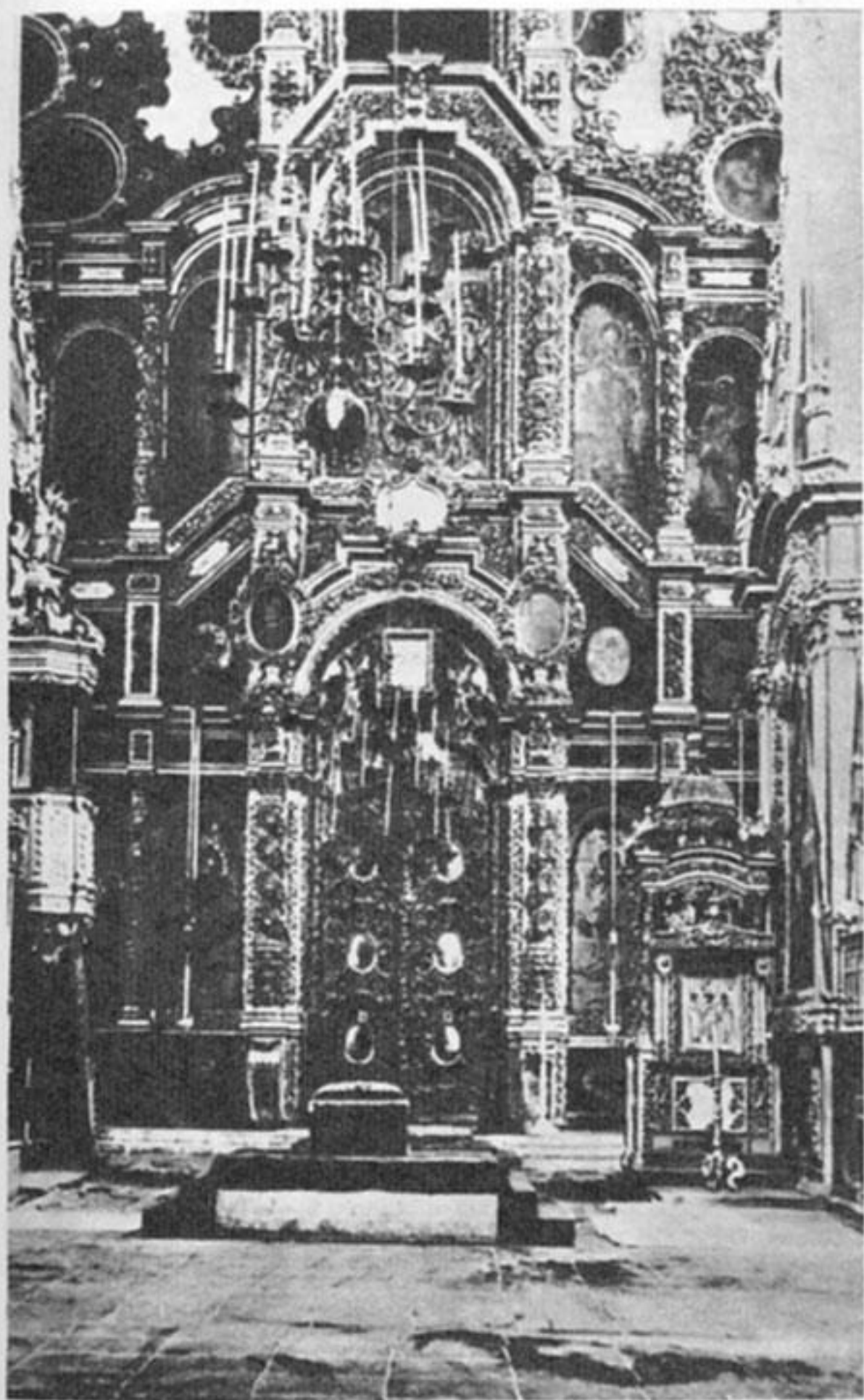

встал чуть к северу от них. Он воздвигнут в честь обороны Смоленска от польско-литовских интервентов. Это вы уже знаете. Возводился собор в несколько приемов. Первоначально смету на строительство поручили составить Евсютке Иванову, но он отказался на том основании, что не были известны ни размеры будущего здания, ни тот «образец», по которому его надлежало строить. После этого Приказ каменных дел принял за «образец» собор Александровской слободы и установил размеры будущего сооружения, а подмастерье каменных дел Леонтий Костоуров вместе с Яковом Шарытиным составили смету на его постройку. Это в корне меняло сложившуюся ситуацию. Работы же по созданию собора начались в 1676 году в соответствии с распоряжением царя Алексея Михайловича. На них были собраны стрельцы, кирпичники, печники и каменщики со всей Смоленской волости. Руководил работами московский каменных дел подмастерье Алексей Корольков. Это был видный мастер

*Смоленск.
Успенский собор.
Иконостас.
Центральная часть.
Мастер С. М. Трусцицкий.
1730—1739*

своего времени. Он строил собор по собственной смете, руководствуясь и каким-то собственным «образцом». Никто не мешал ему в этом. Однако в 1679 году, когда строительство было в разгаре, случилось непредвиденное: рухнула восточная стена здания, и работы прекратились. Возобновить их пытались неоднократно, но шли годы, а собор так и оставался стоять недостроенным. Ушел в могилу и А. Корольков, не дождавшись возобновления работ. К ним приступили только в 1732 году, причем автором Успенского собора стал тогда архитектор А. И. Шедель. Он-то и закончил здание в 1740 году. При этом А. И. Шедель учел место расположения храма на горе и ту роль, какую он должен был играть в ансамбле города второй четверти XVIII века. Успенский собор стал его главным зданием, его архитектурно-композиционной основой. Он воздвигался как центральная святыня Смоленска, монумент его истории. Это предопределило формы здания, обусловило их крупный масштаб. Долгое

время оно считалось одним «из крупнейших и величественнейших» церковных зданий России. Гигантские окна собора и обрамляющие их крупные наличники бросаются в глаза сразу, как только туристы вступают на площадку Соборной горы. В упор рассматривают они тогда это массивное, довлеющее над горой сооружение, расчлененное широченными пилястрами и увенчанное пятью главами (центральная деревянная, глухая; боковые кирпичные, световые). Простой, но широкий и сочный многоступенчатый карниз, нависающий над ровной гладью стен, окрашенных в зеленый цвет, оказывается тогда и над ними.

Собор действующий. Каждый день бывают в нем службы. Но народ скапливается здесь редко, только по большим церковным праздникам. Не те теперь времена. По вечерам смоляне предпочитают ходить в театры и кино, сидеть перед голубыми экранами телевизоров, нежели бывать в Успенском соборе. Им ни к чему эти давно

*Смоленск. Колокольня
Успенского собора*

ушедшие в прошлое обряды. Но вы обязательно войдите под его своды. Только тогда и можно ощутить всю грандиозность здания, почувствовать его просторность и вместительность. Колоссальными размерами и огромной высотой поражает оно вас.

Как вкопанный остановитесь вы и перед гигантским, уходящим ввысь иконостасом Успенского собора. Такой вы, пожалуй, нигде и не видели. Среди спокойствия, тишины и необычной обстановки я невольно вздрогнул, когда увидел его впервые. Торжественно стоит это сооружение перед вами во всей своей красоте. Изобилующее неисчислимым количеством колонок и разнообразных деталей, оно поражает пышностью и величием. Это поистине фейерверк фантазии и таланта. Вы разглядите в нем листья оканта, дуба и клена, увидите розы и цветы подсолнуха, вдоволь насладитесь гирляндами причудливо переплетающихся лоз с гроздьями винограда. Создан иконостас в 1730—1739 годах украинским

мастером С. М. Трусницким. Ему помогали его ученики П. Дурницкий, Ф. Олицкий, А. Мастицкий и С. Яковлев. Много времени, труда и физических сил вложили они в его изготовление, и все это за полторы тысячи рублей. С восхищением смотрят теперь на творение их рук благодарные потомки. Это одно из выдающихся произведений декоративного искусства XVIII века. Великолепная, виртуозно выполненная и изобилующая позолотой резьба иконостаса блестит и при лучах солнца, проникающих в собор сквозь широкие окна, и при тусклом свете спускающихся вниз паникадил, и даже тогда, когда храм пустует и погружается в полумрак. Каким-то сказочным и чем-то невероятным кажется он в те минуты. Трудно передать то впечатление, которое иконостас производит. Темными пятнами выступают тогда на фоне его сверкающей порезки многочисленные иконы. Чинно, правильными рядами встали они по тяблам. Иконы также принадлежат С. М. Трусницкому. Не покладая рук работал он над ними за две с половиной тысячи рублей с двенадцатью помощниками. Десять лет трудились они бок о бок. Впоследствии созданные ими иконы неоднократно реставрировались и только «Великий архиерей» (1730—1739) над царскими воротами сохранился нетронутым. Святые на иконах как бы перекликаются с резными деревянными изваяниями иконостаса. Их в нем немало. Особенно интересны окруженные цветами детские головки. Таких скульптур не встретишь обыкновенно в других православных иконостасах. Сразу их даже и не заметишь в общем изобилии деталей. Трудно оторвать глаз от их беспредельного богатства.

А рядом с Успенским собором, чуть ли не вплотную к нему, высится соборная колокольня. Двухъярусная, с рустованными углами, широкими пролетами звона, полукруглыми раскрепованными фронтонами и пучками стройных колонн скромно стоит она на площадке Соборной горы. Выстроена колокольня в 1767 году в характерных формах петербургского барокко. Она ниже собора; издали кажется, что ее массив как бы прижался к нему своим еще более низким и простым выступом с часами. Внимательный путешественник безусловно обратит внимание на не слишком крупные ниши, неправильно расположенные уступчатые «ширинки» и изразцовые вставки между колоннами нижнего яруса колокольни. Это декоративные элементы колокольни 1667 года, нижняя часть которой почти целиком вошла в состав существующей. Прекрасно контрастирует она пышными формами с

упрощенными крупномасштабными элементами гигантских стен собора. Найти такое противопоставление в архитектуре бывает подчас трудно.

Интересны и другие здания Соборной горы — продолговатая двухэтажная консистория (ныне областной архив), выстроенная в 1790 году в характерных формах русского классицизма, и особенно теплый надвратный Богоявленский собор, построенный в 1784 году архитектором М. Н. Слепневым на месте деревянного храма 1712 года. Сквозь широкую арку нижнего этажа этого храма вы и вошли, очевидно, на Соборную гору. Медленно поднимаются здесь по крупной булыжной вымостке посетители. Их на Соборной горе всегда много. Внимательно осматривают они нависающие над головой своды храма и расположенные по сторонам массивные стены. Не забывают они выйти и на широкую открытую галерею Богоявленского собора, фасады которого прорезаны прямоугольными окнами и расчленены изящными пилястрами. Чугунная решетка галереи поставлена в 1858 году. Остановитесь у этого ограждения ненадолго и полюбуйтесь еще раз прекрасно видимыми отсюда Успенским собором и колокольной. С галереи вы рассмотрите также и проходящую внизу улицу. Медленно ползут по ней вверх, к центру города, машины и трамваи.

Галерея Богоявленского собора соединяется с полукруглой верхней площадкой Соборной лестницы. Здесь находится парадный вход на Соборную гору. Он оформлен скромными арочными, напоминающими триумфальную арку воротами с треугольным фронтоном. С достоинством стоят они на площадке, пропуская проходящих. В сторону от ворот уходит ограда, возведенная в 1767 году вместо обветшавшей, а вниз, охватывая подпорную стенку площадки по сторонам, чуть поспешно сбегают две полукруглые лестницы. Соединяясь затем вместе, они от промежуточной площадки широким единым маршем устремляются вниз, на улицу. Строилась соборная лестница в 1766—1767 годах архитектором П. Обуховым. В 1784 году она была перестроена архитектором М. Н. Слепневым в формах русского классицизма. Много интересных зданий возвел тогда в городе этот зодчий. Стройно, в ряд, один выше другого, как швейцары в парадных ливреях, стоят по сторонам созданного им соборного всхода квадратные столбы парапетного ограждения. Они как бы встречают тех, кто поднимается по лестнице к Успенскому собору, и с почтением провожают других, спускающихся вниз на улицу.

*Смоленск. Соборная
лестница. Архитекторы
П. Обухов и М. Н. Слепнев.
1766—1784*

Следуя по этой улице за медленно ползущим вверх трамваем, вы подойдете к Троицкому монастырю. Он не велик. Собор и колокольня его основные сооружения. Они воздвигнуты архитектором Иваном Калининым — колокольня в 1738 году, собор в 1740 году. Как поссорившиеся школьники стоят теперь эти постройки поодаль друг от друга, разъединенные улицей, проложенной по распоряжению Петра I. Она прошла по двору монастыря параллельно крутой улице, проходившей несколько ниже, у подошвы холма. Внимание путешественников здесь привлекают не только объемы этих разобщенных зданий, но и уступчатая ограда монастыря, упирающаяся в широкое двухстороннее арочное крыльцо Троицкого собора, со сложным барочным фронтоном, богатыми наличниками и сочными уступчатыми профилями. Рьяно хозяйничали в этом монастыре французы в 1812 году. Они разломали царские ворота собора, украшенные золотом и серебром, разграбили его имущество,

*Смоленск. Троицкий
монастырь. 1738—1740.
Архитектор И. Калинин*

опустошили монастырские здания, уничтожили подсобные деревянные строения. Разорение было настолько значительным, что монахи, возвратившись в монастырь после изгнания французов, уже не надеялись на его восстановление и заблаговременно искали приюта в других обителях. Но, несмотря на это, монастырь все же был приведен в порядок.

От Троицкого монастыря путешественники поднимаются еще выше по улице и проходят к простой Вознесенской церкви 1694—1698 годов (теперь выставочный зал), затем приближаются к центру, где осматривают красивое здание дворянского собрания (ныне Медицинский институт), выстроенное известным петербургским архитектором А. И. Мельниковым в 1825 году, а от него направляются в восточную часть города, где любуются причудливыми формами известного Преображенского собора Авраамиева монастыря постройки 1755 года. Первое из этих сооружений привлекает внимание ступенчатой колоколь-

ней и гранеными окнами высокого четверика. Второе манит красивым шестиколонным дорическим портиком, возвышающимся в средней части фасада над суженными арками рустованного цокольного этажа и ажурными железными кронштейнами крылец боковых входов. Наконец, третье сооружение вызывает восторг причудливой замысловатостью предельно богатых барочных наличников и напоминающих геральдические картуши ниш.

Попутно приезжие осматривают и другие достопримечательности Смоленска. Среди них привлекает внимание памятник гениальному русскому композитору М. И. Глинке, стоящий на городском сквере против здания дворянского собрания. Автор скульптуры профессор А. Р. Бок. На высоком, высеченном из киевского лабрадора постаменте стоит отлитая из бронзы фигура композитора. «Глинке Россия» — гласит обрамленная лавровым венком надпись на его лицевой стороне. И действительно, Россия воздвигала этот памятник, но не царская, официальная, казенная, а подлинная, народная, собравшая для него средства. Торжественно открывали этот памятник в 1885 году. Весь город был украшен тогда флагами, устраивались народные гулянья, театральные представления, пускались бенгальские огни. Вокруг памятника ажурная железная решетка, выполненная по проекту академика И. С. Богомолова. Живописно расположились на ней ноты бессмертных творений основоположника русской классической музыки. Яркий травяной ковер стелется перед оградой. Фигура М. И. Глинки поднята на высокий постамент. Он изображен в длинном сюртуке, с дирижерской палочкой в руке. Чуть склонив голову, он как бы прислушивается к тихому звучанию этих нот. И не случайно, что смоляне особо любят сквер с этим памятником, с удовольствием отдыхают на расположенных поодаль скамейках. Их влечет сюда и прохладная тень приятно пахнущих лип и лирическая тишина сквера.

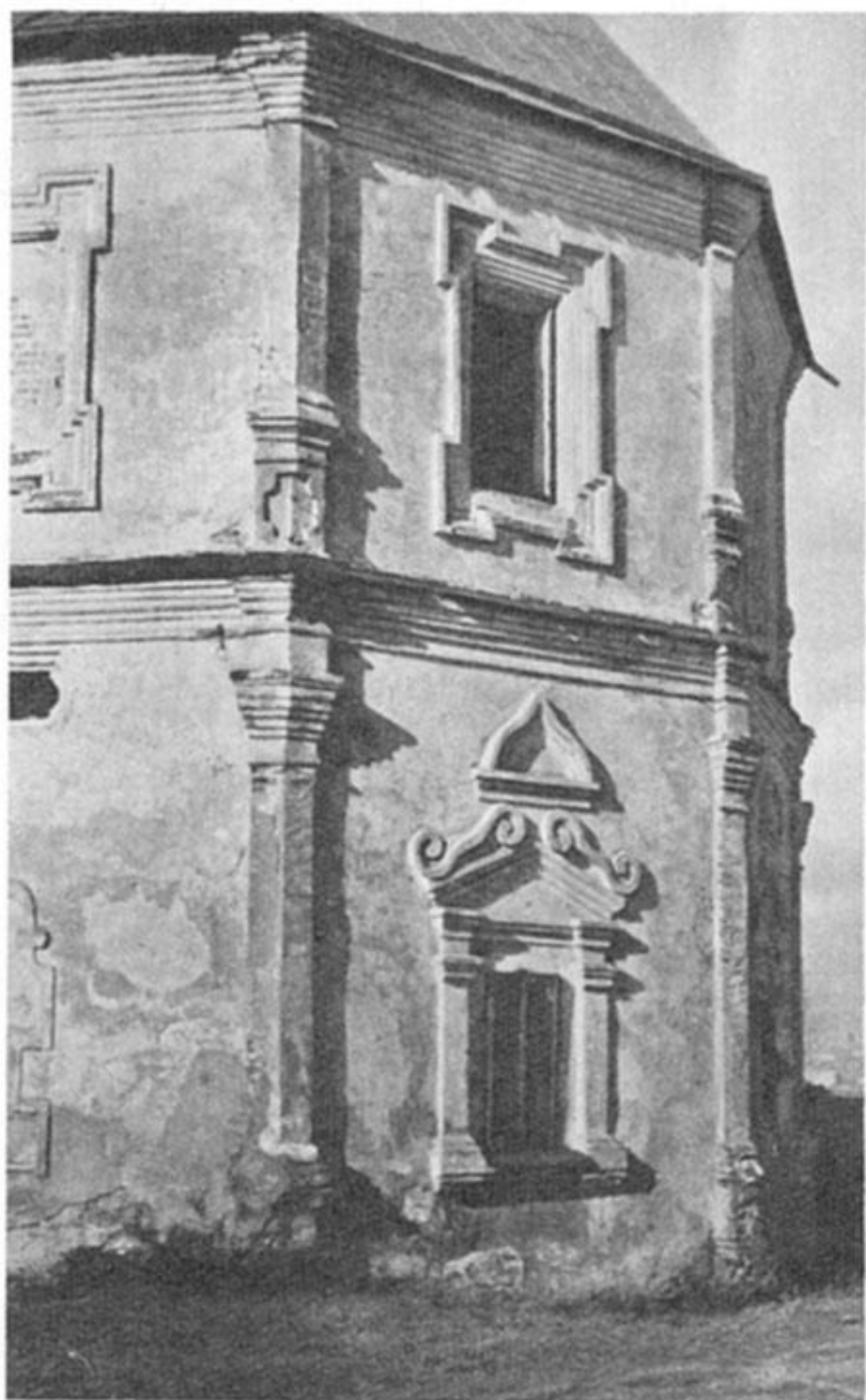
Осматривают туристы и монументы войны 1812 года. Их в Смоленске несколько. Как и памятник М. И. Глинке, они стоят в скверах и парках под раскидистой кроной деревьев. В одном месте это пирамидальный, увенчанный главкой с крестом обелиск, поставленный в честь отважных защитников города (1841). В другом — огромный бетонный камень с картой европейской части России, бронзовыми лавровыми венками, гербами, фигурой галла и двумя орлами на вершине, воздвигнутый героям двенадцатого года (1913). Наконец, третий — четырехгранный обелиск, поддерживаемый шестью круг-

*Смоленск. Колокольня
Вознесенской церкви.
1694—1698*

лыми тумбами, сделанный во славу Софийскому полку, участвовавшему в Бородинском сражении (1912). Среди этих монументов выделяется бюст М. И. Кутузова, стоящий на гранитном пьедестале. Это изваяние скульптора М. И. Страховской. Поставлено оно на средства населения Смоленской губернии в столетнюю годовщину Бородинского сражения. Вновь напоминают эти памятники о героизме и мужестве русского народа.

Страницы истории раскрываются перед путешественником и тогда, когда он мимо двух трофейных французских пушек проходит в здание краеведческого музея, имеющего и мемориальный зал М. И. Глинки. Но еще большее эстетическое наслаждение он получает во время посещения музея изобразительного и прикладного искусства. Его двухэтажное кирпичное здание, украшенное над входом цветной керамической вставкой, построено в 1905 году по проекту художника С. В. Малютина. С именем известной меценатки княгини М. К. Тенишевой свя-

зана начальная история его великолепной, впоследствии еще более расширенной экспозиции. Здесь, в здании музея, в его небольших уютных залах собраны художественные коллекции, равных которым трудно найти в других городах. Тут и великолепные русские иконы XIV—XVI веков и прекрасные полотна многих русских художников XVIII—XIX столетий. С глубоким вниманием рассматривают посетители картины Ф. А. Бруни и А. Е. Егорова, полотна И. К. Айвазовского, И. И. Шишкина, В. Е. Маковского, И. Н. Крамского, Н. Н. Ге и этюды И. Е. Репина. Их привлекают произведения И. И. Левитана, К. А. Коровина, Н. К. Рериха и И. Э. Грабаря. Среди них висит портрет М. К. Тенишевой работы В. А. Серова. Есть в музее и отдел западноевропейского искусства. Залы музея высокие и светлые, картины развешаны плотно, небольшие произведения размещены в витринах. А по углам и в простенках стоят скульптуры. Бронзовое изваяние сидящего в кресле графа А. И. Панина работы

*Смоленск. Авраамиев
монастырь.*

*Преображенский
собор. 1755. Апсида*

скульптора М. М. Антокольского привлекает внимание многих, но больше всего посетителей толпится у конной фигуры Петра I. Это небольшая, вырезанная из одного куска дерева скульптура — единственная в своем роде. Сделана она в связи с приездом царя в Смоленск в 1699 году неизвестным русским мастером XVIII века и составляет одну из неповторимых достопримечательностей музея.

Наряду с осмотром музея и других достопримечательностей города можно съездить также в Талашкино. Это недалеко, всего 18 километров по Рославльскому шоссе. Вы попадете в бывшую усадьбу М. К. Тенишевой, где она в 1898 году организовала школу прикладного искусства и открыла художественно-этнографический музей. Тогда в Талашкине работали столярные, керамические, вышивальные и белошвейные мастерские, мастерские резьбы по дереву. Над возрождением народного искусства в нем трудились также и приезжавшие художники — В. М. Васне-

цов, В. Д. Поленов, Н. К. Рерих, С. В. Малютин, И. Э. Грабарь, М. А. Врубель и многие другие. По их рисункам и эскизам местные крестьяне создавали всевозможную утварь, предметы быта и домашнего обихода. Посещали Талашкино и мастера русской сцены — Ф. И. Шаляпин и Л. В. Собинов. Бывали в нем композитор М. А. Балакирев и поэт А. А. Блок. Ваше внимание привлекут и богато украшенный порезкой деревянный домик-«Теремок» (1901), выстроенный по эскизу С. В. Малютина, и храм-усыпальница (1902), созданная при участии Н. К. Рериха. Огромная декоративная мозаика «Нерукотворный Спас», как бы нависшая над скромным порталом этого храма, привлечет ваше внимание своей яркостью и выразительностью. Однако все это лучше оставить на следующий раз, когда вы вторично приедете в Смоленск. Ведь осмотреть город за один раз, ознакомиться со всеми его достопримечательностями сразу не только трудно, но и невозможно. Поэтому я рассказал только о самом главном, наиболее впечатляющем. На этом мы и закончим наше путешествие по старому Смоленскому тракту. Впереди Минская магистраль — последний, уже обратный участок вашего длительного пути.

Минская магистраль

Минское шоссе. Что ждет вас на этой, сравнительно молодой, хорошо асфальтированной автомагистрали? Забегая вперед, скажу, что Минское шоссе так же интересно, как и старый Смоленский тракт, хотя то, что на нем находится, относится уже к нашей эпохе, к нашему недавнему прошлому.

Двигаясь теперь по направлению к Москве, вы оставляете за собой центральную площадь Смоленска, пересекаете Днепр и многочисленные нити железнодорожных путей, а затем взбираетесь в гору по улице, плотно застроенной многоэтажными кирпичными домами. Отсюда сверху можно снова полюбоваться Днепром, снова насладиться величественной панорамой города. Его древняя часть с холмами, оврагами и памятниками зодчества вновь развернется перед вами во всей неповторимой своей красоте. Но это будет только мгновение. Окружающие здания быстро заслонят эту живописную картину. Словно занавес, закрывающий сцену, «отрежут» от вас современные постройки древнюю часть Смоленска. Считайте, что теперь город уже позади, хотя до его окраины еще далеко.

Однако стоп! Затормозите машину. У дороги памятный знак. Он встречает всех, кто прибывает в Смоленск с Минской автомагистрали. Что-то подобное, связанное с теми же событиями, вы уже встречали на Смоленском тракте. Напрягите память, постарайтесь вспомнить.

Воронки от авиационных бомб в кустах, наполненные мутной болотной водой, как бы нарочно срубленные вер-

хушки деревьев в лесах, срезанные шквальным артиллерийским огнем, и противотанковые ежи из обрезков проржавевших рельсов, торчащие в дорожных кюветах. Это следы минувшей войны. Тогда сатрапы пресловутого Гитлера уничтожали все, что оказывалось у них на пути. Они превратили в развалины Гжатск и Вязьму, разрушили Дорогобуж и Смоленск. Не щадили фашисты и памятников искусства. Артиллерийским огнем разрушили они центральную главу Никольского собора в Можайске, прямой наводкой расстреляли теперь уже восстановленную Рождественскую церковь в Бородине, превратили в развалины и многие другие памятники зодчества. Список их варварства нескончаем. Правда, следов военных разрушений теперь не увидишь в этих городах. Города эти давно восстановлены, многие их кварталы отстроены заново, на местах разрушенных построек высятся новые. В строительных лесах находятся и многие памятники архитектуры этих городов, поврежденные гитлеровскими захватчиками. Все это вы видели, когда двигались по старому Смоленскому тракту от города к городу. Но груды битого кирпича и щебня, до сих пор разбираемые в Болдине, — это тоже следы войны, как лесные воронки, срезанные деревья и сварные ежи.

Думая о минувшей войне, вы вспомнили и те доты — втиснутые в землю железобетонные долговременные огневые точки на Бородинском поле, которые входили в систему укреплений Можайской линии обороны во время боев на дальних подступах к Москве в октябре 1941 года. Их там немало. Тогда Бородинское поле покрылось окопами, блиндажами и противотанковыми препятствиями. На его высотах были оборудованы огневые позиции дивизии полковника В. И. Полосухина, орудия которых стреляли по противнику прямой наводкой. Непреступными узлами обороны стали тогда эти укрепления.

Вслед за дотами Бородинского поля вы вспомнили также групповой монумент генералу М. Г. Ефремову в Вязьме (открыт в 1946 г., скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Я. В. Белопольский) и гранитное изваяние мальчика-партизана, Героя Советского Союза В. Куриленко в Смоленске (установлен в 1969 г., скульптор К. Б. Пастернак), а также дальнобойное артиллерийское орудие, поставленное на бетонную площадку при въезде в Гагарин как знак почести геройским войскам, очистившим в 1943 году город Гжатск от немецко-фашистских захватчиков, и тяжелый гусеничный танк, навечно укрепленный на

*Вязьма.
Памятник генералу
М. Г. Ефремову. 1946.
Скульптор Е. В. Вучетич,
архитектор
Я. Б. Белопольский*

постаменте в центре Дорогобужа в честь доблестных советских воинов, в том же году освободивших его от гитлеровских завоевателей. И это уже не следы, а монументы войны. Они воздвигнуты после ее победоносного завершения в память о павших в боях, во славу героев решающих сражений.

Памятный знак, который вы видите сейчас справа у дороги, — это тоже гусеничный танк на постаменте. Поставленный в память о мужестве и героизме воинов, защищавших и освобождавших Смоленск от немецко-фашистских захватчиков, он как бы перекликается с танком в центре Дорогобужа. Пушка танка чуть поднята кверху. Кажется, что вот именно сейчас и прозвучит ее гулкий выстрел во славу отважных героев. Надпись на камне впереди танка повествует, ради чего он поставлен. Сжимается сердце, когда ее читаешь. Слова простые, лаконичные. Сколько в них скрытого смысла, сколько за ними слез и страданий. И это тоже монумент войны, со-

*Москва. Триумфальные
ворота. Литография
середины XIX в.*

зданный в послевоенные годы. Он напоминает о днях тяжелых испытаний и беспредельного мужества советских людей, насмерть стоявших на вверенных им рубежах. О их героизме и беспредельной отваге вам рассказывала экспозиция одного из залов музея на Бородинском поле, где вы видели трофейные фашистские знамена и железные кресты битых гитлеровцев, а вместе с ней и всевозможные экспонаты витрин краеведческого музея в Смоленске.

За танком у «ворот» Смоленска асфальтовая гладь дороги обсажена березами и тополями. Здесь рассказ о Великой Отечественной войне Советского Союза с вероломно напавшей на него гитлеровской Германией будет продолжен. И первое, что привлекает внимание на Минском шоссе, когда машина пересекает границу между Смоленской и Московской областями, — это мемориальный ансамбль у деревни Уваровки. Здесь останавливаются все не ради интереса и любопытства, а ради священного

долга. Ансамбль расположен чуть в стороне от серой ленты шоссе. Он создан комсомольцами и молодежью Можайского района всем тем героям, которые пали в Долине смерти в 1941—1942 годах. Это простой, гладкий, предельно четкий и чрезвычайно лаконичный призматический обелиск с изваянием головы солдата. Высечен обелиск из гранита. Суровое угловатое лицо молодого воина повернуто в сторону магистрали. Каска плотно прикрыла ему голову. Зорко всматриваются вдаль его глаза. «Мы не забудем тех, кто отдал жизнь за наше счастье» — гласит высеченная на обелиске надпись. Вокруг зеленый газон и клумбы с цветами. А за обелиском, словно прижавшись к кустам, разместилась невысокая изогнутая стенка. Она служит фоном обелиску. На ней цветное мозаичное изображение скорбящей матери и крупные буквы слов: «Их было десять тысяч». Низенькая скамейка хорошо вписалась в общую композицию этого ансамбля.

Оставляют машину путешественники и там, где стоит указатель поворота на Бородино. Здесь у шоссе другой монумент — как бы взлетающий истребитель Як-3. Четким силуэтом воспринимается он на фоне неба. Подобно вихрю ушел от него вниз дугообразно изогнутый постамент. Самолет сделан из красной меди, постамент из бетона. В память о первом сокрушительном поражении, которое потерпели в центре России гитлеровские захватчики, поставлен этот монумент героями тыла на Минском шоссе. Они воздвигли его в честь отважных защитников московского неба, чей подвиг в 1941—1945 годах стал бессмертен. Именно отсюда и погнали фашистов до Берлина славные советские воины.

Далее ваш автомобиль безусловно остановится у поворота на Петрицево. Здесь перекресток, тут всегда многолюдно. И это не случайно. У перекрестка, в окружении цветов и ровного строя голубых елей, высится памятник бессмертной героине Советского Союза Зое Космодемьянской (скульпторы О. А. Иконников и В. А. Федоров). Подвиг ее известен. Памятник открыт 9 мая 1950 года, в День Победы над фашистской Германией. Высокая и стройная, со связанными за спиной руками и гордо вскинутой головой, стоит она на высоком постаменте. Внизу, у основания, венки и букеты цветов. От памятника не так далеко и до деревни, где на месте казни партизанки установлен гранитный обелиск. Чувство глубокой гордости вызывает ее высокий патриотизм, проявленный в годы смертельной схватки с фашизмом.

Вновь задержитесь вы и тогда, когда минуете семьдесят четвертый километр. Здесь снова танк на массивном бетонном основании. Он отмечает то место, где в октябре 1941 года героические войны Советской Армии преградили фашистам путь на Москву, а затем в ожесточенных боях, отражая яростные танковые атаки противника, перешли в наступление и погнали врага на запад. Памятным стал для страны тот великий день. Ведь именно тогда под Москвой гитлеровцы понесли первое крупное поражение в ходе второй мировой войны и именно тогда был окончательно сорван фашистский план «молниеносной войны» на востоке. Миф о непобедимости гитлеровской армии был полностью развеян. Танк напоминает об этом. Площадка перед ним выложена большими плитами. Красиво проросли травой преднамеренно оставленные между ними щели. Словно квадраты огромного ковра воспринимаются они путешественниками.

А далее — Москва. Силуэтом белеющего вдали Университета, а затем плоскостями светлых фасадов высоченных домов встречает она вас. Нежно-розовыми становятся они в часы заката. Это как бы торжественный въезд в столицу, ее своеобразные западные ворота. За ними путепровод кольцевой магистрали и мотель для приезжающих, а далее уже знакомые вам Триумфальные ворота. Органически вписались они в ансамбль памятных сооружений, изваяний и знаков, расставленных на многокилометровой Минской магистрали. А сквозь арку ворот просматривается чуть ли не весь Кутузовский проспект. Теперь вы почти уже дома. Ваше путешествие по старому Смоленскому тракту и параллельной ему Минской магистрали полностью закончилось.

Желаю вам успехов, дорогой путешественник!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подлинная «Кутузовская изба» сгорела в 1869 году. На ее месте стоит копия 1887 года, где находится мемориальный музей, воспроизводящий обстановку, в которой в 1812 году происходил военный совет.

2. Мари-Анри-Бейль — Стендаль (1783—1842) прибыл на театр военных действий в Россию в 1812 году. В Москве был с 20 сентября по 16 октября этого года. Мы имеем большое количество свидетельств его московских впечатлений в виде дневников, писем и в особенности корреспонденции, не дошедшей до Парижа и перехваченной партизанами.

3. «Материалы по истории СССР», вып. 1 (документы по истории XV—XVII вв.), М., 1955, стр. 100.

4. [Х. Чеботарев], Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, М., 1787, стр. 283.

5. «Писцовые книги Московского государства», ч. 1. Писцовые книги XVI в., Спб., 1872, стр. 615—616.

6. В. и Г. Холмогоровы, Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст., вып. V — Можайская десятина, М., 1901, стр. 2—5.

7. Дионисий (архимандрит), Можайские акты, 1506—1775, Спб., 1892, стр. 127—128.

8. А. Успенский, Столбцы бывшего архива Оружейной палаты, вып. 3., М., 1914, стр. 531.

9. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 177, карт. 1, ед. хр. 17.

10. «Бородино. Документы, письма, воспоминания», М., 1962, стр. 389.

11. Там же, стр. 392.

12. [Н. В. Трофимовский], Историко-статистическое описание Смоленской епархии, Спб., 1864, стр. 318; Адрес-календарь Смоленской епархии с историческими и церковно-практическими указаниями, Смл., 1897, стр. 149.

13. И. Виноградов, Вяземские писцовые книги князя Ивана Федоровича Волконского 1627 г., Смл., 1882, стр. 1.

14. «Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук» (под ред. Н. А. Попова), т. I (Разрядный приказ), Спб., 1890, стр. 155—157.

15. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, т. III, Спб., 1841, стр. 170—175.

16. А. Н. Сперанский, Очерки по истории Приказа Каменных дел Московского государства, М., 1930, стр. 47; «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией», т. II, Спб., 1846, стр. 146; А. Савельев, Материалы к истории инженерного искусства в России, Спб., 1853, стр. 177.

17. «Комсомольская правда», 23, 25 и 26 октября 1960 г. 12 ноября 1961 г.; «Неделя», 1—7 января 1967 г. и 12 мая 1968 г.

18. «Русская историческая библиотека», т. XXXVII, Пг., 1923, стб. 95—116.

19. Там же, стб. 95—117; Архив Ленинградского отделения института истории Академии наук СССР, Коллекция С. В. Соловьева, № 141, лл. 2 об. — 5.

20. П. Н. Милюков, Древнейшая Разрядная книга, М., 1901, стр. 43.

21. Ю. В. Арсеньев, Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку Космографии конца XVII века — Записки Московского археологического института, т. XI, М., 1911, отд. 2, стр. 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [Л. Бакмейстер], Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи, т. I, Спб., 1771.
- [Х. Чеботарев], Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, М., 1787.
- «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и кавалера Миллера» — Новые ежемесячные сочинения, ч. XLVI, апрель, Спб., 1790.
- [П. Свиньин], Взгляд на достопримечательные здания в городе Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. — Отечественные записки, ч. XXVII, № 77, сентябрь 1826.
- Н. Мурзакевич, Достопамятности города Смоленска. — Журнал министерства народного просвещения, ч. VIII, № 12, декабрь 1835.
- Н. Горчаков, Село Вяземы в Звенигородском уезде. — Московские губернские ведомости (Прибавление), № 11, 1841.
- «Можайский собор» — Московские губернские ведомости (Прибавление), № 48, 1841.
- «Соборная церковь в Можайске» — Живописное обозрение, т. VII, М., 1841.
- М. Цебриков, Материалы для географии и статистики России. Смоленская губерния, Спб., 1862.
- [Н. В. Трофимовский], Историко-статистическое описание Смоленской епархии, Спб., 1864.
- «Городские поселения в Российской империи», т. IV, Спб., 1864.
- «Город Гжатск, его судьбы и бывшее значение». — «Мирское слово», № 14, 1872, май.
- В. и Г. Холмогоровы, Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVII ст., вып. 3, Загородская десятина, М., 1886.
- И. П. Виноградов, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в., М., 1890.
- Дионисий (архимандрит), Краткая летопись Можайского Лужецкого второклассного монастыря с 1408 года по 1892 год, М., 1892.
- Адрес-календарь Смоленской епархии с историческими и церковно-практическими указаниями, Смл., 1897.

- С. П. Писарев, Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очерк. Указатель и путеводитель. Смл., 1898.
- Л. Санковский, Краткое описание церквей Смоленской епархии, вып. 1, Смл., 1898.
- Г. К. Лукомский, Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства, ч. 1; «Наша провинция» (изд. «Шиповник»), Пг., б/г.
- Б. К. Богуславский, В. А. Никитин, Город Гжатск и его уезд. Историко-статистический очерк, Смл., 1900.
- В. и Г. Холмогоровы, Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст., вып. 10, Можайская десятина, М., 1901.
- И. Орловский, Смоленская стена. 1602—1902. Смл., 1902.
- Н. Мурзакевич, История города Смоленска (юбилейное издание), Смл., 1903.
- «Иллюстрированный путеводитель по Александровской железной дороге (издан к столетнему юбилею Отечественной войны)», М., 1912.
- [П. Цветков], Указатель церковных древностей г. Смоленска (юбилейное издание), Смл., 1912.
- П. Шереметев, Вяземы. Пг., 1916.
- С. Д. Ширяев, Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVIII вв., Смл., 1931.
- Н. Н. Воронин, Древнерусские города. М., 1945.
- Н. Воронин, М. Ильин, Древнее Подмосковье. Памятники зодчества XV—XVII вв., М., 1947.
- И. Белогорцев, Архитектурный очерк Смоленска, Смл., 1949.
- И. Белогорцев, Архитектурные сокровища Смоленщины. — Смоленский альманах, кн. 7, Смл., 1950.
- И. Д. Белогорцев, И. Д. Софинский, Смоленск (Архитектура городов СССР), М., 1962.
- Т. Н. Сергеева-Козина, Можайский кремль 1624—1626 гг. Опыт реконструкции. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 31. Крепостные сооружения Древней Руси, М., 1952.
- Д. П. Маковский, В. С. Орлов, А. В. Чернобаев, Б. И. Бельтюхов, Вязьма, Смл., 1953.
- С. Веселовский, В. Снегирев, Н. Коробков, Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв., М., 1955.
- М. А. Ильин. Подмосковье, М., 1955.

- Памятники архитектуры Смоленской области. Аннотированный каталог, Смл., 1956.
- В. С. Орлов, А. В. Чернобаев. Гжатск, Смл., 1957.
- Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв., т. II (XIII—XV стр.), М., 1962.
- Э. Кузнецова, Отечественная война 1812 года в медальонах Ф. Толстого. — Журн. «Искусство», № 9, 1962.
- С. Боровкова, Панорама Бородинская битва, М., 1964.
- М. К. Каргер, Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.), Л., 1964.
- В. В. Косточкин, Государев мастер Федор Конь, М., 1964.
- Н. Н. Беляничков, Судьба сокровищ, похищенных Наполеоном в Москве. — «Вопросы истории», № 4, 1965.
- В. И. Антонова, Московский иконник Посник Дермин — Культура и искусство Древней Руси (сборник статей в честь М. К. Каргера), Л., 1967.
- Н. Н. Воронин, К истории смоленского зодчества XII—XIII вв. — Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи (материалы юбилейной научной конференции), Смл., 1967.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КОСТОЧКИН

СТАРЫМ СМОЛЕНСКИМ ТРАКТОМ

Редактор
И. А. КУРАТОВА

Оформление серии художника
Ю. К. КУРВАТОВА

Рисунки к карте художника
Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы:
Е. Е. СМИРНОВ,
Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
Г. П. ДАВИДОК

Корректор
Г. И. СОПОВА

Сдано в набор 19/VIII 1971 г. Подп. к печати 30/XII 1971 г. А13925. Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 6,435. Уч.-изд. л. 8,093. Тираж 75 000 экз. Изд. № 992. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 573. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Цена 49 коп.